

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ № 1

Бишкек-2022

Национальная академия наук Кыргызской Республики
Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ № 1

Научный журнал

Бишкек-2022

ISBN 1694-8637

Учредитель: Институт истории, археологии и этнологии имени Б.Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики

Главный редактор:

Асанканов А.А. – акад. НАН КР, проф., директор Института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова НАН КР

Редакционная коллегия:

Закиров М.А. – зам. гл. редактора, канд. истор. наук, зав. отделом гуманитарных исследований Центральной Азии ИИАиЭ НАН КР

Скрипкина С.М. – ответственный редактор, науч. сотр. ИИАиЭ НАН КР

Сулайманова А.С. – науч. сотр. ИИАиЭ НАН КР

Редакционный совет:

Абдрахманов Т.А. – д.и.н., проф., ректор КГУ им. Ж.Баласагына

Акрамов Зикрие И. (Таджикистан) – д-р истор. наук, проф. истфака ТГНУ

Аманбаева Б.Э. – канд. истор. наук, вед. науч. сотр., руковод. группы исследований культурного наследия КР ИИАиЭ НАН КР

Арзыбаев Т.К. – канд. истор. наук, зав. отделом истории Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX в. ИИАиЭ НАН КР

Жапаров А.З. – д.и.н., зав. отделом этнологии ИИАиЭ НАН КР

Койчуманова Ч.У. – чл-корр. НАН КР, проф., директор Института истории и социально-правового образования им. Э.Ж.Маанаева КГУ им. И.Арабаева

Кубатова А.Э. – канд. истор. наук, зав. отделом истории Кыргызстана XX–XXI вв.

Мирзаханов В.С. (Россия) – д-р истор. наук, проф., директор Саратовского межрегионального ин-та общественных наук

Мокеев А.М. – д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой КТУ «Манас»

Плоских В.М. – академик НАН КР, д-р истор. наук, проф., зав. кафедрой КРСУ

Ташбаева К.И. – канд. истор. наук, зав. отделом археологии ИИАиЭ НАН КР

Чоротегин Т. – д-р истор. наук, проф. кафедры регионоведения и кыргызоведения КНУ им. Ж.Баласагына

История, археология и этнология / под ред. А.А. Асанканова.

– Бишкек: Из-во "Фаст-принт", 2024. – № 1. – 156 с. : ISBN 1694-8637.

Журнал предоставляет авторам возможность выйти со своими исследованиями на широкий круг профессионалов, а читателям – постоянно быть в курсе актуальных проблем истории, археологии и этнологии. Издание рассчитано на работников науки, культуры, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов.

Публикуемые материалы не обязательно отражают точку зрения Института истории, археологии и этнологии НАН КР, а также редакции журнала.

Журнал основан

16.01.2006.

Выходит 4 раза в год

Журнал перерегистрирован

в МЮ КР 27.06.2019 г.

Свидетельство № 1141

720071, Бишкек, пр. Чуй, 265-а,

ИИАЭ НАН КР, к. 303.

Сайт: <http://history.naskr.kg/>

Тел: 0551-876775, 0556-130453

М А З М У Н У

Асанканова А.А. Алгы сөз.....3–4

КЫРГЫЗСТАН XX–XXI кк.

Дүйшөнбиев С.У. Кыргызстандагы теңирчилик.....7–18
Маджун Дж.С. 1916-ж. Жети-Суудагы жана 2020-жж. Кордойдогу
кайгылуу окуялардагы тарыхый окшоштуктар жөнүндө.....19–31

АРХЕОЛОГИЯ

Султанов Э.К., Борсунбаев М.К., Жумабаев А.Т. Чоң-Алай
аймагындагы коло доорунун Вахш-бишкент маданиятына
таандык эстеликтердин ачылуусу (2018–2019-жж. казуу
иштеринин жыйынтыктары боюнча).....32–41
Ташбаева К.И. Кыргызстандын азыркы мезгилдеги
археология илиминин негизги проблемалары
жана анын өнүгүү перспективалары..... 41–65

ЭТНОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНИКАЛЫК МАСЕЛЕЛЕР

Бексултанова Ч.Д. Кол өнөрчүлүк кыргыздардын салттуу
маданиятынын бир бөлүгү катары.....66–71
Жеенкулова Л. Салттуу көчмөндөр оюндарында эркек менен аял
(С.М. Абрамсондун изилдөөлөрүндө).....72–77

ТАРЫХНААМЕ

Мусаев О. Кокон хандыгындагы ичкилик кыргыздарынын ээлеген
орду илимий изилдөөлөрдүн объектиси катары.....78–90
Тагаев Б. Т.Кулатовдун өмүрү жана саясий ишмердүүлүгү
тарыхый изилдөөлөрдө.....90–98

ДУНГАН ЖАНА КЫТАЙ ТААНУУ МАСЕЛЕЛЕРИ

Имазов М.Х. Лингвистиканын теориясы жана нормасы
(дунган жана кытай тилдеринин мисалында).....99–111

ХРОНИКА

Тарых илимдеринин кандидаты
Старусева Тамара Игоревнанын юбилейине карата.....112–117
Тарых илимдеринин кандидаты *Жолдошов Рыскулдун*
юбилейине карата.....117–119

ТИРКЕМЕ

Э. Султановдун макалаларына тиешелүү сүрөттөр.....120–127
Авторлорго эскертме.....128
Макалаларды даярдоонун эрежелери.....129–130

СОДЕРЖАНИЕ

Асанканов А.А. Вступительное слово.....3–4

КЫРГЫЗСТАН В XX–XXI вв.

Дюшенбиев С.У. Тенгрианство в Кыргызстане.....7–18

Маджун Д.С. Об исторических параллелях в трагических событиях 1916 г. в Семиречье и в 2020 г. в Кордае.....19–31

АРХЕОЛОГИЯ

Султанов Э., Борсунбаев М.К., Жумабаев А.Т. Открытие вахш-бишкентской культуры эпохи бронзы на территории Чон-Алайского района (по итогам раскопок 2018–2019 гг.).....32–41

Ташбаева К.И. Основные проблемы археологической науки Кыргызстана на современном этапе и перспективы ее развития.....41–65

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Бексултанова Ч.Д. Ремесленничество как часть традиционной культуры кыргызов..... 66–71

Жеенкулова Л. Мужчины и женщины в традиционных играх кочевников (в исследованиях С.М. Абрамзона).....72–77

ИСТОРИОГРАФИЯ

Мусаев О. Историография проблемы роли ичкиликских кыргызов в Кокандском ханстве..... 78–90

Тагаев Б. Жизнь и деятельность Т. Кулатова в исторических исследованиях.....90–98

ВОПРОСЫ ДУНГАНОВЕДЕНИЯ И КИТАИСТИКИ

Имазов М.Х. Теория и норма в лингвистике (на примере дунганского и китайского языков).....99–111

ХРОНИКА

К юбилею кандидата исторических наук Старусевой Тамары Игоревны.....112–117

К юбилею кандидата исторических наук Жолдошова Рыскула.....117–119

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунки к статье Э. Султанова.....120–127

Сведения об авторах.....128

Правила оформления статей.....129–130

АЛГЫ СӨЗ

Кыргыз Республикасынын Улуттук илимдер академиясынын Б.Д.Жамгерчинов атындагы Тарых, археология жана этнология институту «Тарых, археология, этнология» аттуу илимий жаңы журналды чыгара баштады. Ал иш жүзүндө аталган институттун 2006–2016-жж. аралыгында жарыялап турган «Кыргызстандын тарыхынын маселелери» аттуу журналдын ишин улантуучу болуп саналат.

Аталган журналдын максаты – Борбордук Азия өлкөлөрүнүн, анын ичинде Кыргызстандын тарыхы, археологиясы жана этнологиясы боюнча жүргүзүлүп жаткан фундаменталдуу изилдөөлөрдү илимий чөйрөгө жеткирүү эсептелет. Журналда тарых илиминин бир катар багыттары боюнча макалалар кыргыз жана орус тилдеринде жарыяланат. Андан сырткары кеңири проблемалар боюнча дискуссиялар жүргүзүлөт. Журналда археологиялык жана этнографиялык жаңы талаа изилдөөлөрүнүн жыйынтыктарын чагылдырууга белгилүү бир орун берилет. Бир эле мезгилде журналда библиографиялык мүнөздөгү иштер жана сын пикирлер, илимий турмуштун хроникасы, илимий симпозиумдар, семинарлар, «кереге-кеңештер» боюнча маалыматтар жарыяланып турмакчы.

Журнал авторлорго өз идеялары менен кесипкөйлөрдүн (дасыккан тарыхчылардын) кеңири чөйрөсүнө чыгууга, ал эми окурмандарга – тарых, археология жана этнологиянын актуалдуу маселелеринен дайыма кабардар болуп турууга мүмкүнчүлүк түзөт.

А.А. Асанканов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики в настоящее время приступил к выпуску нового научного журнала «История, археология, этнология», который фактически является преемником периодического журнала Института истории и культурного наследия «Вопросы истории Кыргызстана», выходившего с 2006 по 2016 годы.

Цель данного издания – сделать достоянием научного сообщества фундаментальную и оперативную информацию по истории, археологии и этнологии Кыргызстана, а также и других стран центральноазиатского региона. Журнал задуман как междисциплинарный. На его страницах будут публиковаться научные статьи на двух языках – кыргызском и русском, проводиться дискуссии по широкому кругу проблем. Значительное место в журнале будет отведено результатам новейших полевых исследований археологов и этнографов. В журнале также будут публиковаться библиографические обзоры и рецензии, хроника научной жизни, информация о научных симпозиумах, семинарах, «круглых столах».

Журнал предоставляет авторам возможность выйти со своими идеями на широкий круг профессионалов, а читателям – постоянно быть в курсе актуальных проблем истории, археологии и этнологии.

А.А. Асанканов

Тенгрианство в Кыргызстане

Ключевые слова: Теңир, тенгрианство, божество, «Теңир-Ордо», движение тенгрианства, отказ от регистрации.

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние тенгрианство – одной из древнейшей формы религиозного сознания, мировоззрения кыргызов. Цель статьи – показать, как складывается отношение к этому архаичному пласту древнего религиозного сознания, духовности кыргызов со стороны более современного вероисповедания – исламской религии, духовенства, мусульман, а также государственных органов и общественности. Особо пристальное внимание уделяется объективному раскрытию причин неудачной попытки, тщетного старания сторонников тенгрианства зарегистрировать тенгрианство как религиозную организацию в Кыргызской Республике.

Кыргызстандагы теңирчилик

Негизги сөздөр: Теңир, теңирчилик, кудай, «Теңир-Ордо», Теңирчилер кыймылы, каттоодон баш тартуу.

Аннотация. Макалада кыргыздардын эң байыркы диний аң-сезиминин, дүйнө таанымынын бир түрү болгон – теңирчиликтин азыркы мезгилдеги абалы изилденет. Макаланын максаты – кыргыздардын эң байыркы диний аң-сезиминин, руханий маданиятынын катмары болуп саналган теңирчиликке карата жаңы дин – ислам, диниятчылар, мусулман жамааты, коомчулук тарабынан кандай мамиле жасалып жаткандыгын иликтөө болуп эсептелет. Өзгөчө көңүл Кыргыз Республикасында теңирчиликти тутунган адамдардын аны диний уюм катары көп жылдардан бери каттайбыз деген аракетинен эч майнап чыкпай жаткандыгынын себептерин ачык-айкын изилдөөгө бурулат.

Tengrianism in Kyrgyzstan

Key words: Tengir, Tengrianism, deity, «Tengir-Ordo», Tengrian movement, refusal to register.

Annotation. The article examines the current state of Tengrianism – one of the oldest forms of religious consciousness, the worldview of the Kyrgyz. The purpose of the article is to show how the attitude towards this archaic layer of the ancient religious consciousness, spirituality of the Kyrgyz people from the side of a more modern religion – the Islamic religion, clergy, Muslims, as well as state bodies and the public – is formed. Particular attention is paid to objectively disclose the reasons for the unsuccessful attempt, futile efforts of the supporters of Tengrism to register Tengrism as a religious organization in the Kyrgyz Republic.

Письменные источники свидетельствуют, что у кыргызов существовали древние божества: Тэнгри – небо, Йерсу (*Жер-Суу*) – земля и вода, Умай – покровительница женщин и детей, богиня плодородия [10: 213–216]. О том, какую существенную роль сыграли эти древнетюркские божества в верованиях кыргызов, свидетельствует тот факт, что вплоть до

революции одним из главных видов веры было поклонение высшему божеству неба – Теңиру. Именно Теңир, по представлению тюрков, распоряжается всем происходящим в мире и, прежде всего, предопределяет судьбы людей. Теңир является носителем мужского начала. Теңир «распределяет сроки жизни», однако при этом рождением «сынов человеческих» ведаёт Умай, а их смертью – Эрклиг. Теңир дарует каганам мудрость и власть, дарует каганов народу, наказывает согрешивших против каганов и даже, «приказывая» кагану, решает государственные и военные дела [8: 131–133].

Вышеприведенная схема или трехступенчатая иерархия божеств древних тюрков (верховное божество Высшего мира – Тенгри; Среднего – Йер Су или Умай эне; Нижнего – Эрклиг) вполне применима и для кыргызов. И в наше время одним из синонимов понятия Бог (Аллах, Ку:дай) является – Теңир. С.М. Абрамзон приводит данные из словаря К.К. Юдахина, где слово теңир употребляется вместо куда́й или как парное к нему; иногда вместе с *асман* или *көк* (небо) [1: 309]. Некоторые исследователи, посетившие кыргызов в конце XIX в., особо подчеркивали, какое значение имело это божество в их жизни. Так, М. Венюков писал: «...Я ни разу не слышал, чтобы кыргыз, в каком-либо обстоятельстве призывал «Аллаха», что так обыкновенно у других мусульман; некоторым удалось подметить, что кыргыз в таком случае, подобно шаманским народам, обращается к небу» [5: 117]. Ч. Валиханов также отмечал, что «имя Аллаха у них (т.е. у кыргызов – С.Д.) в большом употреблении, они называют его, как древние монголы, кук-тенгри (небо-бог) [4: 480] и у современных верующих кыргызов «теңир» ассоциируется с богом (куда́й). Во все трудные моменты жизни кыргыз обращался к божеству со словами: «*Теңир колдой көр*» (Окажи благодеяние, Теңир). При благословлении молодых или при выражении благодарности кому-либо говорили: «*Теңир жалгасын*» (Да благословит тебя Теңир). Да и проклятие становилось страшным, если произносилось с именем Теңир («*Теңир урсун!* – Да побьет тебя Теңир»). Примечательно, что во время экс-

президента А.Акаева стены многих госучреждений украшал плакат «*Теңирим колдосун, Кыргызстан!*» (Пусть Теңир благословит тебя, Кыргызстан!) [6: 213–216].

В Кыргызстане ныне предпринимается попытка не только изучить тенгрианство в научном плане – в контексте истории культуры, но и возродить идеи этого архаичного пласта древнего религиозного сознания кочевников. По мнению исследователей тенгрианства, оно является не только древней формой религиозного сознания, но и явлением универсального характера, которое имеет место и в наши дни. Для изучения и пропаганды идей тенгрианства в Кыргызстане было создано республиканское общество «Теңир-Ордо», председателем которого был избран видный общественный и политический деятель, нынешний Государственный секретарь Кыргызской Республики Д. Сарыгулов. Членами данного общества являются известный писатель Ч. Өмүралиев, журналист К. Кошалиев, философ К. Исаев и многие другие. По их утверждению, истоки традиционной культуры не только кыргызов, но и всех тюркских, а также других кочевых народов берут начало с тенгрианства, его основные положения вполне могут служить основой для национальной идеи, а также для государственной идеологии Кыргызстана. Естественно, деятельность и идеи идеологов и сторонников тенгрианства представители официального мусульманского духовенства встретили не очень дружелюбно, если не враждебно. Ведь попытка сторонников тенгрианства направлена на возрождение и культивирование идеи домусульманской идеологии, их деятельность дает определенные результаты, часть интеллигенции проникается идеями тенгрианства, считая его родной идеологией кочевников, а ислам пришлой, чуждой для кыргызов идеологией [7: 118].

Общественная организация «Теңир-Ордо», распространяющая и защищающая тенгрианские ценности, традиции и интересы в стране, пытается, начиная с 2012 г., зарегистрировать в Государственной комиссии при Правительстве Кыргызской Республики по делам религий свою

организацию как религиозную. Документы для прохождения регистрации они сдали тогдашнему Председателю Госкомрелигии А. Жумабаеву, но он, ссылаясь на недоработку учредительных документов, не решил вопрос [9], и это дело перешло в наследство следующему руководителю комиссии О. Молдалиеву, который также не спешил и не осмелился придать тенгрианству статус религиозной организации. Тогда в конце 2013 г. группа людей, преимущественно представители интеллигенции, обратилась с просьбой в Открытом письме к Президенту КР А. Атамбаеву поспособствовать возрождению тенгрианства и помочь зарегистрировать в Государственной комиссии по делам религий при Президенте КР тенгрианство как религиозную организацию. Из 34 подписавших обращение были люди разных национальностей, четверо являлись академиками НАН КР, пятеро – профессорами, были и писатели, и поэты, строители, врачи, и представители других профессий. Подписанты обратили внимание Президента на вопиющее, по их мнению, обстоятельство, что данный госорган, несмотря на то, что тенгрианство является исконной, древней и настоящей религией кыргызов, чинит препоны и не регистрирует его. Инициативная группа утверждала, что в Кыргызстане проживают около 50 тыс. последователей тенгрианства [14].

В сентябре 2016 г. тенгрианцы вернулись к этому вопросу и провели пресс-конференцию. Присутствующие на ней А. Малиев, Б. Жумабаев, А. Усупбаев, К. Ажибекова и другие обратились к Президенту Кыргызской Республики А. Атамбаеву и пожаловались на Председателя Государственной комиссии при Правительстве Кыргызской Республики по делам религий О. Молдалиева. По их мнению, именно О. Молдалиев, по выдуманным причинам, не регистрирует тенгрианство как религиозную организацию, и скорее всего, информация не доходит до Президента страны. Участники пресс-конференции заявили, что у них на руках имеется решение суда, обязывающее данный госорган зарегистрировать «Теңирчилик», как религиозную организацию, но г-н О. Молдалиев игнорирует данное решение

суда. Если регистрация и дальше будет затягиваться, то они грозились обратиться в ООН.

О. Молдалиев в ответ подтвердил, что судились с тенгрианцами в течение 4-х лет и только в 2016 г. суд вынес решение повторно провести учетную регистрацию, но, тем не менее, окончательное решение в этом вопросе должны принимать первые лица страны [11].

В конце 2018 г. сторонники тенгрианства вновь громко заявили о себе. Один из лидеров движения А. Усупбаев в средствах массовой информации заявил, что если Госкомрелигии КР не зарегистрирует тенгрианство как религиозную организацию, то он намерен покончить жизнь через повешение или совершить акт самосожжения. Тогда в адрес руководства Национальной академии наук Кыргызской Республики 6.11.2018 г. поступило письмо от Председателя Государственной комиссии при Правительстве Кыргызской Республики по делам религий З. Эргешова, в котором он просил его обсудить с участием соответствующих специалистов, ученых и дать ответы на 5 сформулированных ими вопросов:

- 1) Какое место занимало тенгрианство в истории кыргызов?
- 2) Дайте научную оценку нынешнему «Движению тенгрианства».
- 3) В случае регистрации тенгрианства как религиозной организации, какая будет ситуация?
- 4) Если «Движение тенгрианство» пройдет регистрацию как религиозная организация, не приведет ли это к конфликтам с другими традиционными религиозными организациями, конфессиями?
- 5) «Движение тенгрианство» не станет ли основой для распространения «националистических идей»?

Это письмо поступило в распоряжение администрации Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики. Директор А.А. Асанканов собрал всех сотрудников института, и провел обсуждение, своего рода «круглый стол». Сотрудники каждого отдела высказали свое мнение, изложили

видение и решение данной проблемы, заведующие отделов подготовили письменные ответы. Ниже приводим ответ на это письмо от отдела этнологии ИИАЭ НАН КР от 16 ноября 2018 г.

«1. *Что такое тенгрианство и его роль в истории кыргызов?* «Тенгирчилик» как мировоззрение, образ жизни, верование и предтеча монотеизма в той или иной форме в истории почти всех тюркских народов, в том числе и кыргызов, бесспорно, сыграло большую роль и имеет огромное значение в духовно-нравственной жизни и в наши дни. Кыргызы издревле стремились к жизни в гармонии с окружающей природой. Полная зависимость от сложных климатических условий обусловила обожествление и поклонение кыргызами определенных природных явлений. Например, почитание Солнца, Неба, Луны, Земли, Ветра, множество Небесных тел, Гор, Рек, архетипов Тенир-Ата и Умай-Эне, Жер-Суу и др. Это мировоззрение нашло отражение в наскальных рисунках «Саймалы-Таш», Сары-Джаза и Чолпон-Аты. В материальной культуре тенгрианство проявилось в символах, орнаментах на изготовленных предметах быта из войлока, кожи, дерева. Отголосками тенгрианства являются святые места, мазары, родники, горы и др. культовые объекты почитания. Тенгрианство по своему содержанию очень сложное явление, и его можно воспринимать как форму натурфилософии кыргызов, которая по своему объясняет мироздание, вселенную, жизнь на планете Земля. По трактовке самого сложного вопроса о жизни и смерти тенгрианство схоже с суфизмом, конечной целью которого является полное слияние человека с богом. Тенгрианство также сыграло большую роль в повседневной жизни кыргызов в древности, являясь источником нравственных ценностей, упорядочивая поведение людей. Неудивительно, что в наше время сохранившиеся в подсознании потомков одного из самых древних народов – кыргызов живучие элементы тенгрианства до сих пор проявляются в виде примет, поверий, суеверий.

2. *Дайте оценку «Движению тенгрианства» в современном обществе?* Сложно дать однозначную оценку «Движению тенгрианства» в современном

обществе. Современная сложившаяся ситуация, связанная с возрождением «Движения тенгрианства» – это, на наш взгляд, является естественным проявлением, реакцией на бурный процесс исламизации населения Кыргызстана, а также результатом процесса демократизации, в ходе которой предоставлена и реализуется свобода совести и вероисповедания, как неотъемлемое естественное право человека-гражданина. В данном движении проглядывается проявление элементов «кыргызского национализма» в ответ на «арабизацию» кыргызского общества. Неимоверный рост численности мечетей, увеличение количества верующих из числа молодежи, появление радикальных экстремистских течений в исламе, все большее количество завербованных кыргызстанцев на священную войну «джихад» против неверных и пр. – все это определенная часть общественности связывает с усилением позиций ислама в стране, что в то же время вызывает тревогу и опасения в обществе.

Следует отметить, что современное религиозное мышление кыргызов имеет синкретический характер. Традиционный, народный, «фирменный» кыргызский ислам Ахли-Сунна-валь-джамаа, мазхаба Абу Ханифы очень терпимо относится к этническим, культурным особенностям, обычаям и традициям древнего кыргызского народа. На протяжении веков проявление языческих верований, норм поведения человека развивалось вместе с постулатами ислама. Поэтому ныне необходимо проявлять терпимость, надо формировать толерантность в нашей поликонфессиональной, многонациональной стране. Надо просвещать народ, объяснять, что идет борьба старого с новым пока мирным путем в идеологической плоскости, пространстве, идет сложный и затяжной процесс модернизации традиционного кыргызского общества. Чтобы все это происходило цивилизованно, безболезненно, необходимо быть хорошо информированным, образованным, культурным и законопослушным членом гражданского, правового, демократического общества. Ведь верующие, прежде всего граждане конкретной суверенной страны.

3. *Какая ситуация возможна с регистрацией тенгрианства как религии?* Только гипотетически можно предположить, что при регистрации тенгрианства как религии, вполне возможен раскол общества на «тенгрианцев» и «истинных мусульман». В то же время существует такое понятие, как право человека на вероисповедание, как органическая часть естественного права человека. Если запретить и не регистрировать – будут те же последствия, во-первых, нет гарантии, что сторонники тенгрианства нелегально, подпольно не будут действовать; во-вторых, обращение и апелляция к международным организациям по правам человека, процесс разбирательства и возможный вердикт в пользу движения будут наносить ущерб имиджу нашей республики как демократической страны. Поэтому тут требуется вдумчивое, серьезное отношение и соответствующее решение. С другой стороны, тенгрианство никогда не отличалось своей агрессивностью или проявлением экстремизма и нетерпимостью. Это вполне мирная вещь, и кучка тенгрианцев не сделает ничего страшного в нашем обществе, учитывая то обстоятельство, что это, по существу, призыв и откат к архаике. Разве остановишь прогресс, да и наше общество будет ли согласно на это? Наверяд ли. Нашему обществу, где более 80% населения является мусульманами, ничего страшного не грозит, кучка тенгрианцев будет как капля в море. Опасность для национальной и государственной безопасности в виде раскола, надо ждать не оттуда, она находится внутри самого мусульманского джамаата и, в определенной степени, со стороны.

Тут считаем уместным высказать такую мысль, что тенгрианство является органической составной частью, самым древним пластом духовной культуры, самосознания древнего кыргызского этноса, которое в той или иной степени имеет проявления в наши дни, о чем и свидетельствуют появление движения «Теңир-Ордо» и их деятельность. Это обстоятельство дает полное, законное основание сторонникам данного движения требовать признания тенгрианства, но в условиях жесткой межконфессиональной

конкуренции добиться статуса религиозной организации им будет весьма сложно.

4. *Не приведет ли регистрация «Тенгрианства» к конфликтам в обществе?* Каждая религия претендует на свою исключительность, якобы только их религия, их путь и практика приведут к истине. Поэтому регистрация тенгрианства встречает сопротивление, аргумент отказников – принятие тенгрианства как религии приведет к конфликтной ситуации с другими традиционными религиозными конфессиями, развивающимися в Кыргызстане. Такое развитие событий не исключено, и если руководитель этого движения грозит сжечь себя, не дай бог подобное случится, тогда, кто может предсказать последствия? При решении этого вопроса необходимо учитывать и общественное мнение, среди интеллигенции много сторонников (например, историк Т. Чоротегин [13], религиовед К. Маликов [14] и др.), которые ратуют за регистрацию тенгрианства.

5. *Может ли тенгрианство стать основой «националистической идеи»?* Вполне, когда сегодня идет размывание идентичности кыргызского этноса, не исключено, что одним из факторов возрождения тенгрианства является возврат к архаическому пласту духовной культуры нашего народа. В данном случае, представители тенгрианства не отличаются от представителей ислама, так как их деятельность приводит к изменению самосознания этноса. Кыргызы, в большей степени, перенимают в целом культуру арабов, нежели религию. В таком случае тенгрианство может стать почвой, основой для проявления националистических идей среди определенных кругов гражданского общества» [12].

Таким образом, сторонники тенгрианства временами неустанно поднимают вопрос и дают о себе знать. Так, 11 июля 2019 г. на пресс-конференции в информационном агентстве «Аки-пресс» представитель «Теңирчилик», известный общественный деятель А. Малиев в присутствии А. Усупбаева, Б. Жумабаева и К. Ажибековой заявил: «Госкомрелигии КР

играет с нами в какую-то игру» и обвинил их в нарушении прав гражданина, прав религиозных меньшинств в стране [3].

В очередной раз вопрос о регистрации тенгрианства затронули депутаты Жогорку Кеңеша КР в октябре 2019 г., на этот раз перед депутатами ответ держал новый глава Госкомиссии по религии З. Эргешов. В частности, депутат Улугбек Ормонов поинтересовался, есть ли в республике религиозная организация, проповедующая тенгрианство? Чиновники Госкомиссии по делам религий ответили отрицательно и уклончиво: регистрацию такое объединение официально не получало, однако и запрещенным не является. И в качестве одной из причин назвали отсутствие или непредоставление соответствующих документов для регистрации тенгрианства как религиозной организации [9].

После этого сторонники тенгрианства созвали пресс-конференцию в АКИpress 18 октября 2019 г., где общественный деятель, бывший депутат ЖК КР А. Малиев назвал ложью заявление главы Госкомиссии по делам религий З. Эргешова о том, что они для регистрации тенгрианства не предоставили соответствующих документов. Он видит главную причину задержки регистрации тенгрианства как религии в отсутствии разрешения «сверху». Он утверждает, что «из госоргана сказали нам, что на регистрацию уйдет 5 минут, просто нужно разрешение. Обращаюсь к президенту, дайте разрешение на регистрацию». Председатель религиозной организации «Теңирчилик» К. Тезекбаев отметил, что «долгое время мы обращаемся через средства массовой информации, отправляем документы, даже победили в суде, но почему-то до сих пор нет ответа. Мы не можем без регистрации рассказывать, распространять, учить тенгрианству, поэтому нужно разрешение». В связи с этим он недавно просил о личной встрече с президентом КР С. Жээнбековым, но его пока не приняли [9].

Из Пресс-центра информационной компании АКИpress сообщили, что они совместно с Центром тенгрианской религии в ближайшее время планируют провести пресс-конференции на темы: «Госкомрелигии КР подтвердила свою некомпетентность и портит репутацию власти» и «Госкомиссия по делам религий обманывает парламент, требуем отставки её руководства», участники: Усупбаев Анарбек, к.т.н., председатель общества «Манас-Ордо», Тезекбаев Кубан, председатель религиозной организации «Теңирчилик», общественный деятель Арсланбек Малиев, к.э.н., Мелис Арып-Бек, писатель, и.о. Генерального секретаря Мирового Центра тенгрианской религии [2].

Таким образом, противостояние сторонников тенгрианства и государственного органа продолжается. Неизвестно чем все это закончится. Наше общество по этому вопросу разделилось на два лагеря: сторонников и противников. Нам представляется, что существует несколько причин затягивания с регистрацией тенгрианства. Во-первых, есть опасение, что регистрация тенгрианства как религиозной организации приведет к негативным последствиям, прежде всего, расколу мусульманского джамаата, населения в целом. Во-вторых, в положительном решении данного вопроса сказывается учет мнений и позиции собственно мусульманского сообщества, которое не приемлет его и видит в тенгрианстве конкурента. В-третьих, соответствующие госорганы, призванные решить данный вопрос, оглядываются и перекладывают его на вышестоящие власти, указывая прямо на президента страны. Очевидно, опасаясь критики со стороны мусульманского джамаата, и еще по каким-то соображениям экс-президент А.Ш. Атамбаев, нынешний Президент С.Ш. Жээнбеков так и не высказались, не выразили свои позиции и не решили этот вопрос. Тем не менее, данная проблема требует безотлагательного решения. На наш взгляд, руководство нашей страны должно взять на себя ответственность за решение этого вопроса, что отвечает принципам демократии, которой мы следуем и стараемся воплотить в жизнь. Подобный шаг также можно расценивать как

почитание и дань уважения прошлой славной истории, богатой и разнообразной духовной культуры древнего кыргызского народа, элементы которой утрачиваются и нивелируются в условиях большой и малой глобализации. Под малой глобализацией мы имеем в виду исламизацию.

Заканчивая статью о тенгрианстве, хотелось бы ради справедливости отметить, что в тех странах, где распространено тенгрианство, нет лишнего ажиотажа, политики, там не игнорируют их представителей, как это делаем мы. Там, наоборот, к тенгрианству и их приверженцам относятся терпимо, они активно участвуют в общественно-политической жизни общества, проводят различные мероприятия, научно-теоретические, практические, методологические конференции, «круглые столы», словом, тенгрианство изучают с научной позиции со всех сторон, во всех его проявлениях.

Литература:

1. *Абрамзон С.М.* Кыргызы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. С. 309.
2. АКИпресс Пресс-центр, 2010–2019.
3. Аки-пресс. 2019. 11 июля.
4. *Валиханов Ч.Ч.* Собр. соч. Т. I. Алма-Ата, 1961. С. 480.
5. *Венюков М.* Очерки Заилийского края и Причуйской страны. Зап. РГО. 1861. Кн. 4. С. 117.
6. *Дюшенбиев С.У.* Религиозные верования // Кыргызстан. Энциклопедия. Бишкек, 2001. С. 267–276.
7. *Дюшенбиев С.У.* Ислам в современном Кыргызстане: состояние и проблемы // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. 2011. № 3. С. 118.
8. *Кляшторный С.Г.* Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977. М.: Наука, ГРВЛ, 1981. С. 131–133.
9. Режим доступа: kg.akipress.org/news:1572113?f=cp – Загл. с экрана.
10. *Стеблева И.В.* К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971. М.: Наука, ГРВЛ, 1971. С. 213–216.
11. ТВ 11бир.2016.09.07. Соңку жаңылыктар.
12. Текущий архив Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР.
13. Тенгрианство – религия или... Режим доступа: // <https://m.gezitter.org/society/23150-tengrianstvo-religiya-ili/2013.28/08/> – Загл. с экрана.
14. *Эгизбаев У.* Тенгрианство: в первом круге суда... Радио Азаттык. 2013.19.08 // Режим доступа: https://rus.azattyk.org/a/Kyrgyzstan_situation/25079518 – Загл. с экрана.
15. Режим доступа: // <http://www.akipress@com.5.02.14;31-01-2014> – Загл. с экрана.

Восстание 1916 г. в Семиречье: новые подходы в изучении

Ключевые слова: восстание 1916 г., Семиречье, слухи, повод, причины восстания.

Аннотация. Для воссоздания объективной картины истории восстания 1916 г. в Семиречье необходимо преодолеть недостатки советской и постсоветской историографии, такие как: схематизм в описании, идеологический подход при установлении причинно-следственных связей, представление субъективных положительных, или отрицательных оценок событиям и личностям и др.

1916-жылдагы Жети-Суудагы көтөрүлүштү жаңы көз караш менен изилдөө

Негизги сөздөр: 1916-жылдагы көтөрүлүш, Жети-Суу, ушак, кечирим, көтөрүлүштүн себептери.

Аннотация. 1916-ж. Жети-Суудагы көтөрүлүштүн тарыхын объективдүү изилдөө үчүн советтик жана постсоветтик тарыхнаамедеги мүчүлүштүктөрдөн арылуу талап кылынат. Ал өз кезегинде изилдөөдөгү схематизм, окуянын себептерин жана натыйжаларын аныктоодо идеологиялык мамиледен, субъективдүүлүктөн четтөө ж.б. өз ичине камтыйт.

The uprising of 1916 in Semirechye: new approaches in the study

Key words: 1916 uprising, Semirechye, rumors, occasion, reasons for the uprising.

Annotation. To recreate an objective picture of the history of the 1916 uprising in Semirechye, it is necessary to overcome the shortcomings of Soviet historiography, such as: schematism in the description, ideological approach in establishing cause-and-effect relationships, giving positive and negative assessments of events and personalities, etc.

Осмысление причин восстаний 1916 г., произошедших в Туркестанском крае Российской империи, поиск виновных и восстановление картины событий должностными лицами и следственными органами началось, практически сразу после его подавления, осенью того же года. Советская историографическая наука внесла большой вклад в изучение и сбор фактологического материала по восстанию. Однако после распада Советского Союза на эту животрепещущую тему во всех среднеазиатских республиках было наложено негласное табу, хотя интерес к этой теме со стороны общественности продолжает расти год от года. На постсоветском пространстве вопрос о необходимости изучения и увековечения памяти погибших в 1916 г. был поднят в Кыргызстане Президентским указом от 27 мая 2016 г. «О 100-летию трагических событий 1916 года», который ставил задачу определения достойного места национально-освободительного восстания в истории страны и его роли в возрождении кыргызской государственности.

Отвечая на злобу дня, в 2018–2019 гг. культурно-исследовательский центр «Айгине» под руководством Г.А. Айтпаевой осуществил проект «Объединение академических сообществ Центральной Азии для получения новых знаний о восстании 1916 г. и создание общих платформ для обмена и распространения знаний по этническим и/или политически чувствительным темам». В проекте принимали участие известные ученые со всего мира и исследователи из Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана. Проект длился 22 месяца, в течение которых партнеры и участники изучали современную историческую методологию, принятую в мире, работали над выбранными темами для исследования. Результаты проделанной совместной работы были оглашены на Международном симпозиуме, прошедшем в Иссык-Кульском государственном университете (г. Каракол) в 2019 г. [3].

В историографии восстаний 1916 г. до последнего времени оставался ряд открытых вопросов, ответы на которые позволили бы понять истинные причины восстания и выявить подлинную картину трагедии. Участниками и партнерами проекта озвучивался ряд этих вопросов: «Что это было: глупость или измена?», «Внешнее вмешательство или результат колонизации?», «Почему самый кровопролитный характер восстание приобрело в Семиречье?». Партнер проекта профессор Принстонского университета США Сергей Ушакин так сформулировал актуальный вопрос современности: «Что происходит, когда травмы прошлого становятся основой для формирования национальной идентичности сегодня?». Он отметил, что «новые национальные истории, которые пишутся в бывших советских республиках, нередко мотивированы желанием обозначить четкий водораздел между советским, с одной стороны, и национальным, с другой. Постсоветский постколониализм во многом связан с попытками восстановить возможности, которые были ограничены и дать шанс альтернативам, которые были недоступны тогда. Кроме того, постколониальное состояние позволяет пересмотреть сложившуюся

историографию, в том числе и для того, чтобы найти новое прошлое для своего настоящего» [6].

Как известно, советская методология описания восстания 1916 г. в Туркестане имеет ряд недостатков, связанных, главным образом, с попыткой охарактеризовать события с классовых позиций, при этом, нередко, умалчивая о некоторых «неудобных» исторических фактах, не вписывающихся в рамки марксистско-ленинской идеологии.

Говоря о достоинствах советской историографии, профессор университета Хоккайдо Томахико Уяма (Япония) отметил, что советская историческая наука сильна фактологией, все периоды истории изучались более-менее сбалансированно, важные вопросы, такие как восстание 1916 г., изучались всесторонне и коллективно, многие работы проникнуты позициями русской интеллигенции. Но с распадом СССР многие преимущества советской исторической науки начали теряться, в то время, как недостатки остались. Среди недостатков советской историографии восстания 1916 г. Т. Уяма отметил схематизм, когда события описывались по заданным схемам (базис и надстройка, и др.), придавалось большое значение социально-экономическому аспекту, при этом политический аспект изучался слабее. Так, основной причиной восстания считался колониальный гнет и ухудшение социально-экономического положения народных масс, хотя связь между ними и политическими событиями была не всегда очевидна: повстанцы не критиковали колониализм, не выдвигали антивоенные лозунги, не говорили о недовольстве тяжелыми условиями жизни, созданными правительством.

Указ от 25 июня 1916 г. о реквизиции на тыловые работы касался всех инородцев Российской империи, однако самые кровопролитные восстания произошли только в Центральной Азии, и то не во всех районах, хотя те же тяжелые условия жизни существовали и в других частях империи. Следуя тезису советских историков, надо полагать, что там, где прокатились восстания, существовал тяжелый гнет, а где восстания не было, условия

жизни были лучше. Нельзя также сказать, что для восстаний в разных регионах были характерны одни и те же причины, предпосылки и повод. Ученый считает, что все эти факторы имеют значение, но логическая связь между ними и восстанием была очень разной, в зависимости от контекста каждого региона или местности. Нельзя сказать, что восстания 1916 г. имели одни и те же причины, предпосылки и повод: такой схематизм мешает глубокому анализу ситуации в конкретной местности.

Другим недостатком советских работ Т. Уяма считает дачу положительных и отрицательных оценок историческим событиям и личностям («прогрессивный», «реакционный»): восстание считалось в основном прогрессивным явлением, но та часть восстания, которая была направлена против русских переселенцев и которая имела религиозный характер, считалась реакционной. Любые события и личности носят неоднозначные характеры. Т. Уяма подчеркивает, что историки должны выявлять факты, освещать события и их связи, а не давать положительные или отрицательные оценки.

Советские историки рассматривали народ как единое целое («народ поднял восстание»), а тех людей, которые не участвовали в восстании, считая его бесполезным для интересов своего рода, называли эксплуататорами и предателями. Профессор Уяма считает, что принятие решений является очень сложным моментом и разделение людей на «народ» и «не народ» искажает картину событий и мешает историкам видеть разнообразие индивидуальных решений. Также ученый считает ошибочным отождествление самосознания людей в прошлом с этнической принадлежностью современного периода [5].

По этому поводу Аскар Бедельбаев справедливо заметил: «Сегодня, склоняя голову перед памятью безвинно погибших 100 лет назад, искать виновных в событиях 1916 года среди живущих ныне на земле нашей независимой республики, под ее небом – преступно» [1].

Существуют и другие недостатки советской и постсоветской историографии восстания 1916 г. Первый связан с некритическим подходом к архивному материалу: показаниям свидетелей, чинов администрации, военных, участников восстания, которые описывали одни и те же события, каждый по-своему, в зависимости от личных мотивов, взглядов или для оправдания своих неправомерных действий. При этом, многие показания свидетелей основывались на слухах и домыслах, очень часто, ложных и провокационных¹. Опора на подобные свидетельства, без проверки на истинность при помощи других источников и документов², приводила историков к ошибочному представлению о причинах, движущих силах восстания, внешнем вмешательстве и др.

Проблема ложных слухов, выдаваемых за «чистую монету», часто с подробным описанием зверств мятежников и пр., поднималась еще современниками событий. Так, газета «Туркестанские ведомости» писала 18 сентября (1 октября) 1916 г.: «Иногда приводятся сведения не только о нападении мятежников, но даже о размере убытков и о числе погибших русских, а на поверку выходит, что ничего в указанном месте не произошло. Даже не все официальные источники свободны от подобных погрешностей. Так, например, донесение о смерти доктора Рязанского с дочерью оказалось ошибочным. Предположение наше, что слухи о волнении киргиз близ Лугового ложны, оправдались. Ложную тревогу посеял проезжий батюшка. Войска напрасно не спали и двигались ночью. Все спокойно».

Приведем примеры создания устойчивых мифов о восстании 1916 г. из непроверенных слухов и сплетен. Подполковник в отставке В.К. Сапожников на следствии мировому судье 3-го участка Пржевальского уезда показал, что перед восстанием наблюдались признаки подготовки киргизов к восстанию, а «в одном из домов дунган в с. Мариинском (Ирдык) пржевальским

¹ Сергей Ушакин справедливо отмечал, что эти *фэйк-ньюс*, словно настоящие факты, заставляли людей действовать, становясь, в свою очередь, существенным фактором политики [6].

² Источники и документы и сегодня продолжают рассекречиваться.

инструктором полководства г-ном Каракашем при розыске опиума был случайно найден склад разного оружия» [11: оп. 2, д. 5, л. 16/об.]. Сам же инструктор полководства Д.Г. Каракаш на том же следствии заявил: «Относительно того, что у дунган в Мариинке был найден склад оружия, я слышу впервые и уверен, что этого быть не могло» [12: оп. 1, д. 2, л. 91].

Большую роль в распространении ложных слухов играла пресса. Журналисты, в погоне за сенсацией, искажали добытые факты или просто выдумывали их. Проследим географию распространения одной такой газетной «утки».

Семнадцатилетняя Матрена Берникова была взята в плен киргизами 8–9 августа 1916 г. по дороге из Сазоновки в Пишпек. После освобождения из плена, она сама пошла в уездное полицейское управление и рассказала о своих злоключениях. При этом присутствовал «какой-то субъект», который записывал ее рассказ. Позже она прочитала в прессе, что, будучи в плену у киргизов Пржевальского уезда, она видела там двух европейцев и одного турецкого генерала [11: оп. 2, д. 5, л. 223].

В 2016 г. Чынара Исраилова-Харьерхузен привезла в ЦГА КР документы из Политического архива МИДа Германии, касающиеся событий 1916 г. в Семиречье. Один из этих документов был ею любезно предоставлен автору. Документ, адресованный в Берлин, Центр сообщений для Востока, назывался: «Туркестан. Что случилось в Туркестане». В нем приводится перевод статьи из газеты «Новое время» №14757 от 21 апреля (4 мая) 1917 г. В разделе «Внутренние новости» приведен следующий отчет: «Крестьяне, побывавшие в плену у киргизов, заявили, что повстанцев возглавляли турецкий генерал и два европейца. Эти сведения приведены в газете «Семиреченские областные ведомости» (№201) [15].

По требованию ротмистра Юнгмейстера от 11 ноября 1916 г., подполковник Отдельного корпуса жандармов Косоротов 5 декабря 1916 г. допросил Матрену Берникову, которая показала: «Насилий надо мной никаких не было, но работать меня заставляли, кормили, как только могли.

Когда я была у них (киргизов) в плену, за все 25 дней, никаких европейцев или турецкого генерала я не видела» [11: оп. 2, д. 5, л. 222].

По вопросу о причастности внешних сил к событиям 1916 г. в Туркестанском крае и Семиречье среди исследователей не одно десятилетие продолжается дискуссия. В ряде документов дореволюционного периода, советских и современных работах встречаются утверждения, которые не подкрепляются документальными свидетельствами и могут исказить реальную картину событий. Например, в книге «Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера» российские авторы предприняли первую попытку проследить политику Германии на Ближнем и Среднем Востоке на протяжении нескольких десятилетий. Авторы представили оригинальную концепцию восточной политики Германии, разрушая многочисленные штампы российской исторической науки. На странице 50 читаем: «Накануне Первой мировой войны германские разведывательные службы создали два центра в Восточном (Китайском) Туркестане – в городах Кашгаре и Кульдже, деятельность которых была всецело направлена на подрыв позиций России в Средней Азии... Гентиг собрал в Кашгарии диверсионную группу из «туземцев»: уйгуров, узбеков, киргизов и др., членов которой он засылал с «известными» целями на территорию Русского Туркестана» [4: 50]. Причем, эти заявления не аргументированы и ссылки на документы отсутствуют.

С середины XIX века территория Китайского Туркестана находилась в зоне политических и торговых интересов России, на страже которых стояли Российские императорские консульства в Кашгаре и Кульдже. Согласно архивным документам, Российские консульства принимали все меры по выдворению с этой территории всех подозрительных турецких, и, особенно, немецких и австрийских подданных. Так, в Сводке секретных сведений Российского императорского консульства из Кашгара за июль 1916 г., указывается, что «в июле Русским генеральным консулом были высланы из Кашгара трое военнопленных австрийцев, бежавших сюда из г. Скобелева. В это же время из Афганистана в Яркенд прибыл подполковник Хэндиг

(Гентиг), который со своими попутчиками ночью секретно выехал по направлению в Кашгар. Для их сопровождения был выделен конвой, который настиг беглецов по пути в Янгишар. По прибытии в Янгишар немцы намеревались проехать в Кашгар, но титай (уездный начальник) запретил им эту поездку; сопровождавшие же немцев мусульмане были по распоряжению титая заключены в тюрьму. Позже Синьцзянский губернатор разрешил немцам выехать из Кашгара в нужном им направлении» [13: оп. 1, д. 38239, л.17–19].

В августе 1916 г. Консул в Кашгаре сообщал, что «Яркендский уездный начальник Лю получил от Синьцзянского губернатора несколько строгих выговоров за то, что им не были приняты меры к тому, чтобы прибывшие из Афганистана три германских офицера не пробрались в Кашгар, а равно и за то, что он слишком мягко отнесся к названным германцам и тем самым дал повод русскому и английскому консулам обвинить китайские власти в недружелюбии и нежелании поддерживать хороших отношений с Россией и Англией» [13: д. 38239, л. 24]. «В 1916 г. в связи с оживлением деятельности немецких агентов в Афганистане и Иране, генеральные консульства России и Англии в Кашгаре настояли на дополнительной охране на перевале Бахджир» [13: л. 38/об.–39].

То есть, немецким агентам, по крайней мере, в Кашгаре и Кульдже, сотрудники российских и английских консульств не позволяли развернуть подрывную антироссийскую деятельность.

Колониальные и туземные власти в Туркестане и Семиречье, жандармы и казаки, в условиях слабого контроля со стороны Российского правительства, попытались воспользоваться войной и указом о призыве коренного населения на тыловые работы для собственного обогащения. Пытаясь снять с себя вину за неэффективное управление и притеснение коренного населения, приведшие к кровавым событиям, власти Семиречья искали причину восстания во внешнем иностранном факторе. Но ряд прогрессивных русских деятелей и очевидцев событий 1916 г. считали, что

никакого внешнего воздействия на восставших не было, а восстание было вызвано алчной деятельностью представителей колониальных властей, казачества и новых славянских переселенцев.

Ротмистр Железняков, расследуя причины восстания в Семиречье, считал одной из главных, провокационную деятельность административно-полицейского аппарата [14: оп. 1, д. 50, л. 45]. Организация «массовых беспорядков» коренного населения, с последующим его ограблением и уничтожением, была для власть имущих удобным способом отъема у местных народов земли, скота и опиума. Во избежание судебного преследования за содеянные злодеяния, коренное население разными способами вынуждалось к проявлению неповиновения, затем обвинялось в бунте, который потом жестоко подавлялся. А чтобы отвести от себя подозрения в причастности к развернувшимся трагическим событиям в Семиречье, виновными в случившейся трагедии губернатор Семиреченской области М. Фольбаум и Полицмейстер г. Верного Ф. Поротиков называли немецких агентов и китайских анархистов, которые, якобы, подстрекали коренное население к восстанию. В этих условиях всякая информация о «китайском» или «немецком» следе в восстании, чаще всего, из крайне сомнительного источника, без дополнительной проверки бралась на вооружение, раздувалась и подносилась как имевший место реальный факт.

Ротмистр Железняков заявлял по этому поводу, что «немецкой пропаганды в крае не было, и если о ней кто-либо говорит, то это делается исключительно лишь для того, чтобы или оправдать свою близорукость или свою преступную бездеятельность» [14: оп. 1, д. 36, л. 86/об.].

Один из образованных казахов своего времени, инженер М. Тынышпаев в своих показаниях отмечал, что «люди, незнакомые с историей взаимоотношений русских и киргизов... в попытках объяснить причины волнений в Семиреченской области, отыскивают эти причины, не задумываясь, слишком просто и легко: в «турецкой и германской» агитации. ...Если бы не было тех отношений к киргизам, что были до войны, если бы

мобилизация рабочих проводилась более осмотрительно, то самая идеально обставленная, какую только можно себе представить, «турецко-германская» агитация не достигла бы того, свидетелем чего мы явились» [12: оп. 1, д. 46, л. 145].

А. Чулошников отмечал, что в степных областях в период составления списков киргизами призывного возраста заметно было, что киргизская молодежь искала для себя вожака, но не нашла его, а потому и брожение ее носило характер неорганизованности, не отличаясь от обыкновенных трений, вызываемых всяким новым явлением в народной жизни. Оно не заключало в себе признаков восстания или возмущения в целях отпадения от России. Это брожение не было вызвано влиянием извне, ни немцами, ни турками, ни австро-венгерцами и ни болгарами. Если бы оно было вызвано ими, с их стороны была бы попытка найти для киргизов, хотя бы путем подкупа или иным способом, вожака, снабдить их огнестрельным или иным оружием. Никаких подобных признаков не наблюдалось. Наоборот, киргизы были настроены очень враждебно против немцев. Поэтому всякое утверждение, исходящее от кого бы то ни было о влиянии врагов России на возмущение киргизов по поводу призыва их на работы, представляется такой неизвинительной и непростительной ошибкой, которая может отразиться несправедливо незаслуженно на судьбе несчастных номадов, а потому требует осторожного к себе отношения [8: 66–67].

Документальное подтверждение этому факту было найдено Владимиром Шварцем, соучредителем фонда С. Даниярова, который за последние годы ввел в научный оборот целый пласт документов из архивов Москвы и Петербурга [9], создав цельное документальное повествование по дням и в лицах, без предубеждений и оценочных суждений, пытаясь выяснить: кто и по каким причинам готовил указы, приведшие к трагедии 1916 г. в Туркестанском крае и Семиречье, в частности.

Как известно, поводом для восстания 1916 г. послужило Высочайшее повеление от 25 июня 1916 г. о реквизиции инородческого населения на

тыловые работы. Губернатор Семиреченской области М. Фольбаум еще до восстания практиковал изъятие земли у киргизов и казахов, сверх тех земель, которые отбирало Переселенческое управление. Так, в 1915 г. он изъясил у 3500 семейств казахского оседлого населения их земли для пополнения соседнего надела казаков [2: 6].

В. Шварц обнаружил в Пенсионном фонде РГВИА Отношение Министра земледелия А.Н. Наумова, в котором тот удовлетворил просьбу наказного атамана Семиреченской области М. Фольбаума об увеличении земельных наделов 5 станиц Семиреченского казачьего войска путем смещения киргизов с занимаемых и обрабатываемых ими угодий. Документ был подписан в день выхода Высочайшего повеления о призыве инородцев на тыловые работы, 25 июня 1916 г. [10].

Это объясняет тот факт, что именно в указанных районах Семиреченской области события 1916 г. приняли самый кровопролитный характер, и именно отсюда была вытеснена значительная часть коренного и русского населения. Речь идет о наиболее экономически развитых уездах, богатых водой и плодородной почвой: Пржевальском, Пишпекском и Джаркентском, находящихся на пересечении международных торговых путей, соединяющих Китай, центральные области Туркестанского края и Россию. Здесь проходили крупнейшие в регионе международные ярмарки, на пастбищах паслось многомиллионное поголовье скота, и были собраны десятки тонн драгоценного опиума, который стал к тому времени международным платежным средством.

Поборы на военные нужды начались здесь раньше и брались с населения в больших размерах, чем в других уездах, а восстание обрело наиболее ожесточенный и кровопролитный характер. Инженер М. Тынышпаев, давая показания прокурору Верненского окружного суда, отмечал, что «всех туземцев Туркестана превзошли кара-киргизы Пржевальского и восточной половины Пишпекского уезда: они не ограничились пожертвованиями имуществом и деньгами, а еще отправили на фронт первых и единственных

киргизов-добровольцев, которые ушли из тех мест, где в 1916 г. произошли самые серьезные эксцессы» [12: оп. 1, д. 46, л. 134]. К тому же, почти все волости этих уездов к концу июля составили списки людей на тыловые работы, изъявив полную готовность дать нужное число рабочих [7: 21].

Таким образом, недостатки советской и постсоветской историографии, такие как: схематизм в описании, необъективный идеологический подход при установлении причинно-следственных связей, представление субъективных положительных, или отрицательных оценок событиям и личностям, опора на непроверенные источники информации и др., не позволяли историкам выявить объективную картину восстания 1916 г.

В современном мире, когда открыт доступ к различным источникам информации, в том числе, к архивам разных стран, мировым исследованиям по данной теме, задача исследователя – объективно воссоздать картину сил и групп, заинтересованных в этих событиях, обрисовать специфику их интересов и показать методы их воздействия, избегая давать какие-либо оценки событиям и личностям. Ведь задача историка, по меткому замечанию Сергея Ушакина: «Не приговор вынести, а объяснить, что там случилось-то на самом деле».

Литература:

1. *Бедельбаев А.* Восстание 1916 года в Кыргызстане – сквозь призму прессы // Режим доступа: <http://www.dem.kg/ru/article/20290/kandidat-isotricheskih-nauk-askar-bedelbaev-vosstanie-1916-goda-v-kyrgyzstane-skvoz-prizmu-pressy-ii-chast> – Загл. с экрана.
2. *Бройдо Г.И.* Восстание киргиз в 1916 г.: Мое показание прокурору Ташкентской судебной палаты, данное 3-го сентября 1916 г. М., 1925. 28 с.
3. Восстание 1916 г. в Центральной Азии: академическая интеграция, новые подходы и знания/ Материалы международного Симпозиума. Иссык-Кульский гос. унив-т. Каракол, 31 мая – 1 июня 2019 г. Бишкек, 2019. 65 с.
4. *Оришев А.Б., Ряполов В.В.* Германские миссии на Востоке: от Бисмарка до Гитлера. М.-Берлин, 2016. 240 с.
5. *Томохико Уяма.* От какого наследства мы отказываемся? Плюсы и минусы наследия советской историографии // Проект по исследованию восстания 1916 г. в Центральной Азии. Facebook, альбомы.
6. *Ушакин С.* Изображая жертву: история как травма // Проект по исследованию восстания 1916 г. в Центральной Азии. Facebook, альбомы.
7. Среднеазиатское (Туркестанское) восстание 1916 г.: История в документах. Бишкек: КРСУ, 2016. Т. 4. 164 с.
8. *Чулошников А.* К истории восстания киргизов в 1916 г. // Красный архив, № 3(16). 1926. С. 64–70.

9. *Шварц В.* Летопись: Туркестан 1916 год // Режим доступа: [www.http: daniyarov.kg](http://www.daniyarov.kg) – Загл. с экрана.
10. *Шварц В.* Документ № 52. Отношение Министра земледелия военному Министру о наделении казачьих станиц дополнительным земельным наделом за счет смещения киргиз // [www.http: daniyarov.kg](http://www.daniyarov.kg)
11. Центральный государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР). Ф. И-34.
12. Центральный государственный архив Кыргызской Республики (ЦГА КР). Ф. И-75.
13. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 44.
14. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 797.
15. Politisches Archivdes Auswdrtigen Amtes. R 1107, Bd.7 f. Bd.8, D. Rubland № 97в (Политический архив МИДа Германии).

АРХЕОЛОГИЯ

Султанов Э.К., Борсунбаев М.К., Жумабаев А.Т.

Открытие вахш-бишкентской культуры эпохи бронзы на территории Чон-Алайского района (по итогам раскопок 2018–2019 гг.)

Ключевые слова: археология, Чон-Алайский район, вахш-бишкентская культура, бронзовый век, погребение, катакомба, погребальный инвентарь.

Аннотация. В 2018–2019 гг. Алайская экспедиция Института истории, археологии и этнологии НАН КР, провела полевые исследования в высокогорной Алайской долине по линии строящегося газопровода «Туркменистан–Китай». В ходе полевых работ были вскрыты множество курганов на 8 могильниках, в одном из могильников был выявлен ранее неизвестный археологической науке на территории Кыргызстана новый тип погребального обряда. В результате дальнейшего исследования и сопоставления полученных артефактов с материалами, известными в соседних республиках, было выявлено, что вновь открытый памятник является аналогом вахш-бишкентской культуры эпохи бронзы, известной на территории Таджикистана.

Чоң-Алай районунун аймагындагы коло доорунун Вахш-бишкент маданиятына таандык эстеликтердин ачылуусу (2018–2019 жж. казуу иштеринин жыйынтыктары боюнча)

Негизги сөздөр: Алай өрөөнү, Чоң-Алай, газ түтүгү, археология, коргон, коло доору, вахш-бишкент маданияты, көрүстөн, катакомба, маркум менен көмүлгөн буюмдар.

Аннотация. КР УИА Тарых, археология жана этнология институтунун Алай экспедициясы 2018–2019 жж. бийик тоолуу Алай өрөөнүндө курулушка пландаштырып жаткан «Түркмөнстан–Кытай» газ куру өтүүчү магистралда археологиялык казуу иштерин жүргүзгөн. Талаа иштеринин жүрүшүндө 8 көрүстөндөн көптөгөн коргондор казылып, бир көрүстөндөн Кыргызстандын аймагында мурда археологиялык илимине белгилүү болбогон жаңы типтеги көмүү салты ачылган. Ал эстеликти терең изилдеп, ал жактан табылган буюмдарды кошуна мамлекеттерде табылган археологиялык буюмдарга салыштырган учурда, жаңы ачылган эстелик Тажикстандын аймагында белгилүү болгон коло дооруна таандык вахш-бишкент маданиятына окшош экендиги аныкталган.

The discovery of the Vakhsh-Bishkent culture of the Bronze Age on the territory of the Chon-Alai region (based on the results of excavations in 2018–2019 yy.)

Key words: Alai valley, Cho-Alai, gas pipeline, archaeology, mound, Bronze Age, Vakhsh-Bishkent culture, burial, catacomb, burial equipment.

Annotation. In 2018–2019 the Alai expedition of the Institute of History, Archeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic conducted field research in the high mountain Alai valley through the pipeline «Turkmenistan–China» under construction. During field work, many mounds were uncovered at 8 burial grounds; in one of the burial grounds, a new type of funeral rite, previously unknown to the archaeological science of Kyrgyzstan, was revealed. As a result of further research and comparison of the materials

obtained with materials known in neighboring republics, it was revealed that the newly discovered monument is an analogue of the Vakhsh-Bishkent culture of the Bronze Age known in Tajikistan.

В 2018 г. Алайская экспедиция Института истории, археологии и этнологии НАН КР под руководством Э.К. Султанова провела полевые исследования в высокогорной Алайской долине по линии строящегося газопровода «Туркменистан-Китай».

Всего за время работы экспедиции, в июне – июле 2018 г., было вскрыто 40 разновременных курганов в 8 могильниках [рис. 1]³.

Алайская долина, или Чон-Алай, межгорная впадина на Памиро-Алае между Алайским и Заалайским хребтами, протянувшаяся на 150 км, располагается на высоте 3500–2200 м над уровнем моря. В основе Чон-Алай относится к бассейну р. Кызыл-Суу, которая после слияния с р. Мык-Су, называется уже по-таджикски Сурхоб. От впадения Оби-Хингоу в Кызыл-Суу/Сурхоб река становится Вахшем, а после слияния Вахша с Пянджем начинается собственно Амударья.

Впервые археологические памятники Алайской долины были исследованы экспедициями А.Н. Бернштама в 1946–1948 гг. В начале 60-х годов исследования в Алае спорадически вели его ученики – Ю.Д. Баруздин и Ю.А. Заднепровский, изучавшие в основном памятники эпохи ранних кочевников. Также в это же время в восточной части Алайской долины результативные, но слабо отраженные в печати, исследования проводила экспедиция, руководимая А.К. Абетековым. В 80-х годах прошлого века в восточной части Алайской долины, в приграничной с КНР зоне, ряд курганов раннего железного века изучался также В.Д. Горячевой. В постсоветское время памятники Чон-Алая практически не посещались археологами, за исключением разведок К.Ш. Табалдиева, проводившего стационарные исследования в бассейне р. Гулча в Кичи-Алае.

³ См.: рисунки в Приложении журнала. С. 130–137.

За все время работ экспедиций предшественников в Чон-Алае так и не удалось выявить памятники эпохи бронзы, во всяком случае, никаких данных о них в научной печати найти не удалось.

В бассейне р. Вахш на территории Таджикистана, напротив, хорошо известны памятники, объединенные в особую вахшскую культуру (или вахшский вариант бишкентской культуры) эпохи поздней бронзы. Последние представлены могильниками с погребениями преимущественно в камерных могилах, известны и поселения [7: 5–11].

В соседнем с Алаем Восточном Памире памятники эпохи бронзы представлены наскальными рисунками и пока единичными погребениями и ритуальными комплексами. Немногочисленная керамика, представленная фактически только в погребально-ритуальном комплексе Карадимур-II, относится к андроновской традиции [2: 89, *рис.* 141].

На могильнике в местности Боз-Баш впервые удалось исследовать памятники эпохи бронзы собственно в Чон-Алае.

Могильник Боз-Баш находится на левом берегу р. Кызыл-Суу напротив с. Дараот-Коргон [*рис.* 2, 3]. Основная группа курганов могильника, состоящего из разновременных курганов, занимает высокую мысовую террасу, с востока ограниченную глубоким саям. Она состоит из десяти курганов, пять из них имеют следы археологического вскрытия предыдущими исследователями. Однако установить, кто и когда вскрыл эти курганы не удалось, возможно, были и грабители. К востоку от сая, ограничивающего основную группу могильника, раскопано еще четыре отдельно стоящих кургана позднесакского времени.

В данной работе рассматриваются только курганы эпохи бронзы.

Курган №1 занимает центральное положение в основном скоплении курганов могильника, хорошо был виден на поверхности за счет выступающих над современной дневной поверхностью камней, покрытых плотным пустынным «загаром». Насыпи курган практически не имел. Наземная конструкция состояла из двух каменных колец [*рис.* 4]. Внешнее

кольцо диаметром 9 м сложено из двух рядов валунов, колотого камня в кладке практически нет. Внутреннее кольцо, диаметром 5,7 м, также сложено из двух рядов валунов, оно открылось только после удаления верхнего слоя. В восточной части внешнего кольца имелся разрыв. Над этим разрывом, между кольцами была зачищена прямоугольная выкладка, ориентированная по линии юго-восток – северо-запад. Выкладка была устроена поверх внутреннего кольца и сложена частично из камней, на месте которых образовался обозначенный разрыв [рис. 5]. Под выкладкой обнаружено впускное погребение взрослой женщины в грунтовой могиле глубиной до 0,80 м от уровня низа выкладки. Могильная яма, размером 1,8x0,7 м ориентирована по линии запад-восток. Погребенная уложена на спину, головой на запад, лицо обращено к востоку. Руки слегка согнуты в локтях, вытянуты вдоль тела. Под тазом с левой стороны лежало круглое доломитовое пряслице. Под голову и под ноги положено по камню. После снятия костей, под лопатками найдено скопление мелких стеклянных бус и бисера, преимущественно белого цвета. При расчистке таза фиксировались кости нерожденного младенца.

Основное погребение в кургане №1 – катакомбное и расположено в центре внешнего кольца. Входная яма катакомбы подходила к камере с запада. В верхней части стенки ямы вертикальные, сама яма имела Т-образную форму в плане [рис. 5–6]. Иначе говоря, в перпендикулярной входной яме, камере длиной 2,2 м и шириной до 1,0 м, вытянутой по линии В-3, перед входом в камеру были устроены глубокие ниши с северной и южной сторон. Ниши в целом одинаковые, длина их по 1,2 м при ширине до 0,8 м на уровне дна. Дно ниш находилось выше дна входной ямы, глубина их от уровня древней дневной поверхности составляла 1,4–1,5 м. Наибольшая глубина самой входной ямы достигала 2,8 м. На камнях заклада собственно входной ямы, в нижней ее части, лежал практически полный скелет крупной собаки без головы [рис. 7]. В закладе входной ямы встречались крупные камни, как плитняк, так и валуны. Погребение собаки также было заложено

камнями сверху. В нижней части входной ямы имелась ступенька. Входная яма оканчивалась дромосом (лазом), длиной около 1 м, который вел в погребальную камеру. Дромос был заложен крупным камнем, очень аккуратно. Верх заклада дромоса частично разрушен, вероятно, при ограблении. Пол в дромосе покатый, спадает к востоку.

Сама камера овальной формы, длиной 1,8 м при ширине до 2 м, высокая, полусферической в сечении формы, более 1 м высотой [рис. 8]. В камере перед крайними камнями заклада дромоса, в западной половине, лежали в сочленении ребра барана. Несколько севернее скопления бараньих костей, зафиксированы лучевые кости руки человека. Основное скопление костей человека было сдвинуто грабителями в восточную часть камеры, залегали кости с некоторым спадом к западу, на пылевидном мягком грунте, образовавшемся в катакомбе к моменту ограбления. Два кремневых наконечника стрел лежали у северной стенки, а четыре обнаружены в южной части катакомбы [рис. 10: 1–6]. Костяные черешковые наконечники стрел, в количестве двух экземпляров также фиксировались в южной части камеры, в мягком слое пылевидного заполнения, а не на дне [рис. 10: 7, 9]. Остатки плетеного из чия цилиндрического стаканчика (рис. 8) и фрагменты дерева, среди которых был деревянный гребень [рис. 12], расчищены над основным скоплением костей. Там же найдена и окатанная галька со следами растертой охры [рис. 9]. Один из керамических сосудов находился в привходовой части, рядом с ребрами барана [рис. 11: 1]. В северной части камеры найден еще один сосуд [рис. 11: 2] и фрагменты деревянного изделия. У входа в катакомбу найден втульчатый костяной наконечник стрелы удлинненно-конической формы [рис. 10: 8].

Также у входа в катакомбу, у камней заклада дромоса, на полу камеры лежало несколько мелких камней, часть из которых, сохранившаяся *insitu*, образовывала полукруг. Рядом под камнями заклада найден обгоревший кусок дерева.

Ограбление происходило с северной стороны. Устье грабительского хода округлой формы, диаметром до 0,7 м, он попал в северную нишу входной ямы. Из нее был выкинут весь камень и частично нарушены стенки. В мягком заполнении на уровне дна ниши обнаружен костяной предмет в виде сильно удлиненной прямоугольной накладки с овальными концами [рис. 10: 10]. При ограблении камера была еще либо пустой, либо только не много заполненной мягким пылевидным лесом. То есть ограбление произошло в период, не сильно удаленный от времени погребения, ибо грабителям была известна конструкция погребального сооружения. В противном случае грабительская яма была бы гораздо большей и камень был бы полностью разворочен. На близость времени погребения и его ограбления указывают и некоторые кости, сохранившиеся в сочленении. При ограблении заклад дромоса не был серьезно потревожен, только его верхняя часть. В южной нише камни заклада сохранились целиком.

Курган №2 находится севернее кургана №1, практически у полого ската террасы. Насыпи фактически не имел, как и первый курган, а выделялся на поверхности по сильно загоревшим камням. Наземная конструкция состояла только из одного кольца диаметром 6 м. Кольцо сложено из камней среднего размера. В северо-западном секторе кольца не очень четко прослеживалась прямоугольная выкладка размером 1x1 м. На месте, где фиксировалась выкладка, в кольце имелся разрыв, иначе говоря, и кольцо, и выкладка имели единый контур. Входная яма находилась в центре кольца, в плане прямоугольной формы. Длина ее не менее чем 2 м, ширина до 1 м в устьевой части. Она была заложена камнем, преимущественно колотым плитняком, валуны встречались только вверху. Грабительский ход прошел с западной стороны, частично разрушив каменное заполнение входной ямы и ее восточную оконечность. Грабительская яма имела овальную форму, размером сверху не менее чем 2,3x1,8 м, и конический профиль, сужаясь к низу, в заполнении попадались камни. Камни заполнения входной ямы были сложены очень аккуратно, среди них встречались камни едва ли не

правильных геометрических очертаний [рис. 13–14]. В нижней части грабительского хода, в закладе входной ямы был обнаружен стоящий камень, вытянутой треугольной формы длиной 0,80 м [рис. 14]. После разбора каменного заполнения выяснилось, что погребение было совершено в камере без дромоса, которая может быть интерпретирована скорее, как подбой, чем катакомба. Дно входной ямы и дно камеры находились на одном уровне. Камера была выкопана в южной стенке входной ямы. Она имела полуовальную форму, в сечении представляла собой четверть сферы [рис. 14–15]. Подбой шириной 1,2 м несколько смещен к востоку от западной стенки камеры. Глубина подбоя доходила до 0,9 м, высота до 0,6 м. У входа в камеру, в северной ее части, лежал круглодонный черный горшок [рис. 17: 1] ручной лепки и медный двулезвийный нож [рис. 15, 17: 1, 2]. Южнее ножа и горшка, на полу камеры был расчищен скелет человека в сильно скорченном положении на левом боку, головой в южный сектор. К западу от скелета человека на полу камеры лежал череп козла (рис. 16). На черепе человека зафиксирована белая каменная бусина [рис. 17: 5]. Над коленями обнаружена костяная проколка, лежащая перпендикулярно костям [рис. 16]. На костях голени правой ноги зафиксирована костяная пластинка удлиненной прямоугольной формы с овальными концами [рис. 17: 4]. Еще одна цилиндрическая каменная бусина светло-синего цвета была найдена под скелетом [рис. 17: 6].

Курган №3 находился западнее второго кургана, также почти у ската террасы. Наземная конструкция состояла из кольца, в котором имелись большие разрывы [рис. 18], и сохранилось оно хуже, чем у остальных курганов. Диаметр кольца составлял 7 м. В центре каменного кольца находилась входная яма, заваленная крупными камнями, вытянутая по линии север-юг. Северная стенка входной ямы почти отвесная, перед спуском ко дну в яме выявлена ступенька, общая ширина ямы не превышала 0,80 м. В южной стенке ямы была вырыта камера – катакомба. В коротком дромосе, на камнях заклада, близко ко дну залегала половина круглодонного горшка,

выброшенного из камеры. Сама камера овальной формы, потолок ее полусферических очертаний. В камере разбросаны кости человека, череп фиксировался в восточной части, рядом лежали ребра в сочленении. Помимо костей человека в камере найдено несколько костей, принадлежащих мелкому рогатому скоту. Сохранившийся в камере инвентарь представлен только обломками горшка, большая часть которого зафиксирована в дромосе [рис. 19].

Все три кургана дали разные типы погребальных сооружений: катакомбу с входной ямой Т-образной формы, подбой и катакомбу с входной ямой овально-прямоугольной формы. Обряд погребений – трупоположения. Только в одной яме было выявлено погребение *insitu*. Скелет лежал в сильно скорченном положении (пятки почти соприкасались с тазом), на левом боку, с притянутыми к лицу руками, головой направлен на запад, лицом на юг. В остальных случаях погребения были сильно потревожены, положения покойников и ориентировку погребенных определить не удалось.

Исследованные погребения находят самые прямые аналогии в материалах могильника Тигровая балка и других погребальных памятниках вахшской культуры, расположенных на р. Вахш, собственно являющейся нижним течением р. Кызыл-Суу/Сурхоб.

Наибольший интерес вызывает курган №1, где была открыта катакомба с входной ямой Т-образной формы. Едва ли не полностью аналогичные погребальные сооружения известны только среди погребений большого могильника Тигровая балка на Вахше. Такие погребения Л.Т. Пьянкова предлагает называть «могилами с дромосом Т-образной формы и подбоем», относя их к III типу погребальных сооружений могильника Тигровая балка [7: 21, рис. 6, 13, 14, 26].

Керамика, представленная круглодонными кухонными горшками с короткой шейкой (тип I по Л.Т. Пьянковой), характерна именно для скотоводческого населения. Аналогичные горшки представлены в

материалах вахшской [7: 57, *рис.* 48] и бишкентской культур [6: табл. XI, 1, 3; 3: *рис.* 77: 5], а также имеют распространение и на чустских памятниках [4: табл. XII, 2; табл. XIII, 2; 5: *рис.* 37: 7; *рис.* 38: 8].

Очень важна находка двулезвийного ножа, который имеет листовидное лезвие. Нервюра не выражена, вследствие чего он имеет линзовидное сечение. Длина изделия 21,6 см, ширина рукояти 2,2 см, максимальная ширина 4,4 см. Важной деталью оформления ножа является отверстие, пробитое четырехгранным инструментом в верхней части широкого черенка. Скорее всего, он отлит из медного сплава, как и остальные изделия, сходные по форме ноживахшской культуры [8: 121, 276, 277]. Близкий по абрису экземпляр с отверстием в черенке, относящийся, вероятно, к несколько более раннему времени, найден на поселении Дашлы-3 в Северном Афганистане [9: 78, *рис.* 36]. Ножи такой формы характерны для бактрийского очага металлообработки эпохи бронзы.

Уникальными для эпохи бронзы являются предметы из органических материалов: стаканчик, плетеный из чия, остатки деревянной чаши и фрагмент деревянного гребня. Каменные и костяные черешковые наконечники, аналогичные найденным в катакомбе №1, известны в погребениях могильника Тигровая балка [7: *рис.* 65, 66, 71, 72]. Наличие явного черешка у каменных наконечников в сочетании с листовидной формой пера и низко опущенными слабо выраженными жальцами дает все основания для отнесения их к эпохе поздней бронзы [1: 26–27].

Следует отметить, что могильники вахшской культуры располагались также и в местности Боз-Баш, на лессовых террасах. Определить полный размер основной части могильника Боз-Баш не удалось, из-за того что к курганам напрямую подходят поля, а ранее распахивалось и пространство между курганами. На краях полей довольно много кучек камней от насыпей и выкладок, уничтоженных при мелиоративных работах.

В целом исследованные погребения эпохи бронзы могильника Боз-Баш, вне сомнения, относятся к поздней фазе вахшской культуры и могут быть

датированы второй половиной II тыс. до н.э. Также бесспорно, что скотоводческое население, оставившее эти погребения, появилось в Алайской долине с Вахша, где расположен основной массив памятников этой культуры. Иначе говоря, часть населения вахшской культуры, видимо в поисках пастбищ, поднималось вверх по течению Вахша/Сурхоба, переходило низкий перевал Кош-Мойнок и оказывалось в Чон-Алае. Открытие катакомбных захоронений эпохи бронзы в Чон-Алае расширило ареал памятников вахшской культуры. Теперь, зная определенные поисковые признаки этих курганов, необходимо продолжать в Алае работу по поиску подобных памятников.

Литература:

1. *Баратов С.Р.* К вопросу типологической классификации каменных наконечников стрел эпохи бронзы Средней Азии // ИМКУз. Вып. 20. Ташкент, 1986. С. 19–28.
2. *Бубнова М.А.* Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Восточный Памир (памятники каменного века – XX в.). Душанбе, 2015.
3. *Виноградова Н.М., Кутимов Ю.Г.* Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М., 2018.
4. *Заднепровский Ю.А.* Древнеземледельческая культура Ферганы // МИА №118. М.-Л., 1962.
5. *Заднепровский Ю.А.* Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек, 1997.
6. *Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА, № 145. Л., 1968.
7. *Пьянкова Л.Т.* Древние скотоводы Южного Таджикистана. Душанбе, 1989.
8. *Рузанов В.Д.* Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд, 2013.
9. *Сарианиди В.И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Ташбаева К. И.

Основные проблемы археологической науки Кыргызстана на современном этапе и перспективы ее развития

Ключевые слова: археология, культура, периодизация, стоянки, поселения, курганы, городища, каменные изваяния, наскальные рисунки, эпиграфика.

Аннотация. В статье подводятся краткие итоги археологического изучения на территории Кыргызстана, рассмотренные в хронологическом порядке. Акцентируется внимание на отсутствии материалов по некоторым историческим периодам, а также на основных проблемах отечественной археологической науки, как по изучению того или иного периода, анализу материала, исторического осмысления совокупности археологических и письменных источников для объективной и полноценной реконструкции исторического процесса развития на территории Кыргызстана в древности и средневековье. Предлагается ряд практических и теоретических задач и направлений для дальнейшего развития кыргызской археологической науки.

Кыргызстандын азыркы мезгилдеги археология илиминин негизги проблемалары жана анын өнүгүү перспективалары

Негизги сөздөр: археология, маданият, мезгилдештирүү, турак жайлар, конуштар, коргондор, шаар чалдыбарлары, таш балбалдар, аска тоодогу сүрөттөр, эпиграфика.

Аннотация. Макалада Кыргызстандын аймагында жүргүзүлгөн археологиялык изилдөөлөрдүн жыйынтыктары чагылдырылган. Анда кээ бир тарыхый мезгилдер боюнча материалдардын аз экендиги, андан сырткары ата мекендик археология илиминин негизги проблемаларына көңүл бурулат. Бир эле мезгилде байыркы жана орто кылымдарга таандык материалдар талдоого алынып, археологиялык жана жазма булактар тарыхый өнүктө каралып, объективдүү баа берилди. Кыргыз археология илимин өнүктүрүү боюнча бир катар практикалык жана теориялык милдеттер, багыттар аныкталган.

The main problems of the archaeological science of Kyrgyzstan at the present stage and the prospects for its development.

Key words: archeology, culture, periodization, sites, settlements, burial mounds, fortified settlements, stone statues, rock paintings, epigraphy, etc.

Annotation. The article summarizes the brief results of archaeological research on the territory of Kyrgyzstan, considered in chronological order. Attention is focused on the lack of materials on some historical periods, as well as on the main problems of domestic archaeological science, such as the study of a particular period, analysis of material, historical comprehension of the totality of archaeological and written sources for an objective and full-fledged reconstruction of the historical development process on the territory of Kyrgyzstan in antiquity and the middle ages. A number of practical and theoretical tasks and directions for the further development of Kyrgyz archaeological science are proposed.

Огромнейший промежуток времени существования жизни на земле, невероятно больший, чем существует письменная история человечества, исключительно реконструируется по материалам памятников археологии. Поэтому значимость археологических исследований для воссоздания истории развития стран и народов, неопределима.

Историко-археологическое изучение Кыргызстана началось во второй половине XIX в., в основном чиновниками Российской империи, путешественниками, востоковедами, открывавшими неизвестные края, расположенные за границами империи, в частности, к востоку от Уральских гор. В это время происходило визуальное открытие археологических объектов, в основном руин средневековых городов, которые располагались почти повсеместно на просторах Центральной Азии. На территории Кыргызстана их тоже было немало, особенно по Чуйской долине, где они тянулись с запада на восток, вплоть до Боомского ущелья, на небольшом расстоянии друг от друга и вызывали интерес у любознательных посетителей края.

Начало археологических исследований на территории Кыргызстана началось в первой половине XX в., но становление и развитие отечественной археологической науки происходило во второй половине XX в. С тех пор, в результате многолетних археологических исследований, была сформирована достаточно объемная источниковая база, позволившая создать ряд фундаментальных монографических работ. В них были представлены главные исторические этапы и динамика древних и средневековых культур Кыргызстана, раскрыты отдельные важные аспекты историко-археологической проблематики. Эти достижения науки периода ее становления и развития получили отражение в первых томах таких фундаментальных коллективных работ, как «История Киргизской ССР» (1968, 1972, 1984 гг.) и в отдельных монографиях – «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая» (А.Н. Бернштам, 1952), «Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины» (П.Н. Кожемяко, 1959), «Археологические памятники Баткена и Ляйляка» (Ю.Д. Баруздин, Г.А. Брыкина, 1962), «Археологические памятники Таласской долины» (1963), «Археологические памятники Прииссыккуля» (1975), «Кетмень-Тюбе: Археология и история» (1977), «Юго-Западная Фергана в первой половине I тыс. н.э.» (Г.А. Брыкина, 1982), «Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н.э.)» (К.И. Ташбаева, 2011) и др.

В настоящее время складывается новый этап, который можно отсчитывать с начала 1990-х гг., со времени обретения Республикой суверенитета, хотя необходимо отметить, что десятилетие 90-х годов характеризуется полным застоем не только в научной, но и во всех сферах жизнедеятельности страны. Поэтому, фактически с начала 2000 гг., т.е. с начала XXI в., несмотря на значительное сокращение археологических раскопок и масштабов географии исследований при полном отсутствии государственного финансирования, в археологической науке Кыргызстана произошли некоторые важные изменения. Исследования стали вестись более

тщательно, с применением новых методик, новой аппаратуры, практиковавшихся у зарубежных коллег и стимулированные появившимися контактами и сотрудничеством с ними. Появились новые методы датирования, различные химические и физические методы анализа артефактов, костей животных, экофактов, методы палеопатологии болезней, генетики, геоинформационные технологии и геофизические исследования на археологических памятниках. Это привело к появлению научных работ, в которых частично пересматриваются полученные ранее выводы, датировки. В то же время возникают совершенно новые проблемы, причем культурно-этнического характера. На современном этапе развития науки, именно археологические исследования, создают научное видение этапов истории человечества. Но, одновременно, археологическое наследие присутствует в современной жизни, как часть культурной среды, источник формирования коллективной памяти, образов прошлого, как один из способов самоидентификации нации, и, конечно, патриотического воспитания общества.

На территории Кыргызстана имеются многочисленные археологические памятники, относящиеся к разным историческим периодам. История освоения человеком территории Кыргызстана начинается с эпохи нижнего палеолита. Памятники этого периода нам стали известны лишь с 50-х годов XX в., благодаря исследованиям А.П. Окладникова. С тех пор и до настоящего времени открыты такие местонахождения палеолита, как Он-Арча на Тянь-Шане, Саламат-Булак, Тосор, Кен-Сай на Иссык-Куле, Георгиевский бугор в Чуйской долине, Сель-Ункур, Капчигай, Ходжа-Бакырган-Сай на юге республики [40; 41; 42; 68; 69; 70 и др.]. В 80-е годы стали известны памятники мезолита. Это грот Таш-Кумыр, Обишир I-V в бассейне р. Сох, стоянки Терек и Кочкор-Акджол на Тянь-Шане. А в последние годы открыта стоянка Курама в Чуйской долине Т. Чаргыновым. Материалы свидетельствуют, что уже в эпоху каменного века было заметное разнообразие культурных традиций, такого, как например, формирование

локальных отличий в облике микролитических культур. Именно в мезолитическую эпоху начали складываться основы тех специализированных индустрий, которые затем обусловили различные пути и способы перехода к производящей экономике.

Памятники неолитического времени, т.е. завершающего этапа эпохи камня, обнаруженные в Кыргызстане на территории Алайской долины, на Тянь-Шане и на древних речных террасах Чуйской долины, очень немногочисленны и маловыразительны. Некоторые находки каменных орудий труда этого времени имеют архаичный облик, близкий к изделиям палеолитической эпохи. Они имеют некоторое сходство с изделиями гиссарской культуры, распространенной в Юго-Западном Таджикистане, и, поэтому, характеризуя этот период истории Кыргызстана, исследователи приводят в основном характеристики гиссарской культуры [24: 101–105].

К этому времени относили и известную пещеру Ак-Чункур в Сары-Джазе Иссык-Кульской области по находкам каменных орудий и изображениям на стенах пещеры, выполненными красной охрой [41]. Есть мнение, отнести ее к более древней, мезолитической эпохе [39], однако вопрос датировки этой пещерной стоянки древних людей и ее росписей остаются открытыми. Пещера Ак-Чункур с изображениями на стенах и своде, надо отметить, является редким и ценнейшим памятником палеолитической пещерной росписи в Азиатской части материка, к сожалению, до сих пор не удостоенной должного внимания по ее сохранению и музеефикации со стороны Минкультуры республики.

Памятники энеолита, меднокаменного века, переходного от каменного века к эпохе бронзы, у нас пока не обнаружены, как и памятники ранней бронзы. Памятники эпохи бронзы здесь известны с периода андроновской культуры (XVI–XII вв. до н.э.). Значит малочисленность неолита и полное отсутствие памятников энеолита и ранней бронзы, создает лагуну в 3-4 тысячи лет в реконструкции нашей истории. А ведь это периоды, когда каменный век, длившийся сотни тысяч лет, заканчивался, и начиналась новая

эра – эпоха бронзы, т.е. палеометалла, когда человек научился плавить металлические руды и получать сначала медь, а затем уже сплавы меди с оловом, мышьяком, сурьмой и другими компонентами, дающие бронзу, более прочный металл. С этого времени появляются новые орудия труда, значительно расширяется их ассортимент, впервые на нашей территории появляется керамическая посуда. Начиная с бронзового века происходит резкое разделение по способам хозяйственной деятельности. На территории Кыргызстана развиваются два вида хозяйства: пастушеское скотоводство и оседлое земледелие с присущими им особенностями.

Считается, что именно в эпоху бронзы начинается этническая история населения. Обнаружение и исследование памятников энеолита и ранней бронзы чрезвычайно актуально, что прояснило бы картину исторического развития в эти периоды, процесс перехода к новой форме деятельности, наполнило бы ее конкретными материалами во всем своеобразии ее развития.

Обнаруженные и исследованные памятники эпохи бронзы относятся к развитому и финальному периодам. Памятники пастухов-скотоводов представлены захоронениями и стоянками, открытыми на Тянь-Шане, Чуйской, Таласской и Кетмень-Тюбинской долинах [1; 9: 15; 16; 17; 26; 33 и др.], материалы которых имеют сходства с культурой пастушеско-скотоводческих племен Казахстана, Западной и Южной Сибири, имеющей условное название андроновской культуры.

Интересную группу памятников составляют клады бронзовых орудий труда, найденные в разных частях страны, иногда насчитывающих до 30 различных предметов, как Шамшинский клад [14: 167; 31; 32; 38]. Однако обнаруженных и исследованных памятников периодов развитой и поздней бронзы у нас также не так много, чтобы дать самостоятельную характеристику по этапам развития культуры на основе классификационных схем металлических предметов и керамического инвентаря.

Однако, новые исследования последних лет Э. Султанова свидетельствуют, что эпоха бронзы Кыргызстана нам известна еще не в

полной мере, и, что уже в это время, наша территория была заселена племенами не только андроновского круга. Так, на территории Токтогульского района, где в свое время И. Кожомбердиевым и Н.Г. Галочкиной был исследован могильник Джазы-Кечу [30], являющийся ярким образцом андроновской культуры на территории Кыргызстана, Э. Султановым был открыт новый памятник с совершенно другими погребальными сооружениями и обрядом погребения, сильно отличающимися от андроновской культуры. Кроме того, в Чон-Алайском р-не выявлен новый памятник, имеющий аналогии с вахско-бишкентской культурой Таджикистана и свидетельствующие о том, что древнее население этого высокогорного района занималось земледелием [44; 45]. Эти новые данные свидетельствуют, что часть населения эпохи бронзы, вероятно была автохтонными племенами, часть мигрировавшими извне. Поэтому поиски и изучение таких памятников чрезвычайно актуальны для выяснения всего спектра культур и выяснения связей с окружающим миром населения эпохи бронзы древнего Кыргызстана.

На юге Кыргызстана получает широкое распространение земледельческая культура, названная чувской (XV–VIII вв. до н.э.). Поселения древних земледельцев чувской культуры найдены в Ош-Карасуйском и Узгенском оазисах, которых обнаружено около 50 [21; 50]. Раскопки, проведенные на некоторых из них, дали материалы о типах жилищ, предметах домашнего обихода и хозяйства. Наиболее массовыми находками на поселениях является керамика, украшенная геометрическим орнаментом, нанесенным черной краской. Выявляются и остатки ирригационных сооружений. Особый интерес представляет Ошское поселение, открытое Ю.А. Заднепровским, расположенное на склонах горы Тахти-Сулейман и потому имеющее уникальную террасовидную планировку, не известную ранее для чувской культуры. Жилища были в виде землянок, которые, соединяясь, образовывали, по-видимому, общинный дом [23]. Это поселение дало основание 3000 летнему возрасту г. Ош.

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на многочисленность памятников чувской культуры в Ош-Карасуйском и Узгенском оазисах, исследованиям подверглось очень ограниченное количество их. К сожалению, до сих пор отсутствуют памятники раннего дочувского периода, что затрудняет понимание генезиса и времени возникновения земледельческой культуры на нашей территории [57]. Поэтому, поиски памятников ранней бронзы дочувского периода на юге Кыргызстана, а также исследования чувских поселений являются одной из важнейших задач кыргызской археологии.

Первое тысячелетие до н.э. у племен, населявших Семиречье и Тяньшано-Алай, знаменуется переходом к кочевому скотоводству. Это был повсеместный процесс для евразийской степи. Начался период разложения архаичного общинного общества и становления сложных социальных структур.

Памятники ранних кочевников Кыргызстана изучаются на протяжении более 90 лет. Проведены раскопки десятков, а в отдельных местах сотен курганов в могильниках Кетмень-Тюбе, Алайской, Чуйской, Таласской долин, Тянь-Шаня и Иссык-Кульской котловины. Получен разнообразный материал по предметам быта, оружия, украшения, характеризующих все стороны жизни ранних кочевников Кыргызстана. В последние годы внесены значительные изменения в датировку и интерпретацию некоторых памятников ранних кочевников, рассмотрены особенности их развития, специфика развития искусства, типов хозяйства. В результате анализа многочисленного материала мною предложено датировать этот период и сакскую культуру от VIII–VII до II–I вв. до н.э., и даже до начала новой эры, в отличие от принятого ранее VII–IV вв. до н.э. [53]. Материалов этого времени накоплено много, к сожалению, частью неопубликованных.

К числу нерешенных проблем относятся вопросы истоков сложения раннекочевнических культур. Необходимо выделить ранний период

культуры саков, время бытования сакских племен на территории Кыргызстана, и затем выяснить их взаимоотношения с культурой усуней, т.е. четко определить усуньский круг памятников. Здесь уместно напомнить, что на начальных этапах археологического изучения ранних кочевников Кыргызстана и Казахстана, сакская культура датировалась VII–IV вв. до н.э. и считалось, что на рубеже IV–III вв. до н.э. она сменилась усуньской культурой. По мнению А.Н. Бернштама, усунь были одной из составных частей сакского племенного союза, на рубеже IV–III вв. до н.э. или в начале III вв. до н.э. завоевавших политическое господство. Поэтому долгое время сакская и усуньская культуры считались двумя этапами единой культурной общности называемой сако-усуньской [6: 346; 9: 210–212].

Однако, еще в 1983 г. ленинградский ученый А.М. Мандельштам обратил внимание на несоответствие данных письменных источников с археологическими представлениями о единой сако-усуньской культуре. В последних своих работах он скрупулезно анализировал данные письменных источников относительно усуней и доказал достоверность их сообщений о первоначальной территории обитания этой группы кочевников в восточных районах Восточного Туркестана и начала их движения в западном направлении только в середине II в. до н.э. [34; 35].

В настоящее время, выросшая плеяда историков и востоковедов Кыргызстана также рассматривает усуньское общество, как самостоятельное государственное образование, со своей системой управления и иерархией государственной власти, при этом используя только данные письменных источников (см.: 20: 19–61 и др.). Ими совершенно не берется во внимание существующая проблема в археологической науке, объединившая их в одну историко-культурную общность с саками и, до настоящего времени отсутствие четко выделенных памятников усуней, данных о их материальной и духовной культуре.

Систематизация и анализ многочисленного раннекочевнического материала с долин Кетмень-Тюбе, Алая, и частично с Внутреннего Тянь-

Шаня, проведенные автором этих строк, позволили считать большую часть памятников с грунтовыми могилами, перекрытых накатом из бревен или каменными плитами, сакскими, а с памятниками усуней связывать погребения с другим видом погребальных сооружений в виде катакомб или подбоев. Примерно к такому же мнению позднее пришел и Ю.А. Заднепровский [22; 49; 53; 62; 66].

Необходимо отметить, что при многочисленности памятников ранних кочевников повсеместно, однако, не все районы Кыргызстана изучены равномерно. Некоторые районы, как Тянь-Шань, Иссык-Кульская котловина, Чуйская долина, Джалал-Абадская, Баткенская, да и Ошская области остаются фактически белыми пятнами. Как выясняется по отдельным исследованиям, еще не выявлено все разнообразие культур времени ранних кочевников. Так, при исследовании обширного могильника в местности Кеден Нарынского р-на Тянь-Шаньской обл., нами были открыты впервые в Кыргызстане захоронения ранних кочевников, совершенные в деревянных срубках. Обычно племена скифского времени Южной Сибири и Алтая широко использовали срубные конструкции при погребении своих сородичей. Но срубы могильника Кеден имеют конструктивные особенности в виде обозначенных входов, которые на самом деле не могли быть использованы как входы, а были отражением особой духовной культуры ранних кочевников Тянь-Шаня [60].

Памятники кочевого населения необходимо изучать планомерно, расширяя и масштабы географии, что позволит, во-первых, закрыть некоторые лакуны истории Кыргызстана периода I тыс. до н.э, с другой стороны, более детально изучить быт, культуру, искусство, а также хозяйство кочевого населения, в третьих, выявить связи местных кочевников с кочевыми племенами Сибири, Алтая, Монголии, Приуралья и др. К числу важнейших проблем относятся и вопросы истоков сложения раннекочевнических культур, их периодизация, а также взаимоотношения сакских племен с другими кочевыми племенами. Поэтому необходимо

продолжить работу над четким разграничением памятников саков и усуней с привлечением материалов с более широкой территории, определения хронологических рамок каждой культуры в отдельности, а также территории распространения усуньской культуры и ее взаимоотношения с другими кочевыми племенами конца I тыс. до н.э. – начала I тыс. н.э.

Период со II в. до н.э. по VI в. н.э. самый сложный в истории древнего Кыргызстана, как и всей Центральной Азии. Письменные известия об этом времени отрывочны и фрагментарны. Они сообщают о нескольких этнонимах, относящихся к племенам, которые могли обитать здесь в это время или проходить по долинам Тянь-Шаня и прилегающим территориям. Это были усунь, о которых сказано выше, гунны (хунну, сюнну), юечжи, эфталиты и др. Продолжали обитать и сакские племена после ухода части из них в южном направлении. В антропологическом типе населения проявляется все больше монголоидных черт. Памятники этого времени представлены курганными могильниками, среди которых преобладают подбойно-катакомбные захоронения, хотя нередко сохраняются захоронения и в грунтовых ямах. На основе изучения всей совокупности материалов этих памятников выделены кенкольская и карабулакская культуры, которые характерны главным образом для территории Кыргызстана и некоторых сопредельных территорий [2; 3; 4; 5; 27; 28; 29].

Кенкольский могильник, положивший начало археологической катакомбной культуре, был открыт А.Н. Бернштамом в 1938 г. в Таласской долине г., исследования которого были продолжены И. Кожомбердиевым [5, 27, 28]. Однако наибольшее количество памятников этой культуры было открыто и исследовано в долине Кетмень-Тюбе. И. Кожомбердиевым здесь были исследованы 18 могильников кенкольской культуры, давших наиболее яркий материал как по конструкциям погребальных сооружений, погребальному обряду, так и материальной культуре населения гуннского времени [29]. К сожалению, богатейший материал этого времени Кетмень-Тюбе не был обработан и опубликован автором раскопок. В настоящее время

систематизацией этого материала с применением современных методов камеральной обработки занимается М. Борсунбаев. Введение этих материалов в научный оборот значительно обогатит археологическую науку фактологическим материалом для будущих фундаментальных исследований этого сложного периода истории не только Кыргызстана.

По нашим исследованиям во Внутреннем Тянь-Шане, в это время имели распространение и другие культуры, отличающиеся погребальными сооружениями от кенкольской и карабулакской культур, но почти с идентичными элементами погребального инвентаря. Особо интересен краниологический материал могильника Баския-2, где женщины имели искусственную деформацию черепа и более монголоидный тип, в отличие от мужчин с менее монголоидным, визуально даже более европеоидным, антропологическим типом [61], что свидетельствует о межэтнических контактах разных кочевых племен, а также о способах распространения монголоидного типа и, возможно, тюркоязычия на нашу территорию.

Весь комплекс материалов, полученных при изучении памятников кочевого населения I–VI в. н.э. позволяет пока ставить вопросы только об историко-культурных связях населения Кыргызстана с населением Средней Азии, Казахстана, Сибири, Поволжья и Причерноморья. Феномен же этих культур пока до конца не изучен. Этническая атрибуция погребенных в подбойно-катакомбных, а также в грунтовых захоронениях этого времени, является давно назревшей, как и вопросы абсолютной датировки, истоков происхождения, а также процесса исторического развития на территории Кыргызстана во времена великого переселения народов.

В то время, когда Семиречье, Тянь-Шань и Алай населяли кочевые племена, в долинных районах Южного Кыргызстана развивалась оседло-земледельческая культура. В этих местах сохранились многочисленные руины городов и поселений, ирригационных сооружений, горнорудных выработок [21 и др.]. Основу хозяйства населения составляло оседлое земледелие, развитое ремесло и полукочевое скотоводство.

В конце I тыс. до н.э. по данным письменных источников, особенно для периода II в. до н.э. – V в. н.э., часть территории юга Кыргызстана входила в состав государства Давань, которое занимало территорию Ферганской долины. Это первое государственное объединение на территории Кыргызстана, с четкой системой государственной власти, документированное данными письменных источников. В последние годы сделаны попытки этнической атрибуции его населения, затронуты проблемы его языка, локализации столичного города Давани в Ошском оазисе [51; 54; 55; 56; 59]. Однако, эти вопросы наряду с определением хронологических и территориальных рамок существования государства, нуждаются в дальнейшей разработке и подтверждении на большем материале, чего можно достичь только путем комплексного изучения археологических памятников этого времени и письменных источников.

В археологическом плане в восточной части Ферганской долины выделяются шурабашатский период IV–I вв. до н.э., мархаматский I–IV вв. н.э. и гайраттепинский V–VI вв. периоды, представленные поселениями и погребальными сооружениями [24: 182–206]. Выделение этих периодов достаточно условное, и все они соотносятся со временем существования государства Давань на этой территории. Поэтому для четкой характеристики этого периода необходимы целенаправленные исследования ряда поселений в разных частях региона и сопутствующих им курганных захоронений, что и даст более конкретную картину культуры государства Давань, позволит определить территориальные границы распространения государства, и выделить поэтапное развитие ее культуры. И, конечно, возможно, эти материалы в совокупности с письменными источниками дадут возможность локализовать столичные города государства, упомянутые в письменных источниках, на конкретных археологических объектах.

Развитие общественных отношений и производительных сил приводит в VI в. н.э. к возникновению феодализма, с которым связаны дальнейшие изменения в экономике и культуре Кыргызстана. Памятники кочевого

тюркоязычного населения изучались повсеместно. Составлена карта распространения могильников в VI–XII вв. Проведены раскопки ряда захоронений. Значительная работа осуществлена по изучению каменных изваяний, представляющих собой высокие образцы художественной культуры кочевников [13; 36; 37; 46; 71 и др.].

Открыты новые памятники орхоно-енисейской письменности в Таласе, Кочкорском р-не, на юге республики [47; 48]. Однако собранный материал еще не достаточен для характеристики культуры кочевников этого времени и для определения принадлежности его к этническим группам тюрков, упоминаемых в письменных источниках. Но нет сомнений, что это основной исходный пласт, на котором впоследствии формировался кыргызский народ. В связи с этим, дальнейшее целенаправленное изучение древнетюркских памятников является также одной из актуальнейших задач нашей науки.

В это же время интенсифицируется распространение оседлой жизни на территориях, исконно занимаемых кочевниками. В прежних владениях кочевников Таласской, Чуйской долин, Иссык-Куля и Тянь-Шаня в период VII–XII вв. возникают многие десятки оседлых поселений, часть из которых постепенно достигла размеров и экономической значимости крупных городов средневековья. Это происходит благодаря развитию торговых отношений между странами Востока и Запада, в системе которой географическое расположение нашей территории было очень благоприятным, что определило ей быть одной из ключевых звеньев в разветвленной сети торговых путей, впоследствии названных Великим шелковым путем. Археологические и письменные источники свидетельствуют о широких международных связях раннесредневекового Кыргызстана с другими странами, иногда достаточно удаленными. В памятниках этого времени обнаружены вещи, производившиеся в Китае, Индии, Иране, Византии, западных провинциях Рима.

Из числа памятников средневековья наиболее успешно изучались памятники оседло-земледельческого населения. Была проведена большая

работа по выявлению развалин городов и поселений на всей территории республики, общее число которых составляет около 500. Вокруг крупных городищ Чуйской и Таласской долин, а также Иссык-Кульской котловины установлено существование длинных стен, окружавших значительные территории, примыкавшие к центральным структурам. Это характерно только для городских центров Семиречья [7; 8; 25 и мн. др.]. За период изучения были выявлены топографические особенности городов, социально-политическая и экономическая структура городских образований.

На части городищ велись и ведутся стационарные раскопки. При этом получен большой и разнообразный материал, позволяющий глубоко и всесторонне осветить многие вопросы истории и культуры оседлого населения средневекового Кыргызстана, его связей с кочевым миром.

Однако, под влиянием понятия «согдийская колонизация» города и поселения Чуйской и Таласской долин часто рассматривают лишь как некую периферию по отношению к Самаркандскому Согду. Между тем, развалины Ак-Бешима (Суяба) и Бураны (Баласагуна) отождествляются со средневековыми столичными центрами, а такие городища как Красная Речка, Тюлек и ряд других – как самостоятельные важные культурные и торгово-ремесленные центры, известные далеко за пределами кочевой зоны Центральной Азии. Некоторые интерпретации и выводы, сделанные ранее, требуют пересмотра или уточнения, выяснения всех особенностей раннесредневековой городской жизни, связанных с оседанием кочевников и их влиянием на городскую культуру, и конечно, необходимо разработать поэтапную структуру развития средневекового города.

Необходимо отметить здесь интересные работы последних лет Л.М. Ведутовой, на основе анализа многочисленного материала городской культуры, закономерно пришедшей к выводу, что в развитии городской культуры весьма значительный вклад внесли как местные, так и вновь пришедшие кочевые тюркские племена. Вернее даже, что если первоначально, оседлые поселения согдийцев возникали как фактории на

торговых путях, проходящих по землям, занятым кочевниками, то в последующие времена расцвета торговых связей, приведших к массовым оседаниям кочевников и в результате закономерных эволюционных процессов, города развивались уже как тюркские, а не согдийские [11; 12].

К большому сожалению, ни один из этих крупных археологических объектов средневековья не раскопан хотя бы на 15-20%, ни на одном из них не велись систематические плановые раскопки в течение 15-20 лет. Для примера сравним городище Пенджикент (Таджикистан), на котором исследования ведутся уже в течении более 60 лет, Афрасиаб (Узбекистан) насчитывает более 120 лет изучения (правда с перерывами), Отрар в Казахстане уже исследуется также более 40 лет и т.д. Поэтому многие вопросы по истории и культуре средневековых городов, все еще ждут своего решения.

Археологические работы дали определенный материал и для лингвистических исследований. Так, кроме орхоно-енисейских памятников открыты согдийская, арабская, сирийская (неисторианская) и тибетская письменности, которые также свидетельствуют о многообразии культуры средневекового периода на территории Кыргызстана, о его важном значении во времена расцвета торгово-экономических отношений между западными странами и китайским, а также индийским Востоком. Сбор данных всех образцов письменности, начиная с древнейших знаковых символов, затем рунического письма и средневековой эпитафийной и другой письменности, были в свое время проделаны тюркологом Ч. Джумагуловым [19 и др.]. Эту работу впоследствии продолжили археолог К.Ш. Табалдиев и тюрколог К. Белек, выпустившие каталогизированный свод памятников письменности средневековья, к сожалению, без научного анализа и комментариев, что несколько снизило значимость этой работы [47].

Особую группу памятников составляют наскальные изображения, отражающие эволюцию изобразительного творчества и духовную культуру племен и народов, проживавших здесь на протяжении почти четырех-пяти

тысяч лет, начиная с энеолита и бронзового века вплоть до позднего средневековья.

Археологами много сделано в части изучения этого вида памятников, выявлены также десятки местонахождений петроглифов в отрогах Туркестанского и Алайского хребтов, Кетмень-Тюбе, Иссык-Куля и Тянь-Шаня. Однако, этот важнейший вид памятников, к сожалению, фактически не используется для исторических и искусствоведческих исследований, для воссоздания мировоззрения и духовной культуры населения, особенно для древних периодов эпохи бронзы и раннего железа, время наибольшего расцвета наскального творчества. Зачастую идет просто фиксация местонахождения и сюжетов наскальных рисунков, без глубокого его анализа, интерпретации и привязки к известным археологическим культурам.

В этом плане несколько отличны результаты исследований, проведенные в урочище Саймалы-Таш, труднодоступном и уединенном месте, расположенном на высоте 3500 м. в горах Ферганского хребта, где имеется крупнейшее скопление наскальных рисунков. Исследователи Саймалы-Таша сделали попытки датирования всего комплекса, хронологической периодизации его рисунков, интерпретации отдельных сюжетов и др. [см.: 10; 18; 43; 72; 73]. Но наиболее полное его исследование в плане выявления и фиксации петроглифов были сделаны мною только в последние десятилетия, так же определена и вся значимость Саймалы-Таша как самого крупнейшего скопления наскальных рисунков в мире и древнейшего святилища, рисунки которого, в первую очередь, отражают духовную культуру и мифологию древних арийских племен, населявших территорию Центральной Азии, включая и Кыргызстан и, затем уже последующих этносов I тыс. до н.э. – II тыс. н.э. Самые древние сюжеты петроглифов Саймалы-Таша, по моему мнению, находят соответствия в ритуалах и обрядах, описанных в древних письменных памятниках, как «Ригведа» на территории Индостана и «Авеста» на Иранском нагорье, как бы являясь отражением этой же мифологии, но еще в дописьменный период ее

существования. Мною также внесены изменения в датировки древнейших рисунков, сделаны попытки систематизации колоссального количества рисунков по сюжетам и другим элементам и т.д. [52; 58; 64; 65; 67; 74 и др.]. Накоплен колоссальный материал, нуждающийся в дальнейшей обработке, систематизации и интерпретации и, конечно, же, в его полном издании.

Кроме того, в настоящее время, остро стоит вопрос о сохранении этого наиболее ценного памятника, своеобразной жемчужины историко-культурного наследия Кыргызстана. В свое время, отдаленность Саймалы-Таша от населенных пунктов, труднодоступность, открытость от снежного покрова только в течении одного месяца в году, не позволили включить его в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО. Однако в последние годы, в связи с прокладкой дороги вблизи него, он стал посещаем туристами, число которых растет с каждым годом. Посетители вынуждены ходить по камням, чтобы увидеть рисунки, которые расположены на тонком загарном слое камня, который легко отслаивается. Растущее количество посетителей в конце концов может привести к полному уничтожению рисунков.

В связи с этим, необходимо срочно принять меры к сохранению Саймалы-Таша, продумать способы показа наиболее интересных сюжетов с применением современных технических возможностей. Хождение по многослойной каменной россыпи является опасным не только для петроглифов, но и самих посетителей.

Таким образом, на территории Кыргызстана проделана большая археологическая работа, результаты которой легли в основу воссоздания истории и истории культуры края с древнейших времен и до позднего средневековья. Намечено общее и особенное в древних культурах Кыргызстана, прослежены связи и взаимовлияния культур между кочевым и оседлым населением, выявлены политические, экономические и культурные взаимосвязи народов Кыргызстана с народами Центральной Азии. Сделано многое, но ряд вышеуказанных проблем очень важных для исторических реконструкций и истории культуры древнего и средневекового населения

еще остаются не решенными. Это закономерно. Эти задачи должны явиться основными для современных и будущих исследователей древней и средневековой истории Кыргызстана.

Археологическое наследие страны это своеобразный архив источников по неимоверно огромному промежутку бесписьменного периода его истории и развития, охватывающего многие сотни тысяч лет, начиная с периода появления первого человека на его территории и вплоть до развитых цивилизаций протогородского типа эпохи бронзы, так и кочевых, полукочевых и оседлых ранних государственных объединений и затем уже мощных развитых средневековых государств-каганатов. Археологические материалы хранят в себе информацию о всех сферах жизнедеятельности обществ, включающего как материальную и духовную культуры населения, искусство, особенности градостроительства и зодчества, хозяйственную деятельность, направления их культурно-экономических связей и т.д., и потому оно бесценно. Одновременно это историко-культурное наследие очень хрупкое, уязвимое, которое можно легко и безвозвратно уничтожить необдуманном своим действием. Особенно в сегодняшние дни, в дни какого-то безудержного строительного бума в стране, будь то в столичных городах, так и в сельской местности, и особенно на пастбищных местах горных склонов, межгорных долин, и даже на высокогорных сыртах. А ведь следы древних людей, тот бесценный исторический архив, о котором идет речь, находится как раз в земле, повсеместно, порой не имея на поверхности никаких признаков. Поэтому бережное отношение к своей истории, сохранению памятников историко-культурного наследия и правильного его использования, должны быть своего рода национальной идеей народа.

Поэтому в качестве концептуальных основ развития кыргызской археологической науки предлагаются следующие практические и теоретические задачи и направления:

1. Активизировать исследования археологических культур эпохи камня, бронзы, раннего железа и средневековья;

2. Интенсифицировать разработку типологии и классификации памятников, их планиграфии, различных категорий предметов, а также вопросов выделения локальных культур и их вариантов.

3. Разработать критерии для датировки археологических предметов, отдельных памятников и комплексов, используя современные методы анализов, построения хронологических систем, относительной и абсолютной хронологии, в целом исторической периодизации.

4. Изучение проблем древних производств: скотоводства, земледелия, ирригации, металлургии и горного дела, различных ремесел; особенностей хозяйственного типа, как нomaдизм во всех его проявлениях.

5. Изучение взаимодействия оседлых цивилизаций и кочевых культур в древности и средневековье, начиная с протогородской эпохи, а также строительного дела, архитектуры, градостроительства кочевой культурной зоны.

6. Изучение проблем Великого шелкового пути, как комплекса торгово-экономических и межкультурных контактов разных стран и народов, торгово-денежных отношений, религиозно-духовного разнообразия, как динамичной структуры, обеспечившей не только продвижение товаров, инновационно-технологических идей, но и строительные приемы в монументальной архитектуре.

7. Разработка теоретических основ исторического анализа на современном уровне науки.

8. Создание Карты археологических памятников Кыргызстана по областям, с целью выявления, фиксации и учета памятников археологии, их паспортизации для сохранения ценнейшего историко-культурного наследия. Задачей проекта должны стать учет и ревизия ранее выявленных памятников, а также проведение широкомасштабных разведочных работ с целью выявления, всесторонней фиксации всех памятников по новым методам с помощью современной технологии (аэрофотосъемка, геосканирование, привязка к ГИС, составление 3d модели памятников и т.д.).

В настоящее время, когда идет интенсивный процесс освоения территорий под производственные нужды повсеместно, памятники древности – ценнейшие источники нашей истории и культуры, подвергаются разрушению, зачастую безвозвратному уничтожению. Поэтому составление археологической карты Кыргызстана является наиболее актуальным: *во-первых*, для использования такой информации во время проведения различных работ: строительных, хозяйственных, разработок месторождений, прокладки дорог и т.п.; *во-вторых*, для плановых научных исследований; *в-третьих*, подобного рода работа будет способствовать популяризации истории и культуры народа, повышению его образовательного и патриотического уровня, а также позволит включить наиболее интересные памятники в туристическую инфраструктуру.

Перечисленные проблемы и основные задачи, стоящие перед археологами Кыргызстана, требуют значительных профессиональных сил и обязательного бюджетного финансирования, без которых выполнение полноценных научных исследований невозможно. Необходимо также заострить внимание на проблеме подготовки специалистов в кыргызской археологии. Единственная кафедра КНУ, которая должна готовить и археологов, почему-то не имеет практики привлечения специалистов из академического учреждения для профессиональной подготовки студентов в этой области.

Проблемы археологического изучения памятников страны по перечисленным направлениям, а значит, ее интереснейшей древней и средневековой истории должны беспокоить не только одних археологов, а стать неотъемлемой приоритетной государственной задачей, одной из основных направлений национальной идеи страны, для полноценного изучения, сохранения и широкой популяризации богатейшей истории и культуры народа.

Литература:

1. *Абетеков А.К.* Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-Сай // КСИА, 1963. Вып. 93. С. 93–95.
-

2. Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник // КСИЭ, 1957. Вып. 26. С. 96–102.
 3. Баруздин Ю.Д. Кара-Булакский могильник // ИАН Кирг.ССР. Сер. обществ. наук, 1961. Т.3, вып.3. С. 43–81.
 4. Баруздин Ю.Д., Брыкина Г.А. Археологические памятники Баткена и Ляйляка (Юго-Зап. Киргизия). Фрунзе. 1962. С. 9–85.
 5. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
 6. Бернштам А.Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // СА, 1949. Т.11. С. 337–384.
 7. Бернштам А.Н. Очерк истории культуры древнего Семиречья по археологическому материалу // МИА. 1950. № 14. С. 58–83.
 8. Бернштам А.Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.-Л., 1950.
 9. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. // МИА. М.-Л., 1952.
 10. Бернштам А.Н. Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ, 1952. № 2. С. 50–68.
 - 10а. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в I тысячелетии нашей эры. М., 1982.
 11. Ведутова Л.М. – Согдийцы и тюрки: столкновение цивилизаций в контексте Великого шелкового пути (по археологическим материалам Кыргызстана и Центральной Азии) // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (Становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Мандельштама и 90-летию со дня рождения И.Н. Хлопина. СПб, 2020. С. 272–274.
 12. Ведутова Л.М., Куримото Ш. Парадигмы раннесредневековой тюркской культуры: городище Ак-Бешим. Бишкек, 2014.
 13. Винник Д.Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археол. памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 79–93.
 14. Винник Д.Ф., Кузьмина Е.Е. Второй Каракольский клад Киргизии [1976] // КСИА. 1981. Вып.167. С. 48–53.
 15. Галочкина Н.Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы. // Кетмень-Тюбе. Фрунзе, 1977. С. 30–38.
 16. Галочкина Н.Г. Связи памятников эпохи бронзы Кыргызстана с памятниками сопредельных территорий Средней Азии и Казахстана // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996. С. 33–41.
 17. Галочкина Н.Г., Кожомбердиев И.К. Погребения эпохи бронзы могильников Кулан-Сай и Кызыл-Сай в Таласской долине // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня. Бишкек: Илим, 1995. С. 24–30.
 18. Голендухин Ю.Н. Вопросы классификации и духовный мир древнего земледельца по петроглифам Саймалы-Таша // Первобытное искусство. Новосибирск, 1971. С. 181–202.
 19. Джумагулов Ч.Д. Эпиграфика Киргизии. Фрунзе: Илим. Вып. 1, 1963; вып. 2, 1982; вып. 3, 1987.
 20. Джуманалиев Т. Эволюция политической власти кочевников Притяньшаня (II в. до н.э. – XII в.). Бишкек, 2005.
 21. Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л., 1962 (МИА. №118).
 22. Заднепровский Ю.А. Узловые проблемы этнической истории кочевников Кыргызстана древнего периода // Кыргызы. Этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии. Материалы межд. конф., посвящ. 1000-летию эпоса «Манас», 22–24 сентября 1994 г. Бишкек, 1996. С. 150–163.
 23. Заднепровский Ю.А. Ошское поселение: к ист. Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997.
 24. История Киргизской ССР. Т.1. С древнейших времен до середины XIX в. Фрунзе, 1984.
 25. Кожемяко П.Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959.
 26. Кожемяко П.Н. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Изв. АН Кирг. ССР. 1960. Т. 2, вып. 3.
-

27. *Кожомбердиев И.К.* Новые данные о Кенкольском могильнике // КСИИМК, 1960. Вып. 80. С. 70–75.
 28. *Кожомбердиев И.К.* Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 33–37.
 29. *Кожомбердиев И.К.* Культура ранних кочевников Западного Тянь-Шаня: (по материалам курган. могильников VI в. до н.э. – VII в.н.э. долины Кетмен-Тюбе): Дис. канд. ист. наук в форме научного доклада / АН СССР. ЛОИА. Л., 1986.
 30. *Кожомбердиев И.К., Галочкина Н.Г.* Памятники эпохи бронзы в долине Кетмень-Тюбе // УСА, 1972. Вып.1. С. 39–41.
 31. *Кожомбердиев И.К., Кузьмина Е.Е.* Шамшинский клад эпохи поздней бронзы в Киргизии // СА. 1980. № 4. С. 140–153.
 32. *Кузьмина Е.Е.* Клад эпохи бронзы из Каракола // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 13–15.
 33. *Кузьмина Е.Е., Мокрынин В.П.* Новая стоянка эпохи бронзы в Киргизии и проблема заселения Семиречья андроновскими племенами // Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985. С. 270–280.
 34. *Мандельштам А.М.* К восточным аспектам истории ранних кочевников Центральной Азии и Казахстана // КСИА. М., 1978. С. 19–25.
 35. *Мандельштам А.М.* Заметки об археологических памятниках усуней // Древний и средневековый Кыргызстан. Бишкек, 1996. С. 93–103.
 36. *Мокрынин В.П.* Каменные изваяния – памятники древних тюрков. Фрунзе, 1979.
 37. *Мокрынин В.П., Гаврюшенко П.П.* Древнетюркские памятники долины р. Тон // Археол. памятники Прииссыккуль. Фрунзе, 1975. С. 102–112.
 38. *Мокрынин В.П., Плоских В.М.* Клады в Кыргызстане: Мифы и реальность. Бишкек: Илим, 1992.
 39. *Мосолова Л.И.* К вопросу о датировке росписей пещеры Ак-Чункур // Культура и искусство Киргизии: ТД ВНК. Вып. 1. Л., 1983. С. 27–28.
 40. *Окладников А.П.* Археологические исследования в Киргизии (1953 г.) // ВАН. 1954 № 9.
 41. *Окладников А.П., Рацек В.И.* Следы древней культуры в пещерах Тянь-Шаня: (Находки в пещере Ак-Чункур) // ИВГО, 1954. Вып.5. С. 447–452.
 42. *Окладников А.П., Касымов М.Р., Конопля П.Т.* Капчигайская палеолитическая мастерская // ИМКУ, 1964, вып. 5.
 43. *Помаскина Г.А.* Когда боги были на земле: (Наскальная галерея Саймалы-Таш). Фрунзе, 1976.
 44. *Султанов Э.* Типология конструкций надмогильных и могильных сооружений андроновских племен Кыргызстана // Известия НАН КР. 2015. № 4. С. 140–146.
 45. *Султанов Э.К.* Андрон тарыхый-маданий коомчулугунун корүстөндө табылган кишинин күйгүзүлгөн калдыктарын аныктоо боюнча маселелер // Известия НАН КР. 2017. № 2. С. 69–72.
 46. *Табалдиев К.* Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек, 1996.
 47. *Табалдиев К.Ш., Белек К.* Памятники письменности на камне Кыргызстана. Бишкек, 2008.
 48. *Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.* Рунические надписи Кочкорской долины // Известия НАН КР. №1-2. Бишкек, 200., С. 68–73.
 49. *Ташбаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая: Вопросы хронологии и локальных вариантов: АКД / АН СССР. ЛОИА. Л., 1987.
 50. *Ташбаева К.И.* Ошский оазис в эпоху бронзы // Ош 3000. Бишкек: Илим. 2000. С. 6–23.
 51. *Ташбаева К.И.* К проблеме локализации городов государства Давань // Цивилизации скотоводов и земледельцев Центральной Азии. Самарканд–Бишкек, 2005. С. 155–166.
 52. *Ташбаева К.* Древнейшее святилище Саймалы-Таш // Жалал-Абаддагы ыйык жерлер жана эл даанышмандыгы. Бишкек, 2010. С. 470–480.
 53. *Ташбаева К.И.* Культура ранних кочевников Тянь-Шаня и Алая (I тыс. до н.э.). Бишкек: Илим, 2011.
-

54. *Ташбаева К.И.* К вопросу о локализации столицы Давани – первого государственного объединения на территории Южного Кыргызстана // Вестник КНУ им. Жусупа Баласагына. Материалы международной научной конференции «Кыргызский каганат в контексте тюркской цивилизации: Проблемы кыргызоведения», посвящ. 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата (15–16 ноября 2012 г.). Ч. 1. Бишкек, 2012. С. 91–102.
 55. *Ташбаева К.И.* Государственное устройство, население и язык Давани // Кыргызский каганат в контексте средневековой государственности и культуры тюркских народов: Тезисы материалов II международной научной конференции, посвященной 1170-летию образования Великого Кыргызского каганата в Центральной Азии. г. Бишкек, 15–16 ноября 2013 г. Бишкек, 2013. С. 146–147.
 56. *Ташбаева К.И.* Давань: государственное устройство, этническая принадлежность и хозяйство населения // Кыргыз каганаты турк элдеринин мамлекеттуулугунун алкагында. Бишкек, 2014. С. 326–332.
 57. *Ташбаева К.И.* К вопросу о происхождении и об особенностях чувстской культуры Ферганы // Известия НАН КР. № 3, 2015. С. 101–108.
 58. *Ташбаева К.И.* Наскальные рисунки Центральной Азии как отражение древнеарийской мифологии // Кыргызстан жана Борбордук Азия – баарлашуунун мейкиндиги. Этностор аралык мамилелерди бекемдоонун отмушу, учуру жана келечеги. Кыргызстандын этнологдору менен антропологдорунун II Конгресси. Бишкек, 2015. С. 427–432.
 59. *Ташбаева К.И.* Давань мамлекети // «Кыргызстандын тарыхы». Т. 1. 3 гл., 5 §. Бишкек, 2016. 220–229 б.
 60. *Ташбаева К.И.* К семантике входов и дромосов в срубных конструкциях ранних кочевников Внутреннего Тянь-Шаня // Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура, планиграфия некрополей. СПб, 2018. С. 71–77.
 61. Гендерные маркеры половых различий в погребениях Баския-2 Внутреннего Тянь-Шаня гуннского времени // Мужской и женский мир в отражении археологии. Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции. Уфа 19–22 ноября 2018 г. Уфа, 2018. С. 177–183.
 62. *Ташбаева К.И.* К проблеме взаимоотношений культуры саков и усуней в истории древней Центральной Азии // Тарыхчы жана публицист Тынчтыкбек Чоротегиндин (Чороевдин) 60 жылдык мааракесине арналган «Кыргыз таануу маселелери: Байыркы доордон азыркы мезгилге чейин» аттуу эл аралык илимий тажрыйбалык жыйындын материалдары. Бишкек, 2019. С. 324–328.
 63. *Ташбаева К.И.* О межэтнических контактах кочевых племен гуннского времени по палеоантропологическим материалам могильника Баския-2 // Кыргыз тарыхынын актуалдуу маселелери: отмушу, азыркысы жана келечеги. Тарыхчы, чыгыш таануу Анварбек Мокеевдин 70 жылдык юбилейине арналган илимий макалалар жыйнагы. Бишкек, 2019а. 251–258 б.
 64. *Ташбаева К.И.* Саймалы-Таш – памятник духовной культуры древнего населения Центральной Азии // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность. Материалы VII международной научно-практической конференции. 21–23 сентября 2019 г. Бишкек, 2019 б. С. 249–257.
 65. *Ташбаева К.* К проблеме датировки битреугольного стиля в наскальном искусстве Центральной Азии // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конференции к 100-летию отечественной академической археологии. СПб, 2019 в. С. 213–214.
 66. *Ташбаева К.И.* А.М. Мандельштам об истории усуней в Центральной Азии (к проблеме хронологии и взаимоотношений сакской и усуньской культур) // Древние и средневековые культуры Центральной Азии (Становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб, 2020. С. 24–26.
-

67. *Ташбаева К.И.* Сюжетные линии в петроглифах Саймалы-Таша» // Древние и средневековые культуры Центральной Азии и Среднего Востока (Становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ)» к материалам международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М.Мандельштама и 90-летию со дня рождения И.Н. Хлопина. СПб, 2020 а. С. 119–121.
 68. *Юнусалиев М.Б.* Изучение каменного века в Киргизии // Изв. АН Кирг. ССР. 1967. № 14.
 69. *Юнусалиев М.Б.* Домустьерский комплекс Саламат-Булак (некоторые итоги исследований) // Изв. АН Кирг.ССР. 1981. № 3.
 70. *Юнусалиев М.Б.* Палеолитическая стоянка в Чуйской долине – Георгиевский Бугор // По следам памятников истории и культуры Киргизстана. Фрунзе, 1982.
 71. *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. М.-Л., 1966.
 72. *Шер Я.А.* К интерпретации сюжетов некоторых петроглифов Саймалы-Таша // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л., 1978.
 73. *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
 74. *Tashbaeva K., Khujanazarov M., Ranov V., Samashev Z.* Petroglyphs of Central Asia. – Bishkek, 2001, 220 p.
-

ЭТНОЛОГИЯ, ЭТНИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Бексултанова Ч.Д.

Кол өнөрчүлүк кыргыздардын салттуу маданиятынын бир бөлүгү катары

Негизги сөздөр: кол өнөрчүлүк, салттар, көчмөн маданият, шырдак, кийиз, ала-кийиз, ууз-чебер, өзгөрүүлөр.

Аннотация. Бул макалада салттуу кол өнөрчүлүктүн кыргыздардын заманбап жашоосундагы мааниси каралат. Кыргыз чеберлеринин турмуш-тиричиликте зарыл болгон буюмдарды малдын жүнүнөн, булгаарыдан, ошондой эле жыгачтан, сөөктөн, металлдан жасоо жана аларды жасалгалоо иштери өздөрүнүн – жогорку көркөмдүүлүгү менен айырмаланат. Эмгекте Кыргызстандын Нарын жана Ысык-Көл аймактарында жүргүзүлгөн талаа изилдөөлөрүнүн негизинде салттуу кол өнөрчүлүктүн (Туш-Кийиз сайуунун, шырдак жасоонун мисалында) өнүгүү өзгөчөлүктөрү каралды.

Ремесленничество как часть традиционной культуры кыргызов

Ключевые слова: ремесленничество, традиции, кочевая культура, войлок, ала-кийиз, шырдак, мастерица, изменения.

Аннотация. В данной статье рассматривается значение традиционного ремесленничества в современной жизни кыргызского народа. Изготовление необходимых предметов быта из животноводческого сырья – шерсти, кожи, а также из дерева, кости, металла, орнамента данных изделий, характеризуется высоким художественным исполнением кыргызских мастеров. На основе полевых исследований, проведенных в Нарынской и Исык-Кульской областях Кыргызстана, выявляются особенности развития традиционного ремесленничества (на примере войлокования, вышивки Туш-кийизов) в современный период.

Handicraft as part of the traditional culture of the kyrgyz

Key words: Handicraft, traditions, nomadic culture, felt, shyrdak, ala-kiyiz, master, change.

Annotation. This article examines the importance of traditional handicrafts in the modern life of the Kyrgyz people. The production of necessary household items from livestock raw materials – wool, leather, as well as from wood, bone, metal, ornamentation of these products is characterized by high artistic performance of Kyrgyz masters. On the basis of field research carried out in the Naryn and Issyk-Kul regions of Kyrgyzstan, the features of the development of traditional handicrafts (for example, felt felting, embroidery of Tush-kiyiz) in the modern period are revealed.

Кыргыздардын кол өнөрчүлүгү көчмөн чарба турмуш-салтынын маанилүү бир бөлүгү болгон. Тиричиликтин эң зарыл буюмдары ар бир кыргыз үйүндө кол өнөрчүлүк – жыгачты, сөөктү, кайыш-терини, темирди, ал эми үй буюмдары аялдардын чеберчилиги аркылуу – жүндү, терини иштетүү менен өндүрүлгөн. Кыргыз кол өнөрчүлүгү салттуу чарбага

мүнөздүү болуп, көчмөн жана жарым көчмөн жашоосуна негизделген [1: 19].

Күндөлүк турмуш-тиричиликте колдонулган буюмдар үй шартында даярдалган. Эмгекти бөлүштүрүүдө чыдамдуулукту, эптүүлүктү талап кылган аялдардын эмгеги коомчулукта чоң талапка ээ болгон [2: 25]. Аялдардын милдетине үйдүн ички жасалгаларына тийиштүү буюмдарды даярдоо: тери иштетүү, кийизден ала кийиз, шырдак, боз үй жабдыктары – үзүк, туурдук, түндүк жабуу ж.б., атка тердик, кементай, такыя, шөкүлө жасалган. Боз үйдүн капшытына калоого жана кийиз жасоонун аспабы катары пайдалануучу чий соккон. Өрмөктөн – үй таманга төшөлүүчү таар, боз үйдүн боочуулары, атка жабуучу үртүк, ал тургай кап, торбо согулган. Аялдар кийим-кече, жууркан-төшөнчү, атка көрпөчө ж.б. бүтүндөй колго тигип, сайма сайышкан. Албетте, айрым буюмдар чебер уздун шыгынан кабар берип, кооздугу, өң-түстүн төп келишүүсү, оймо-чиймеси жагынан ашып түшкөн [3: 28]. Эл арасында аларды «чебер» дешип, алардын атагы өз айылынан алыска кеткендиктен, кыздын себин даярдоого, ар кандай үй-бүлөлүк салтанаттарга белек жасаш үчүн чакырып кетип турушкан. Уз энелер сайма, оймо, токуу иштеринин ыкмасын өз кыздарына үйрөтүп, өз чеберчилигин муундан-мунга өткөрүп келе беришкен. Бирок уз аялдар өздөрүнүн билгендерин башкаларга үйрөтүү көрүнүшү турмушта чанда кезиккен. Көпчүлүктүн катышуусу менен бүткөн аялдардын эмгегине кийиз, ала кийиз жасоо, килем токуу кирет. Мындай эмгек көп элдин катышуусун талап кылат, ошол себептен жамаат менен иштөө – «ашар» салты дагы кеңири жайылган.

Кыргыз элинде эркек усталарды кадырлап «уста» деп аташкан. Аларды белгилүү бир адистиктери боюнча: зер буюмдарын жасаган – «күмүш уста», «зергер», жыгач иштетүүчү – «жыгач уста», тери иштетүүчү – «булгаарычы» деп аташкан. Усталарда адистештирүү болгон эмес, анткени алар көп тармактуу ыкмаларды билиши зарыл болгон [5: 57].

Кыргыз чеберлеринин согуучулук, өрмөчүлүк, саймачылык, асем буюмдары, жыгачтан жана териден жасаган буюмдары өздөрүнүн жогорку көркөм жасалгалуулугу менен айырмаланган [6: 12].

Элдик кол өнөрчүлөр буюмдарды жасоодо, кийим тигүүдө, боз үй жасоодо жана аны жасалгалоодо, негизинен күзүндө кыркып алган койдун жүнүн пайдаланышкан, ал эми жазында кыркып алынган жүндөн жип ийришкен.

Кийизден буюмдарды жасоо кыргыз элинин турмушунда азыркы мезгилге чейин чоң мааниге ээ. Өз кезегинде чеберлер койдун жүнүнөн боз, күрөң жана кара түстөгү *кийиздерди*, оймо салынган өтө бышык *ала кийиз* жасашкан [8: 45]. Күндөлүк турмуш-тиричиликте кийиз көчмөн чарбачылыктын эң башкы табылгасы болуп саналган жана ал боз үйдү сууктан, шамалдан, күндүн табынан сактап, жаанда суу өткөрбөйт.

Байыртадан бери эле кыргыздарда кийиз жасоо үчүн сөзсүз түрдө чебер уз оймочуларды чакырышкан. Оймочулар ар түрдүү көркөм оймолорду жаратып, түстөрдүн композициясын тандап, кийиздин бетине түрдүү түстөгү боёлгон оюуларды түшүрүшкөн. Салт боюнча жамаат менен жасалган *кийиз ашарга* ошол үйдөгү [иш чара өтүп жаткан] кыз-келиндер, абысын-ажы, жакын туугандары, кошуна-колондору чогулуп, өз ара жардамдашышат. Мындай иштер адатта жайлоодо ургаал түрдө колго алынып, улам биринин үйүнө барып өз ара көмөктөшүү менен бүткөн. Белгилүү этнографтар: С.М. Абрамзон, К.И. Антипина, Е.И. Махова, Г.П. Васильева ж.б. өздөрүнүн илимий изилдөөлөрүндө бир нече этаптардан турган кийиз жасоо процессин жазышкан. Мисалы, жуулбаган жүндү күнгө жайып коюп, четинен уйдун талпагына ченеп салып алып, эки-үч киши сабоо (мурда табылгы чыбык, кийин катуу калың зым) менен сабашат, кийиз кандай буюмга арналып жасалганына жараша калыңдыгын өлчөп, чийдин бетине тегиздеп салышат, үстүнө кайнак суу чачып, түрмөк (рулон) сыяктуу түрүшөт, анан аны бышык аркан менен байлашат, бир топ убакытка чейин ары-бери тоголотуп тепкилешет. Андан соң чийди чыгарып алып анын бетине ысыгы сууй электе

бир нече киши катар тизелеп олтура калып билек менен ары-бери тоголотуп басышат. Ала кийиз чийдин бетине салынган кара, боз түстөгү жүндүн үстүнө ар кандай түстө боёлгон орто жоондуктагы жип сыяктуу эшилген жүн менен оймо-чиймелер түшүрүлүп жасалган. Жүндү боёш үчүн жаратылыштагы боёчу заттарды: тамыр, сабак, мөмөлөрдү пайдаланышкан. Аларды кургатып, күкүм сыяктуу майдалап талкалашкан. Кыргыздарда кеңири тараган түстөр көк, кызыл, сары болгон. XIX кылымдын аягында өсүмдүк боёктору жасалма анилиндүү боёктор менен алмаштырылган, албетте, ал буюмдун сапатын төмөндөткөн.

Көркөм оймо-чиймелер түшүрүлүп жасалган *ала кийиздин* өлчөмү 0,8 x 1,5 метрден – 3,0 x 5,0 метрге чейин жеткен. Ала кийиздин негизин эки кат жүн түзгөн. Биринчи кат күзүндө кыркылган койдун жүнү болсо, экинчиси – күзгү жана жазгы кыркылкан жүн болгон. Мына ушул негизге эки-үч түскө боёлгон жүндөн оймо түшүрүлөт, ары-бери тепкиленгенден кийин оймолор бир аз жайылып күңүрт болуп түшөт. Оймолор геометриялык сызыктар, тармал, толкун сыяктуу ар түрдүү вариантта жайгаштырылган.

Жука, саймалуу кийиз – *шырдак*, өлчөмү боюнча 1,5x2 метрден – 2x4 метрге чейин жеткен. «Курак», мозаика, шыруу түстүү шоона менен аппликация техникалар ыкмасы менен жасалат. Анда күн мурун бычак же кайчы менен кесилген, карама-каршы түскө боёлгон эки бөлөк кийиз оймонун четтерин бириктирип тигүү мозаика техникасы колдонулат. Тигиштерди билгизбей үстүнөн мала кызыл, сары кызыл, кызыл жана ак түстөгү жүндү карама-каршы жакка эшип жасалган эки түрдүү түстөгү шоона – ала жээк менен бастырышат. Оймосу жана карама-каршы түсү боюнча бирдей эки бөлүктөн турган буюм, фондун жана оймолордун аянтынын дал келүүсү, сүрөттөрүнүн контрунун так даана тыкандыгы менен мүнөздөлөт. Негизги оймо «*кочкор мүйүз*». Ал тик бурчтук, үч бурчтук, ромб баары бириктирилген ар кандай вариантта көрсөтүлөт. Шырдыктын жээгиндеги оймолонгон кыйуусу «*кыял*», «*карга тырмак*», «*куш канат*»,

«*кочкор мүйүз*» оймо-чиймелердин тегиз бирдей формада кайталанышы менен жасалат [7: 27].

Азыркы мезгилге чейин Кыргызстандын бүт аймагында кийизден жасалган *шырдак*, *ала кийиз* өзгөчө айыл жергесинде, кеңири колдонулуп келинет. Өзгөчө үй жасалгалоодо сүйрү ала кийиз, энсиз узун шырдактар пайдаланыла баштады.

Ысык-Көл жана Нарын облустарында жүргүзүлгөн талаа изилдөөлөрү учурунда кол өнөрчүлүк тармагында жаңы багыттар пайда болгондугу аныкталды [4: 9]. Мисалы, көп убакытты талап кылган бай саймалуу туш-кийиздин ордуна клейлүү жана жылтырак кытай материалдарынан даярдалган туш-кийиздер көп таркады. Ошондой эле, «курак» техникасында шырдактар да кездешет. Кытай менен чектеш Нарын облусунда, кытай стилдүү оймолор шырдакка капталган. Алардын үлгүсүн кытай табактарынан, килемдерден алышканын билдик. Мындай абал ууз-чебер энелердин көздөрү өтүп, өздөрүнүн баа жеткис өнөрлөрүн жаштарга бералбай калгандыгы менен түшүндүрүлөт. Андан сырткары, салттуу оймо искусствосу боюнча эч кандай окуу же усулдук китептердин жоктугу да элдик кол өнөрчүлүктүн бул багытынын өнүкпөй калышын шарттаган.

Дагы бир терс жагдай, азыркы учурдагы чыгармачыл топтордун (бирикмелер, бейөкмөт уюмдар ж.б.) иш аракеттери кийиз буюмдарды гана жасоо (кийиздерди, шырдактарды, сувенирлерди ж.б.) жана аларды сатыкка чыгаруу менен гана чектелишүүдө. Бирок, мындай өндүрүштүк-чыгармачыл топтордун жасаган буюмдары өлчөмү жагынан аз жана жасалгалары бири-бирине окшош келет. Анткени бул буюмдар аз убакытта даярдалып, бат сатылууга мерчемделген.

Жалпысынан алганда, кыргыздардын азыркы мезгилдеги көркөм кол өнөрчүлүгү өлкөдөгү социалдык-экономикалык каатчылыктан улам сатыкка гана багыт алып, өзүнүн алгачкы салттуу этникалык өзгөчөлүктөрүн жогото баштады.

2012 ж. Кыргыздардын *ала кийиз* жана *шырдак* жасооөнөрү ЮНЕСКОнун материалдык эмес маданий мурастарынын *тизмесине* киргизилиши бул багытта тузулгөн жагдайды ондоого мүмкүндүк берет.

Элдик көркөм өнөрчүлүктү сактап калуу жана өнүктүрүү максатында мамлекеттик деңгээлде: «Кийиз дүйнө», «Оймо» эл аралык фестивалдары (Бишкек ш., Кызыл-Туу айылы (Сокулук району), Ысык-Көл облусунун Тон району, Нарын облусунун Ат-Башы айылы ж.б.) өткөрүлгөн. Майрамдык программалардын алкагында ыр-бий конкурстары (сынактар), улуттук тамактар, кийиз буюмдары боюнча көргөзмөлөр, мастер-класстар уюштурулган.

Азыркы учурда күндөлүк турмушта (үй тиричилигинде) элдик көркөм өнөрчүлүккө болгон талап жоюлуп бара жатканына карабай ууз жана усталар өз өнөрлөрүн өркүндөтүп, салттуу түрдүү буюмдарды жасоону улантып келишүүдө. Өз кезегинде заманбап турмуш элдик стилди жаңыча нукта өнүктүрүүгө шарт түзүүдө. Кыз берүү, конуш күтүү жана башка үй-бүлөлүк той-мааракелерде колдо жасалган шырдак, ала кийиз, килем, курак төшөк ж.б. үй буюмдарын тартуулоо каада-салты азыр да өз таасирин сактап калууда.

Колдонулган адабияттардын тизмеси:

1. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. 323 с.
2. *Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. – Фрунзе, 1962. 288 с.
3. *Антипина К.И.* Безворсовое узорное ткачество // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (далее: Труды КАЭЭ). Москва, 1968. Т.5. 157 с.
4. *Бексултанова Ч.* Талаа дептери: Этнографиялык экспедиция. (Ысык-Көл, Нарын областары. 2010–2015). 58 с.
5. *Бурковский А.Ф.* Из истории техники металлического производства у киргизов. Фрунзе, 1960. 48 с.
6. *Иванов С.В., Махова Е.И.* Декоративно-прикладное искусство киргизского народа. //Материалы XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 1960. 168 с.
7. *Мальчик А.Ю.* История кыргызского народного прикладного искусства: эволюция кыргызского орнамента с древнейших времен до XX века. Бишкек, 2005. 205 с.
8. *Махова Е.И., Черкасова Н.В.* Орнаментированные изделия из войлока. В кн. Труды института этнографии. Т. 37. М., 1958. 235 с.

Мужчина и женщина в традиционных играх кочевников (в исследованиях С.М. Абрамсона)

Аннотация. В статье рассматриваются развлечения, бытовавшие в повседневной жизни, большинство из которых устраивалось в свободное от работы или других занятий время. Важное внимание уделяется бытовым развлечениям, поводом и временем для устройства которых служили разнообразные народные праздники и торжества, исторически связанные с религиозной и социальной обрядностью.

Ключевые слова: массовые развлечения, традиционные игры, мужчина и женщина, спортивные состязания, история Мулан, скачки-соревнования, кыргызы.

Салттуу көчмөндөр оюндарында эркек менен аял (С.М. Абрамсондун изилдөөлөрүндө)

Аннотация. Макалада кыргыздардын көчмөн жашоосундагы оюндар, аларга аял менен эркектин катышуусу жөнүндө иликтенет. Кыргыздарда көңүл ачуучу оюндар, көбүнчө жумуштан же башка иштерден бош убакта уюштурган. Элдик оюндар өз кезегинде диний жана коомдук ырым-жырымдар, ар кандай элдик майрамдар менен байланышкан. Элдик майрамдарда оюн-зооктор, түрдүү мелдештер уюштурулуп турган.

Негизги сөздөр: Массалык оюн-зооктор, салттуу оюндар, аял-эркек, спорттук мелдештер, Мулан тарыхы, жарыш-таймаштар, кыргыздар.

Man and woman in traditional nomad games (in the studies of S.M. Abramson)

Annotation. The article deals with entertainment that existed in everyday life, which most of them arranged in their free time from work or other activities. Important attention is paid to everyday entertainment, the occasion and time for which were various folk holidays and celebrations, historically associated with religious and social rituals.

Key words: Mass entertainments, traditional games, man and woman, sports competitions, history of Mulan, race-competitions, Kyrgyz people.

Известно, что с древнейших времен Центральная Азия была связующим звеном между Востоком и Западом. Великий шёлковый путь оказывал существенное влияние на развитие торговли и связывал множество государств и народов, благоприятствовал развитию в них различных ремёсел и торговли, искусства и народных игр.

Кыргызский народ за свою более чем двухтысячелетнюю историю, в течение которой он не раз терял и восстанавливал свою свободу и независимость, сумел донести до наших дней драгоценные самоцветы непревзойденного творчества целых поколений. В этом творчестве в многогранной и яркой форме отображены своеобразные исторические судьбы народа, его самобытная культура, поэтическое восприятие природы, неодолимое свободолюбие, храбрость и мужество в борьбе с

многочисленными врагами. Много препятствий стояло на пути развития народного творчества. Социальный и национальный гнет, влияние мусульманского духовенства, нищета и вымирание – все это задерживало естественный рост народных талантов, которых в киргизском народе было немало, и народ бережно хранит свои исторические пути.

Массовые развлечения и зрелища в жизни киргизского народа играют до сих пор весьма значительную социально-культурную роль. Самый характер этих развлечений связан с историческими условиями военной, походной жизни, требовавшей постоянной готовности к защите и нападению и, следовательно, способствовавшей развитию храбрости, силы и ловкости. Победы в военных столкновениях выливались в народные торжества.

С другой стороны, эта область народного быта была использована в целях укрепления личного авторитета и получения доходов с населения сложившейся позднее феодальной верхушкой, устраивавшей пышные празднества по различным поводам семейной и общественной жизни. Некоторые из развлечений носили пережиточный характер, сопровождая в прошлом различные обряды или являясь их составными элементами.

Игры во все времена имели огромное общественное значение. Они возникли в далекой древности и в своем развитии прошли ряд последовательно сменявшихся форм, соответствовавших общественным отношениям и хозяйственной деятельности народа. Игры и развлечения выполняли всегда общественные функции: воспитательные, военно-спортивные, ритуальные, зрелищно-эстетические, коммуникативные и др.

Воспитательная функция является одной из самых важных общественных функций, которую выполняют развлечения у разных народов мира. Игры в жмурки мы также относим к категории развлечений, воспитывавших интеллектуальные качества: способность ориентироваться в необычной обстановке, догадливость и своеобразную наблюдательность.

Игра *ак чөлмөк* (*ак* – белый, *чөлмөк* – это бег туда-сюда, от этого слова происходит слово *челнок*) пользовалась исключительной популярностью у

детей всей Киргизии. Темпераментная и подвижная, она требует от играющих выносливости, смелости, наблюдательности и физической силы. В игре очень важны коллективные, слаженные действия, наличие чувства локтя и большая воля к победе. У детей в этой игре участвовали только мальчики, но часто играли юноши и девушки, а также взрослые мужчины и женщины. Также в ней иногда принимали участие и люди преклонного возраста обоих полов. Чаще всего игра устраивалась в лунную ночь.

Скорее всего, эти игры возникли на производственной основе и отражают один из характернейших эпизодов повседневного скотоводческого быта, хотя не исключено, что в своем развитии названные развлечения прошли и религиозную стадию, когда они были не чем иным, как обрядом, имевшим целью магическим путем оберечь скот от нападения хищников. Присутствуют в этих развлечениях в пережиточном виде и такие моменты, которые могут быть, на наш взгляд, отнесены к древним инициациям: эти игры и штрафы к ним требуют не только силы, выносливости, подвижности, быстроты реакции и сообразительности, но и выносливости к болевым ощущениям, что так ценилось у испытуемых в древности.

Вновь обращает на себя внимание и то, что большинство из описанных развлечений устраивается в ночное время и, помимо детей, в них принимают участие взрослые мужчины и женщины и даже представители старшего поколения.

Нами были рассмотрены развлечения, бытовавшие в повседневной жизни. Большинство из них устраивалось в свободное от работы или других занятий время.

В рассматриваемое время они трансформировались в народные праздники, имевшие преимущественно светский характер. Тем не менее, в своей структуре, атрибутах и частично в своем содержании они продолжали сохранять следы близости с социальными, религиозными и военными институтами древности. Помимо развлекательных игр исследователи и

наблюдатели уделяли внимание вопросу народных увлечений кыргызов военными и спортивными играми [4: 46].

Военное прошлое кыргызского народа представляет большой интерес и для истории, и для этнографии. Оно заслуживает особого рассмотрения. С.М.Абрамзон писал: «Многовековая история кыргызского народа заполнена событиями, в той или иной мере связанными с военными действиями, с неослабевавшей борьбой против иноземных завоевателей, посягавших на кыргызские земли, на независимость и свободное существование кыргызских племен. Можно считать, что вплоть до самого включения Кыргызстана в состав России, основным фоном, на котором разворачивались важнейшие события политической и общественной жизни кыргызов, были войны, набеги и столкновения.

Весь строй кыргызской народной жизни был пронизан суровой героикой военных походов и состоянием боевой тревоги. Этот суровый военный быт не мог не наложить своего отпечатка на многие стороны материальной культуры, хозяйственный уклад, общественные отношения и народное сознание кыргызов» [2: 174].

Но и после присоединения к России состояние боевой тревоги и военной готовности не сразу покинули кыргызские аилы. К открытым и массовым столкновениям на смену пришли мелкие стычки и набеги барымта, с целью мести за кражу скота, которые носили разбойничий характер. Тем не менее, угон скота, его охрана требовали таких качеств, как ловкость, смелость, находчивость, физическая сила, выносливость, умение владеть конем, а иногда и боевым оружием: т.е., всех тех качеств, которые воспитывались и поддерживались в народе и посредством традиционных видов спорта. Народные виды спорта и в конце XIX – начале XX вв. продолжали сохранять непосредственную связь с военной традицией. Но наиболее военизированный характер носило единоборство всадников на пиках *сайыш*, или *эр сайыш* (букв. «бой богатырей на пиках»).

Разнообразные игры и развлечения, бытовавшие в повседневной жизни кыргызов, можно подразделить на игры молодежи, мужские и детские. В период свадебных торжеств по вечерам или в лунные ночи устраивались игры молодежи обоего пола – *кыз ойун*, *жоолук таштамай*, *жашынбак*, качели *селькинчек* из веревок, *ак чөөлмөк*, *аркан тартыш*. Но особенной популярностью среди этих игр пользовалась азартная игра – *ордо* [1: 62–63].

Помимо бытовых развлечений, у кыргызов в конце XIX – начале XX вв. существовали развлечения, поводом и временем для устройства которых служили разнообразные народные праздники и торжества, исторически связанные с религиозной и социальной обрядностью.

Особенно популярны и широко распространены были разнообразные виды конного спорта, состязаний и игр. Развитие развлечений с конем обусловлено его исключительным значением в хозяйственной и военной жизни народа. К концу XIX в. бытовало более десяти различных конных развлечений. Без конных состязаний не обходилось ни одно более или менее крупное торжество – скачки были венцом любого большого праздника. К конным состязаниям относились такие любимые в народе виды развлечений, как *оодарыш (эңиш)* – борьба двух всадников, цель которых – стащить соперника с седла, *тыйын эңмей* – джигитовка, во время которой на полном скаку всадник должен был поднять монету с земли, *кыз куумай* – состязание между юношей и девушкой в умении ездить верхом, *жорго салыш* – скачки на иноходцах, *көк бөрү (улак тартыш)* – козлодрание и др.

В более раннее время (конец XIX – начало XX вв.) наиболее популярными видами развлечений были военизированные игры *жамбы атыш* – стрельба по мишени, каждый мечтал, если не попасть в число призеров, то, хотя бы принять участие в них, и *эр сайыш* – единоборство двух мужчин-всадников. Однако на игру *эр сайыш* царская администрация к началу XX в. официально наложила запрет.

В сугубо мужских видах состязаний вплоть до конца XIX – начала XX вв. принимали участие и женщины, например, в таких как *оодарыш*, *балбан*

күрөш, эр сайыш, жамбы атыш, а также в особых скачках – *кыз жарыш, келин жарыш* (скачки девушек и женщин). Свидетельства тому, что среди кыргызов-воинов встречались женщины-богатырши, имеются, в частности, в эпосах «Манас», «Жаныл Мырза», а также в произведениях народного поэтического творчества и других народов.

Так, в китайской историографии имеется поэма из древней коллекции китайских песен и баллад под названием Юэ-Фу. В конце династии Мин, писатель Сюэ Вэй в своей книге рассказал историю Мулан. Сюжетная линия Мулан – о преданной дочери, которая переделалась в мужчину, чтобы воевать вместо своего состарившегося отца за свою страну. Эта популярная легенда вдохновила многих людей на творчество. Были написаны книги и сценарии к художественным и документальным фильмам, поставлены спектакли. Среди них следующие: фильм 1939 г. «Мулан идет в армию» и музыкальный фильм Shaw Brothers 1964 г. под названием «Леди-генерал Хуа Мулан» [3].

Наиболее развернутая картина конских скачек-соревнований представлена в эпосе «Манас», в эпизоде «Поминки по Көкөтөю». Причем описание скачек представлено на фоне философских и мировоззренческих взглядов кыргызов, параллели находим в произведениях Вергилия и Гомера.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что у кыргызов традиционные народные подвижные игры и состязания получили большое развитие. Они нашли яркое отражение во многих письменных исторических памятниках. Со временем разрабатывались и устанавливались основные правила традиционных игр и состязаний народов региона.

В настоящее время Всемирные игры кочевников, проводящиеся в Кыргызстане, подтверждают непреходящую ценность традиционных игр и соревнований, как компонент кочевой народной культуры кыргызов.

Литература:

1. *Абрамзон С.М.* Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946.
2. *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи / Авт. вступ. ст. С.Т. Табышалиева. Фрунзе: Кыргызстан, 1990.
3. Баллада о Мулан (на китайском яз.): <http://polusharie.com/index.php&topic=7181.0>.
4. *Симаков Г.Н.* Общественные функции киргизских народных развлечений в конце XIX – начале XX вв. М., 1984.

ТАРЫХНААМЕ ИСТОРИОГРАФИЯ

Мусаев О. М.

Кокон хандыгындагы ичкилик кыргыздарынын ээлеген орду илимий изилдөөлөрдүн объектиси катары

Негизги сөздөр: Кокон хандыгы, ичкилик кыргыздары, этностор, маданият, колониалдык бийлик, салыктар, эл аралык мамилелер, Фергана, ислам.

Аннотация. Макалада Кокон хандыгындагы кыргыздардын, айрыкча ичкилик урууларынын ролуна байланышкан проблеманын тарыхнаамеси каралат. Ушул өңүттө автор борбордук азиялык, советтик жана россиялык окумуштуулардын хандыктын тарыхына байланышкан изилдөөлөрүн анализге алган. Көптөгөн эмгектердин жетишкен жактары жана мүчүлүштүктөрү көргөзүлүп, бир катар жыйынтыктар чыгарылган.

Историография проблемы роли ичкиликских кыргызов в Кокандском ханстве

Ключевые слова: Кокандское ханство, ичкиликские кыргызы, этносы, культура, регион, колониальная власть, налоги, международные отношения, Фергана, ислам.

Аннотация. В статье рассматривается историография проблемы роли кыргызов в Кокандском ханстве в целом, и ичкиликских кыргызов, в частности. В данном контексте автор анализирует ряд монографий ученых центральноазиатских государств, советских и российских исследователей, касающихся истории ханства. Освещены как сильные, так и слабые стороны этих исследований, и сделаны соответствующие выводы.

Historiography of the problem of the role of the Ichkilik Kyrgyz in the Kokand Khanate

Key words: Kokand Khanate, Ichkilik Kyrgyz, ethnic groups, culture, region, colonial power, taxes, international relations, Fergana, Islam.

Annotation. The article examines the historiography of the problem of the role of the Kyrgyz in the Kokand Khanate in general, and the Ichkilik Kyrgyz in particular. In this context, the author analyzes a number of monographs by scientists from Central Asian states, Soviet and Russian researchers concerning the history of the khanate. The strengths and weaknesses of these studies are highlighted and conclusions are drawn.

Көз карандысыздык жылдарында Борбордук Азия республикалар бири-бири менен тыгыз мамилелерди жүргүзө баштады. Мында өз ара мамилелердин бүт багыттары өнүгүүгө ээ болду. Жаңы тузулгон кырдаалда аймактагы бүт элдердин тагдырына тиешелүү өткөн окуяларды, айрыкча Кокон хандыгынын тарыхын изилдөө маанилүү орунда турат. Анткени аймактын азыркы көптөгөн өлкөлөрүнүн аймагын камтыган бул мамлекеттик түзүлүшүнө бир нече элдер тартылган.

Азыркы шартта Фергана өрөөнүндөгү элдерди өзүнө камтыган Кокон хандыгын изилдөө өтө актуалдуу. Анткени постсоветтик мезгилде пайда болгон жаңы республикалардын өз ара мамилелеринде, улуттар аралык

байланыштарды жөнгө салууда өткөн бирдиктүү тарых чоң мааниге ээ. Ошол мезгилде алар бирдиктүү этномаданий жана экономикалык мейкиндикте жашашкан жана аларды бирдиктүү тарыхый байланыштар бириктирип турат.

XVIII к. – XIX к. баш ченинде азыркы Кыргызстандын түштүк аймагы толугу менен Кокон хандыгынын курамында болгон. Бул мезгилде башка кыргыз уруулары сыяктуу эле ичкиликтер да хандыктын коомдук-саясий жашоосунда маанилүү орунду ээлешкен. Өз кезегинде ичкилик кыргыздарынын белгилүү саясий ишмерлери хандыкта маанилүү кызматтарды ээлеп, мамлекеттин өнүгүүсүнө зор салым кошушкан.

Кокон хандыгы жөнүндө эң баалуу материалдар 1863–1888-жж. жазылган Мухаммед Салих Ташкендинин «Тарихи жадидаи Тошканд» («Ташкенттин жаңы тарыхы») аттуу нарративдик эмгегинде камтылган. Бул китеп азыркы күндө кол жазма түрүндө гана сакталып, бир да башка тилдерге которулбагандыгын менен айырмаланат.

Кудояр хандын буюртмасы менен фарси тилинде Нияз Мухаммад Хуканди тарабынан 1871–1872-жж. жазылган «Тарихи Шахрухий» аттуу эмгек хандыктын тарыхын чагылдырган эң ири фундаменталдуу изилдөө болуп саналат. Эмгекте XVIII к. – XIX к. 70-жж. чейинки Кокон хандарынын аскердик операциялары, коңшу мамлекеттер: Бухара, Чыгыш Түркстан ж.б. менен болгон тышкы саясий, экономикалык жана маданий байланыштары боюнча баалуу маалыматтар камтылган. Китептин автору 1803-ж. Кокондо аскер кызматчысынын үй-бүлөсүндө туулуп, медреседе таалим-тарбия алган. Кудаярхандын өкмөтүндө аскер катчысы катары эмгектенген. Аталган китеп 1885-ж. Н.Н. Пантусов тарабынан Казанда басылып чыккан. Анын кээ бир бөлүмдөрү В.В. Бартольд, И.Г. Маллицкий жана В.А. Ромодин тарабынан орус тилине которулган.

Исхакхан Жунайдулла уулу Ибрат тарабынан 1916-ж. жазылган «Фергана хандары» аттуу эмгекте Кокон хандыгы түзүлгөн убакыттан баштап жоюлганга чейинки мезгилдеги аскердик саясаты, саясий, социалдык-экономикалык абалы жөнүндө кенен материалдар камтылган [19].

Каралып жаткан проблема боюнча Молдо Алим Махдум Хожонун эмгеги [22] маанилүү орунда турат. Анда бир катар уламыштар, хандыктын башкаруучуларынын генеалогиясы, Бухара эмиратынын тарыхы чагылдырылган.

Кокон хандыгы мезгилинде жашаган белгилүү кыргыз тарыхчысы Зиябиддин Максымдын [14] XIX к. экинчи жарымында жазылган эмгегинде Кудаяр хандын башкаруу учурундагы саясий процесстер чагылдырылган. Анда Шералы хандын башкаруусу, Кудаяр хандын мезгилиндеги хандыктаы абал, Исхак (Полот) хандын тактыны ээлегени, Кудаяр хандын 1875-жылдан кийинки тагдыры ж.б. окуялар кеңири чагылдырылган.

Кокон хандыгын изилдөөдө ошол мезгилде жазылган расмий документтер, саякатчылардын жана аскер башчыларынын эскерүүлөрү чоң мааниге ээ. Алардын катарында орус саякатчысы Филипп Назаровдун эмгеги чоң кызыгууну туудурат [24].

И. Потанин, А. Максимов, В.В. Вельяминов-Зернов, И.Д. Горчаков, А.Г. Серебрянников, В. Наливкин [7, 11, 20, 25, 28, 29] ж.б. изилдөөлөрүндө Кокон хандыгынын тарыхы ар тараптуу иликтөөгө алынган. Алардын баалуулугу ошол мезгилдеги документалдык материалдардын колдонулушунда турат. Бир эле мезгилде жогоруда аталган авторлор өз мамлекетинин кызыкчылыктары үчүн кызмат кылуу максатында же Борбордук Азия жөнүндө зарыл материалдарды издөө үчүн бул аймакта болушуп, өз көздөрү менен көргөн окуяларды кагаз бетине түшүрүшкөн. Алар хандыктын социалдык-экономикалык абалы, аскердик дарамети, тышкы байланыштары тууралуу кенен маалыматка ээ болушкан жана орусиянын келечектеги баскынчылык саясатын улантууга илимий жактан тыянактарда беришкен. Ошондуктан Падышачылык Россия алгач аталган аймакты ар тараптуу изилдөөгө аракеттенген. Алардын элчилеринин жана саякатчыларынын маалыматтары өз кезегинде «Вестник русского общества», «Военный сборник», «Туркестанские ведомости» ж.б. бир катар журналдарда байма-бай жарыяланып турган.

Р. Набиев өз эмгегинде Кокон хандыгынын тарыхын документалдык материалдардын негизинде ачып берүүгө аракеттенген [23].

Кокон хандыгынын тарыхын Х. Бабабеков терең изилдөөгө аракеттенген [2]. Анын эмгектеринде Кокон хандыгынын келип чыгышы, анын этимологиясы, миң династиясы, хандыктын борборунун саясий-социалдык, маданий турмушу, мамлекеттеги саясий-экономикалык туруксуздуктан улам ишке ашкан элдик козголоңдор тууралуу кенен иликтөөлөр жүргүзүлгөн. Й. Косимовдун эмгегинде [17] хандыктын жалпы абалы, саясий түзүлүшү, социалдык-экономикалык өнүгүүсү, тышкы саясаты ж.б. проблемалар каралган. Автор бир эле мезгилде өлкөдөгү козголоңдор, Россиянын экспансиялык саясаты, Кокон хандыгынын саясий аренадан кетүүсү жана жана аймакта орус падышачылыгынын администрациясынын калыптануусуна байланышкан маселелерди талдоого алган..... чкилик кыргыздарынын Кокон хандыгындагы ордуна тиешелүү маселелер В. Наливкин, А.И. Макшеев, М. Венюков, Н.И. Гродеков [8, 12, 21, 25,] ж.б. эмгектеринде кеңири чагылдырылган. В.В. Наливкин өз изилдөөсүндө хандыктын социалдык-экономикалык жана саясий абалын, андан сырткары анын басып алуучулук саясатына көңүл бурган.

Кокон хандыгындагы элдердин өз ара байланыштары, дипломатиялык мамилелери, социалдык-экономикалык абалы П.Г. Галузо, Н.А. Халфин, В.М. Плоских, Х.Г. Гуломов, Х.Х. Бабабеков, Р.Н. Набиев, А.А. Урунбаев [3, 4, 10, 13, 23, 27, 31, 32] ж.б. эмгектеринде чагылдырылган.

Жогоруда айтылган адабияттарда ичкилик кыргыздарынын каралып жаткан мезгилдеги Кокон хандыгынын турмушундагы орду боюнча маселелер үстүрттөн каралган. Ал эми проблеманын кээ бир багыттары акыркы учурда бир катар окумуштуулардын изилдөөлөрүндө чагылдырылган, бирок ал боюнча комплекстүү изилдөөлөр жүргүзүлгөн эмес.

Жергиликтүү жана чет элдик изилдөөчүлөрдүн эмгектеринде Кокон хандыгынын, анын ичинде ичкилик кыргыздардын хандыктын коомдук-

саясий турмушуна катышуу, алардын коңшу элдер менен байланыштары ж.б. проблемалар боюнча бир топ фактылык материал топтолгон.

Азыркы учурда Кокон хандыгынын тырыхы ата мекендик тарыхнаамеде 3 мезгилге бөлүнүп каралууда:

- 1709–1800-жж. – мамлекеттүүлүктүн калыптануусу. Бул мезгилде Кокон хандыгы эл аралык байланыштар системасында өз алдынча мамлекет катары таанылып, саясий, экономикалык жана социалдык жактан өнүгүүгө ээ болгон. Каралып жаткан мезгилде бүтүндөй Фергана чөлкөмүндө жашаган бардык элдер, анын ичинде ичкилик кыргыз уруулары хандыкка баш ийдирилип, алар байырлаган жерлер бирдиктүү мамлекеттин ажырагыс бөлүгүнө айланган. Аймакта жашаган кыргыздар жаңы түзүлгөн мамлекеттин аскердик бөлүгүнүн өзөгүн түзгөн;
- окумуштуулар 1800–1840-жылдарды Кокон хандыгынын өнүккөн мезгили катары карашат. Бул учурда аталган мамлекет Бухара, Хива хандыктары менен бирдей деңгээлге жетип, коңшу жана алыскы өлкөлөр менен тышкы саясий байланыштарды түзүп, өнүктүрүү мүмкүнчүлүгүнө ээ болгон. Хандыктын аскердик-саясий жактан күч алуусунун жемиши катары азыркы Түндүк Кыргызстан, Ташкент, Түштүк Казакстандын аймактарын өзүнө каратылышын атоого болот. Бул мезгилде Кокон хандыгы территориалдык жактан кеңейип, алгач эркин, өз алдынча бытыранды болуп жашаган элдерди, алардын аймактарын бирдиктүү аймактык биримдикке кошуу процесси күч алган;
- 1840–1876-жж. Кокон хандыгында ички жана тышкы факторлордон улам саясий, экономикалык жана социалдык кризистер күч алып, акыр аягы мамлекет өз жашоосун токтоткон. Аймактагы ички туруксуздук, Россиянын экспансиялык саясатынын күч алышынын натыйжасында хандык расмий түрдө жоюлган.

Белгилүү болгондой Кокон хандыгынын саясий турмушунда кыргыздар, анын ичинде ичкилик кыргыздары чоң роль ойношкон. Шахрух бийдин чоң уулу Абд-ар-Рахим бийликте турган мезгилден тартып хандык

менен ичкилик кыргыздарынын өз ара саясий карым-катнаштары бекемделет. XVIII к. 20-жж. Хоженттин башкаруучусу (келип чыгышы боюнча кыргыз) Акбото бийдин кыргыздардан түзүлгөн аскердик тобу болгон. Тарыхый маалыматтар тастыктап тургандай Акбото бий өзүнүн күйөө баласы Рахим бий менен бийлик талашуу үчүн күрөштө курман болот. Белгилүү бир убакыттан соң Рахим бий дүйнө салгандан кийин, иниси Абд-аль-Карим бий эл башкарып калат. Анын учурунда аймакта жашаган кыргыздар жана өзбектер Жунгар агрессиясына каршы бирдиктүү союз түзүшкөн. 1751-жылы Абд-аль-Карим бий дүйнөдөн кайткандан кийин, анын ордуна келген Эрдана бий Коконду башкарып калган. Бул учурда Кокон Борбордук Азиядагы Хива, Бухара хандыктары сыяктуу кубаттуу мамлекетке айланып, саясий-экономикалык жактан күчтөнө баштаган.

Кокон өкүмдары Эрдана бий кыргыздардын кушчу уруусунун башчысы Кубат бийдин кошууну менен биргеликте Оро-Төбөгө кол салган. Бирок бир катар объективдүү себептерден жана саясий амалдардан улам аталган союз бузулат. Өз мезгилинде Кубат бий Фергана жана Теңир-Тоо кыргыздарынын арасында көрүнүктүү роль ойногон инсан болгон. Анын Кокон хандыгы менен мамилесинин начарлашы эркин жашаган кыргыз урууларынын саясий биримдигине ачык коркунуч жараткан. Кокон аскердик күчтөрү эми өздөрүнүн баштапкы тарапташтары болгон кыргыздардын жерлерин басып алып, бирдиктүү административдик биримдикке кошууга аракеттенишкен. Кокон хандыгынын тарыхын баяндаган «Тарих-и Рахим хан» аттуу эмгекте Кубат бий «кыргыздардын жетекчиси» болгондугу жөнүндө маалымат берилет. Тарыхый булактар көргөзүп тургандай Кубат бий өз мезгилинде Кытай императоруна саясий мотивде кат жолдогон. Ошол мезгилдеги Россиялык изилдөөчүлөрдүн эмгектеринде кыргыздардын саясий ишмерлеринин катарында Кубат бий да эскерилет. Эрданадан кийин келген Нарбото бий Кокон мамлекетин XVIII к. акырына чейин башкарып турган. Бул мезгилинде хандыктын аймагы Борбордук Фергана менен гана

чектелген. Ал эми өрөөндүн түндүк-чыгышынан Алайга чейин жана Кашкар аймагында кыргыздардын таасири күчтүү болгон.

Нарбото бийдин уулу Алимбек хандыкты башкарып турган мезгилде титулдук система өзгөрүп, өкүмдарлар эми бий эмес, хан, Кокон ээлиги хандык деп атала баштаган. Мындай көрүнүш хандыктын локалдуу мүнөздөгү мамлекеттик түзүлүштөн бир топ күчтүү, баскынчылык саясатты колдогон түзүмгө айлангандыгынан кабар берет. Кокон хандыгынын көп убакыттан бери Оро-Төбөнү басып алуу планы 1806-ж. Алим хандын мезгилинде ишке ашкан. Ага жооп иретинде аймактагы кыргыздар козголоңго чыгышат, натыйжада түзүлгөн татаал кырдаалдан пайдаланып Бухара эмири Хайдар Оро-Төбөнү толугу менен аннексиялап алган. Оро-Төбө экспедициясынын натыйжасыз болушунан улам Алим хан өз күчтөрүн Ташкентке багыттайт жана 1809-жылы шаарды басып алат. Кокондун курамында калган Ташкент эми хандыктын Талас менен Жети-Суу кыргыздары менен казактарына карата баскынчылык согушунда ыңгайлуу плацдарм катары колдонулган. Бирок иш жүзүндө аскердик жортуулдар дайыма эле ийгиликтүү аяктаган эмес. Алим хан мындай абалдын түзүлүшүнө аскер башчылары күнөөлүү экенин айтып, аларды катуу жазалаган. Анын жогорку даражадагы кызматкерлерге болгон терс мамилеси иш жүзүндө өзүнө каршы бурулуп, хандыкта саясий төңкөрүш уюштурулат жана Алим хан өлтүрүлөт, натыйжада бийликке иниси Омор хан келет. Бул мезгилде Кетмен-Төбө, Памир, Каратегин кыргыздары хандыкка каратылып, Дарбаз жана Куляб жерлери басып алынат жана Бухара эмирлигине каршы бир катар жүрүштөр уюштурулуп, хандыктын аймагы бир топ кеңейет. XVIII к. аягынан тартып азыркы түштүк Кыргызстандын аймагы өзбек, кыргыз, тажик ж.б. элдердин саясий биримдиги болуп эсептелген Кокон хандыгынын курамына кирген. Аймактагы башка элдер сыяктуу эле кыргыздар да мамлекеттин коомдук-саясий, экономикалык жана социалдык турмушунда маанилүү орунду ээлешкен. Түштүк кыргыз уруулары өздөрүнүн чарба жүргүзүү системасына ылайык Фергана өрөөнүн тоо этектерин байырлап

турушкан. Алар аймактагы отурукташкан шаар-кыштактарды байырлаган сарт, тажик, өзбек, кыпчак жана жана көчмөн, жарым көчмөн турмушту башынан кечиришкен бир катар түркий уруулары менен жанаша жашашкан. Окумуштуулардын пикиринде, Фергана аймагындагы элдер өтө тыгыз жайгашып, бири-бири менен жуурулушуп жашашкандыктан, алардын жашоосун, экономикалык, саясий өнүгүүсүн жана идеологиясын өз алдынча бөлүп кароо дээрлик мүмкүн эмес.

Тарыхый даректерге назар сала турган болсок Фергана өрөөнүндө орто кылымдардан тартып эле түрк, кыргыз, тажик, сарт ж.б. элдер жашап келишкен. Тоолуу аймактарда көчүп-конуп жашаган элдерди «илатийалар», ал эми өзөн бойлоп, тегиздикте отурукташкан элдерди «сартийа» деп аталып келген. Султан Бабурдун «Бабур нааме» аттуу тарыхый эмгегинде (XV к.) Фергана өрөөнү жөнүндө баяндалат. Эмгекте Маргалан, Исфара, Кожент шаарларында – сарттар, ал эми Ош, Анжиян, Касан, Ахсикентти – түрктөр жашай тургандыгы айтылат. Тарыхый маалыматтар тастыктап тургандай Фергана аймагында Чынгыз хандын басып алууларына чейин эле кыргыз уруулары, анын ичинде ичкилик кыргыздары кыпчактар, жарым көчмөн түрктөр, каракалпактар, карамуруттар менен жанаша жашап келишкен. XVI к. баштап чөлкөмгө көчмөн өзбектердин көчүп келүүсүнүн натыйжасында «илатийа» деп аталган күчтүү этно-саясий биримдик пайда болгон. XV–XVI кк. жашаган жергиликтүү элдер алгач фарси тилинде сүлөшкөн, кийинчерээк түрктөшүп кетишкен, отурукташкан, шаар-кыштак калкын «сарттар» деп аташкан. XVIII к. Кокон хандыгы мезгилинде аймакка самкандыктар, кашкарлар, кухистанилер ж.б. элдер көчүп келип, отурукташып калышкан. Жалпы Түркстанда, анын ичинде Фергана аймагында көптөгөн элдер жанаша жашап, бири-бири менен тыгыз мамиледе болушкандыктан аларды жалпы жонунан маргаландык, оштук, кокондук, кашкарлык, турфандык ж.б. деп аташкан. Мындай тенденция азыркы Россиянын курамында калып калган түрк тилдүү элдерде да: башкыр, татар ж.б. кездешкен. Мисалы, аларды уфалыктар, казандыктар ж.б. деп аташкан. Ал мезгилдерде элдерди улуттарга

бөлүү, бири-биринен ажыратууга, бири-бирине каршы коюуу саясаты дээрлик болгон эмес жана алар баары мусулман уммасы болуп гана аталышкан.

Кокон хандыгы мезгилинде мамлекеттин аймагында жашашкан отурукташкан жана көчмөн калктар бири-бири менен тыгыз чарбалык жана маданий байланышта болушуп, өздөрүнүн күнүмдүк турмуштагы керектөөлөрүн: мал чарба, дан азыктарын, кол өнөрчүлүк буюмдарын бири-бири менен болгон тыгыз соода-сатык мамилелери аркылуу канааттандырып турушкан. XVIII к. акыры – XIX к. баш ченинде хандыкта жылкыга, айрыкча койго болгон талап өскөн, ошондуктан бул мезгилде кыргыздардын чарбачылыгында кой асыроо негизги орунга чыккан. Аймакта жашаган кыргыздар өздөрүнүн чарба жүргүзүү формасына ылайык отурукташкан калктын малдарын атайын макулдашуунун негизинде жайлоолордо багып берип турушкан. Коңшу элдердин таасири астында. Фергана өрөөнүндөгү кыргыздар отурукташкан өзбек, тажик элдери менен тыгыз байланышта болушкан. Аймактагы ичкилик кыргыздарында түндүк кыргыздарга салыштырмалуу уруулук мамилелерге караганда коңшулук, аймактык байланыштар күчтүү өнүккөндүгүн академик А. Миденддорф өз эмгегинде баса белгилеп кеткен.

Белгилүү болгондой Кокон хандыгынын коомдук-саясий жана социалдык-экономикалык жашоосунда кыргыздар маанилүү орунда ээлешкен. Орус изилдөөчүсү Н. Северцовдун баамында түштүк кыргыздар кыпчактар жана тоолуу тажиктер менен катар эле мамлекеттин аскердик күчтөрүнүн негизин түзүшкөн. Фергана өрөөнүндөгү көчмөн кыргыздар Андижан, Ош, Наманган шаардык бийликтерге салык төлөшүп, ошол вилайеттердеги аскердик күчтөрдүн курамында катталышкан.

Фергана өрөөнүн Кашгар менен байланыштырып турган Талдык, Шарт, Терек-Даван ж.б. бир катар стратегиялык жолдорду кыргыздар көзөмөлдөп тургандыктан, иш жүзүндө алар бирдиктүү мамлекеттин курамына киргендигине карабай, Кокон хандары алар менен эсептешкен.

Аймакта жашаган кыргыздардын жер иштетип, кол өнөрчүлүк ж.б. түрдүү кесип менен алектенишкен, отурукташуу маданиятына ээ элдер менен жанаша жашоосу акырындык менен алардын жашоо мүнөзүнүн трансформацияланышына өбөлгө түзгөн. Өрөөндөгү мал чарбачылыгы менен алектенген кыргыздар өздөрүнүн күнүмдүк жашоого болгон талаптарын толук канааттандырууга жөндөмсүз болушкан. Анткени түндүк аймакка окшоп бул жерде толук кандуу мал чарбасын жүргүзүү үчүн жер, жайлоолор жетишсиз болгон. Алар акырындык менен отурукташып жашаган, шаар, кыштак калкынын таасири менен жер иштетүүнү, кол өнөрчүлүк, соода-сатык мамилелерин да өздөштүрө баштаган. Мындай процесс өз кезегинде кыргыздардын салттык чарба жүргүзүү формасына сокку уруп, аларды жаңы шартка, талапка ылайык жашоо мүнөзүн башынан кечирүүгө мажбурлаган. Мындай көрүнүш, албетте, алардын келечегине позитивдүү таасир берген. Анткени чарба жүргүзүүнүн түрдүү формаларын колдонуу бир топ эффективдүү болгон жана табияттан толук түрдө көз каранды болуудан оолактандырган. Дыйканчылык менен кесиптенген аймактын калкы жарым көчмөн кыргыз, каракалпак, кыпчак ж.б. элдердин жашоо мүнөзүнүн өзгөрүшүнө чоң таасир тийгизген. Белгилүү болгондой аймакта жашаган жарым көчмөн элдердин кыштоолору өзбек жана тажик кыштактарына жакын жайгашкан. Натыйжада алардын таасиринен улам кыргыздар да дыйканчылыкты өздөштүрүшүп, жашоо формасын өзгөртө баштаган.

Изилдөөчүлөрдүн пикиринде XVIII к. орто ченинде адигине уруусунун бир бөлүгү Маргалан жана Ош шаарларынын айланасында эгин эгип, дыйканчылык менен алектенишкен. Ал мезгилде деле жергиликтүү отурукташкан элдер жашоого эң зарыл болгон эгиндерди эгишип, жашылча-жемиштерди өстүрүшкөн (жүгөрү, арпа, буудай, шалы, пахта, күнжүт, зыгыр, сабиз ж.б.). Кыргыздар да айыл-чарба эгиндерин эгишип, чарба жүргүзүүнүн жаңы формасын өздөштүрө башташкан. Фергана өрөөнүнүн сууга мол жерлеринде жашаган кыргыздар таруу, буудай, жүгөрү жана тамеки эгишкен. Ал эми XVIII к. 60-жж. баштап түштүк кыргыздар шалы өстүрө башташкан.

Кыргыздардын дыйканчылык шаймандары коңшу элдерден айырмаланган эмес. Отурукташуу процесси элдин турмуш шартын гана өзгөртпөстөн, алардын менталитетине да чоң таасир тийгизди. Эгерде алгач сугат жерлерге кыргыздар анча деле көңүл бурбай келишсе, эми ал жашоо талаптарын канааттандыруучу объектке айланган. В.П. Наливкин кыргыздар үчүн алгач жер анчалык деле зор мааниге ээ эмес экендигин төмөнкү мисал аркылуу берүүгө аракеттенген. «XIX к. 60-жж. Наманган уездинин Нанай кыштагындагы бир кыргыз өзүнүн жеринин 1/4 бөлүгүн бир кесе бозого башка бирөөгө берип жибергендиги» [25] тууралуу жазат. Кыргыздардын айылдары отурукташкан элдерден бак-дарактардын жоктугу менен айырмаланган. Кыргыздардын жерди иштетүү маданиятын өздөштүргөндүгүнө көп болгондугуна карабай багбанчылык иштерин али билишпейт эле. Бирок мамлекеттик иштерде эмгектенген кыргыздар өз айылдарына Кокондо өстүрүлгөн мөмө-жемиш дарактарын алып барып эктирген фактылар көп кездешкен.

Белгилүү болгондой кыргыздардын ичкилик уруулары Кокон хандыгында басымдуулук кылышкан. Ичкилик түшүнүгү өз кезегинде аймактык жана уруулар аралык же Фергана өрөөнүндө жашаган кыргыздардын жана аларга кошулган майда элдердин биримдиги болуп саналган. Алар Бухара менен Кокон хандыктарын ажыратып турган аймактарды мекендеп турушкан. Андан сырткары ичкиликтер Алай, Памир тоолорунда да жашашып, чарба жүргүзүү формасында дыйканчылык менен малчылыкты бирдей алып барышкан ири топ экендиги белгилүү [1: 170].

Ичкиликтер башка кыргыз уруулары сыяктуу эле келип чыгуусу жагынан байыркы гунн, орто кылымдагы түрк мамлекети менен тыгыз байланышта болгон. Аталган уруулук бирикме жөнүндө «Мажму-ат-Таварих», Үсөн Ажынын «Кыргыз санжырасы» ж.б. көлөмдүү эмгектерде эскерилет. Ал эми академик В.В. Бартольддун өз изилдөөлөрүндө ичкилик кыргыздары орто кылымда эле белгилүү болгондугу жөнүндө айтылат.

Борбордук Азияны Россия басып алгандан кийинки окумуштуулардын (А.Ф. Голубев, Н.Ф. Ситняковский, А.А. Кушневич, В.П. Наливкин, И. Минаев) изилдөөлөрүндө ичкилик кыргыздары жөнүндө кенен материалдарды табууга болот. Маселен, И. Минаевдин эмгегинде ичкилик кыргыздары 20 бөлүктөн тургандыгы, ал эми Н.Ф. Ситняковскийде алар эки топко: оң жана солго бөлүнөөрү айтылган [30: 92–110]. 1953–1954-жж. Фрунзе шаарында өткөрүлгөн илимий конференцияда ал пикир чындыкка жакын экендиги аныкталган. Ошентип окумуштуулар түрдүү маалыматтардын жана пикирлердин негизинде ичкиликтердин оң канатына: Тейит, Кесек, Жоо кесек, Оргу, Төөлөс; сол канатына: Бостон, Каңды, Нойгут, Ават, Кыпчак жана Найман урууларын киргизишкен. XIX к. баш ченинде ичкилик уруулары азыркы мезгилде жашап турган аймактарды байырлап турушкан. Ичкилик кыргыздары башка урууларга салыштырмалуу отурукташып жашашкан жана дыйканчылык менен алектенишкен. Бул, албетте, коңшу элдердин таасиринен улам ишке ашкан.

Колдонулган адабияттардын тизмеси:

1. *Аттокуров С.* Кыргыз санжырасы. Бишкек, 1995. 179 с.
2. *Бабабеков Х.Х.* Историческая литература о Кокандском ханстве (Русская литература 60–70-х гг.): Автореф. дис. канд. ист. наук. Ташкент, 1977. 20 с.
3. *Бабабеков Х.Х.* История Коканда. Ташкент: Фан, 2011. 244 с.
4. *Бабабеков Х.Х.* Народные движения в Кокандском ханстве и их социально-экономические и политические предпосылки (XVIII–XIX вв.). Ташкент: Фан, 1990. 118 с.
5. *Бабабеков Х.Х.* Пулатхон кузголови. Тошкент: Фан, 1996.
6. *Валиханов Ч.Ч.* Записки о киргизах. Соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 422.
7. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исторические известия о Кокондском ханстве от Мухаммед-Али до Кудаяр хана. Сведение о Кокандском ханстве. М., 1856.
8. *Венюков М.* Путешествие по окраинам русской Азии и записки о них. СПб., 1868; Р. Из истории Кокандского ханства. Ташкент: Фан, 1973.
9. Взаимосвязи киргизского народа с народами России, Средней Азии и Казахстана (конец XVIII–XIX вв.). Фрунзе, 1973. С. 41.
10. *Галузо П.Г.* Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. Алма-Ата, 1965.
11. *Горчаков И.Д.* Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии. М., 1846.
12. *Гродеков Н.И.* Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области (Юридический быт). Т. 1. Ташкент, 1889.
13. *Гуломов Х.Г.* Средняя Азия и Россия: история формирования межгосударственных отношений (начало XVIII века). Ташкент, 2005. 118 с.
14. *Зиябиддин Максым.* Фергана хандарынын тарыхы. Бишкек, 2007.
15. *Исхакхан Жунайдулла уулу Ибрат.* Фаргона хонлари. Ташкент: Мерос, 1991.
16. *Кененсариев Т.* Кыргызстандын Орусияга каратылышы. Бишкек, 1995. 151 с.
17. *Косимов Й.* Кукон тарихи очерклари. Наманган, 1994.

18. Куропаткин А.Н. Кашгария. Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879. С. 222.
19. Кыргыз ССР тарыхы. Фрунзе, 1973. 267 с.
20. Максимов А. Показание Сибирского казака Максимова о Кокандском владении. М., 1860.
21. Макшеев А.И. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896.
22. Молдо Алим Махдум Хожо. Тарихи Туркистон. Ташкент: Карши, 1992.
23. Набиев Р.Н. Из истории Кокандского ханства (Феодальное хозяйство Худоярхана). Ташкент: Фан, 1973. 388 с.
24. Назаров Ф. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова. 1821.
25. Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. М., 1886.
26. Осмонов О. Кыргызстан тарыхы. Бишкек, 2000. 53 с.
27. Плоских В.М. Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе: Илим, 1977. 368 с.
28. Потанин И. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина. СПб., 1830.
29. Серебрянников А.Г. К истории Кокандского ханства. М., 1876.
30. Ситняковский Н.Ф. Перечисление некоторых родов кыргызов. ИТО. РГО. Т. 2. Вып. 1. М., 1900. С. 92–110.
31. Урунбаев А.А. Неизвестная рукопись по истории Кокандского ханства // Известия АН УзССР, 1957. № 3. С. 33–38.
32. Халфин Н.А. Политика России в Средней Азии (1857–1868). М., 1960. Т. 1. 510 с.
33. Халфин Н.А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974.
34. Юдин М.Г. Взятие Ак-Мечети в 1853 году как начало завоевания Кокандского ханства. М., 1912.

Тагаев Б.

Т. Кулатовдун өмүрү жана саясий ишмердүүлүгү тарыхый изилдөөлөрдө

Негизги сөздөр: партия, совет бийлиги, индустриализация, Жогорку Совет, президиум, саясат, эвакуация, фронт, эл чарбасы, билим берүү.

Аннотация. Макалада Т.Кулатовдун мамлекеттик жана коомдук-саясий ишмердүүлүгүн изилдеген эмгектер анализденет. Автор тарыхый, көркөм материалдарга таянып совет мезгилиндеги кыргыз элинин белгилүү саясий ишмеринин өмүр жлун ачып берүүгө аракет жасаган. Макалада Т.Кулатовго тиешелүү советтик жана постсоветтик мезгилдеги изилдөөлөр салыштырылып, терең иликтенип, анын ролу боюнча объективдүү баа берилип, жыйынтыктар чыгарылган.

Жизнь и деятельность Т. Кулатова в исторических исследованиях

Ключевые слова: партия, советская власть, индустриализация, Верховный Совет, президиум, политика, эвакуация, фронт, народное хозяйство, образование.

Аннотация. В статье исследуются труды, посвященные жизни и общественно-политической деятельности Т.Кулатова. Автор подробно рассматривает исторические, художественные работы и, опираясь на них, освещает жизнедеятельность видного политического деятеля кыргызского народа советского периода. В статье сопоставлены и проанализированы советские и постсоветские исследования, касающиеся Т.Кулатова, дана объективная оценка его деятельности и сделаны соответствующие выводы.

The life and work of T. Kulatov in historical research

Key words: party, Soviet power, industrialization, Supreme Soviet, presidium, politics, evacuation, front, national economy, education.

Annotation. The article examines the works devoted to the life and social and political activities of T. Kulatov. The author examines in detail the historical, artistic works and, based on them, covers the life of a prominent political figure of the Kyrgyz people of the Soviet period. The article compares and analyzes the Soviet and post-Soviet studies concerning T. Kulatov, gives an objective assessment of his activities and makes the appropriate conclusions.

Акыркы учурда тарых илиминде инсан таануу маселесине, анын ичинде совет мезгилиндеги көрүнүктүү саясатчылардын ишмерлердүүлүктөрүнө болгон илимий кызыгуу күч алууда. Т. Кулатовдун Кыргызстандын совет мезгилиндеги тарыхынын эң оор мезгилинде маанилүү мамлекеттик кызматтарды аркалап, ири тажрыйбага ээ болгондугуна карабай, анын ишмердүүлүгү ушул күнгө чейин комплекстүү түрдө жана атайын илимий изилдөөлөргө алына элек.

Совет мезгилинде идеологиялык басымдын күчтүү болгондугуна байланыштуу мамлекеттик кызматкерлердин ишмердүүлүктөрүн объективдүү баалоого, алардын чыныгы саясий бейнесин ачып берүүгө мүмкүн болгон эмес. Өткөндү ачык, эркин изилдөө процесси көз карандысыздык жылдары гана башталды. Бул мезгилде изилдөөчүлөр алгач уруксат берилбеген бир катар архивдик маалыматтардан пайдаланууга мүмкүнчүлүк алышты. Архивдик саясий документтердин негизинде совет мезгилиндеги мамлекеттик кызматкерлердин ишмердүүлүктөрүн изилдөөгө шарт түзүлдү.

Совет мезгилинде тарыхтагы инсандардын ролу маселесине анча деле көңүл бурулган эмес. Мында жалпы эл массасынын ролу жогору бааланып, ал эми жеке инсандардын ролу чектелип келинген. Бул учурдагы изилдөөлөр концептуалдык жана идеологиялык негизде алып караганда бир жактуу мүнөздө болуп, Т.Кулатовдун партиялык-мамлекеттик ишмердүүлүгү жалпы саясий изилдөөлөрдүн контекстинде гана каралган. Мында негизги басым анын республиканын чарбалык иштерине катышуусуна жасалган.

Жалпысынан алып караганда советтик тарыхнаамеде Т. Кулатовдун ишмердүүлүгү үстүрттөн каралып, изилдөөчүлөр анын ээлеген кызматын көргөзүү менен гана чектелишкен.

Кыргызстандын көз карандысыздык мезгилиндеги тарыхнааме өзгөчө орунда турат. Бул учурда жаңы фактылык материалдар колдонулуп жана жаңы концептуалдык багыттар изделе баштаган. Ж.Жунушалиев, З.Курманов, В. Плоских, Т. Чоротегин ж.б. эмгектеринде совет мезгилинин алгачкы этабындагы саясий ишмерлер жөнүндө бир катар изилдөөлөр жүргүзүлгөн.

1990-жылдардын баш ченинде ата мекендик тарыхтын совет мезгилиндеги процесстери, айрыкча, көрүнүктүү мамлекеттик ишмерлер жөнүндө эмгектер пайда болгон. Алар түрдүү публикациялар, илимий изилдөөлөр түрүндө белгилүү. Бир эле мезгилде мындай изилдөөлөрдө ири субъективдүүлүк үстөмдүк кылат, көптөгөн авторлор тигил же бул инсандардын ролун ашыра балоого аракет жасашкан.

И зилденип жаткан мезгилде Россиялык тарыхчылар советтик мамлекеттик ишмерлер жөнүндө бир катар эмгектерди жазышкан. Алардын ичинен Д.А. Волкогоновдун [8] эмгектерин өзгөчө белгилеп кетүүгө болот. Бул мезгилдеги изилдөөлөрдө советтик бийликти уюштуруу проблемасы, анын иштөө механизмдери кенен иликтенген. СССРдин экономикалык саясаты, жумушчу, дыйкандардын абалын В.П. Попов, О.В. Хлевнюк, Е.А. Осокина, Н.А. Ивницкий ж.б. эмгектеринде изилденген. КПнын XX съезди, Н.С.Хрущевдун десталиндик саясаты, анын жумуштан алынышы Ю.В. Аксютин, Н.А. Барсуков, В.П. Наумов, А.А. Данилов, А.В. Пыжиков, В.А. Шестаков ж.б. изилдөөлөрүндө чагылдырылган [10; 17; 18; 24].

Т. Абдыкадыровдун эмгегинде Т. Кулатовдун бийлик системасына тартылуусу, жасаган иштери конкреттүү фактылык материалдарды, бир катар документтерди анализдөөнүн негизинде жазылган.

Т. Кулатов боюнча изилдөөлөрдү жүргүзүүдө сөзсүз түрдө анын саясий ишмер болуп калыптанган мезгили, ошол учурдагы башка инсандар жөнүндө иликтенген эмгектерге анализ жасоо зарыл. Мында эң негизгиси тарыхтагы инсан таануу маселеси чоң роль ойнойт. Андан сырткары 1930–1980-жж. республикадагы коомдук-саясий жана экономикалык кырдаалга да баа берген

изилдөөлөргө да токтолуу керек. Анткени Т.Кулатовдун ишмердүүлүгү түздөн-түз республиканын өнүгүүсү менен байланыштуу. Демек, проблеманын тарыхнаамеси биринчиден инсан таануу маселесин, экинчиден республиканын өнүгүүсү боюнча жазылган эмгектерден, үчүнчүдөн, конкреттүү изилденип жаткан маселе боюнча эмгектерге анализ жасоодон турат. Т. Кулатовдун тарыхый ишмердүүлүгүн ачып берүүдө сөзсүз түрдө ошол учурдагы саясий конъюнктурага баа берүү зарыл. 1930-жж. аяк чени, Улуу Ата Мекендик согуш жылдарындагы республиканын өнүгүүсү, согуш учурундагы эвакуацияланган элдерди, өнөр-жай объектилерин Кыргызстанга жайгаштыруу иштери, тылдагы күжүрмөн аракеттерди ишке ашырууда Т. Кулатов эбегесиз чоң роль ойногон. Белгилүү болгондой Т. Кулатовдун саясий карьерасы 1930-жж., тагыраак айтканда совет мамлекетиндеги эң оор репрессия жылдарына туура келген. Бул мезгилде СССРдин алкагында саясий куугунтуктоо иштери массалык мүнөздө ишке ашып жаткан эле.

Т. Кулатовдун ишмердүүлүгүн үч этапка бөлүп кароого болот: 1) 1930-ж. аягы – 1940-жж. аягы, 2) 1950-жж баш чени 1960-жж. баш чени, 3) 1960-жж. аягы – 1970-жж. аяк чени. Ал эми бул проблема боюнча изилденген эмгектерди советтик жана постсоветтик мезгилдеги деп эки топко бөлүп кароо максатка ылайыктуу.

1960–1980-жж. Кыргызстандын социалдык-экономикалык жактан өнүгүүсүн А. Идинов, С.А. Аттокуров, А. Тилекеев, Ө.Т. Төлөгөнов, А.А. Асанканов, Ч.Ш. Жакыпова, А.А. Арзыматова, Ж. Самиева ж.б. өз эмгектеринде кеңири чагылдырышкан. С.А. Аттокуров Кыргызстандын социалдык-экономикалык өнүгүүсүн, айрыкча өнөр жайынын абалына кеңири токтолгон [4]. А.А. Асанканов [5] өз эмгегинде 1960–1980-жж. республиканын айыл-кыштактарынын социалдык-маданий турмушу кенен изилденген. А.А. Арзыматованын [6], Ж. Самиеванын [21] эмгектеринде республиканын эл чарбасынын өнүгүүсү иликтөөгө алынган. Жогоруда аталган эмгектерде республиканын айыл чарбасы, социалдык-экономикалык абалына жана саясий кырдаалга баа берилген.

Совет мезгилинде кыргыз мамлекеттүүлүгүнүн калыптануусунда көрүнүктүү ролду ойношкон инсандар көз жаздымда, илимий изилдөөлөрдүн сыртында калып келгендиги маалым. Бирок, эгемендүүлүк шартында идеологиянын жана коомдук-саясий өзгөрүүлөрдүн натыйжасында элибиздин өткөн тарыхы объективдүү изилдене баштаган. XX к. 20–30-жж. кыргыз элинин көрүнүктүү саясий ишмерлери боюнча К. Үсөнбаев, С. Аттокуров, Э. Маанаев, Т. Кененсариев, Т. Чороев, К. Молдокасымов, Б. Абытов, А. Бедельбаев, Д. Сапаралиев, О. Каратаев, А. Койчиев ж.б. окумуштуулардын көптөгөн эмгектери жарык көргөн. Ал эми Ж. Жунушалиев, С. Аттокуров, Ж. Малабаевдин эмгектеринде көрүнүктүү кыргыз саясий ишмерлери жөнүндөгү маселелер көтүлгөн, айрыкча 1920–1930-жж. совет мамлекетинин республикадагы түптөлүү мезгилиндеги көрүнүктүү ишмерлер, репрессияга кабылган инсандар жөнүндө бир катар изилдөөлөр жүргүзүлгөн. Кыргызстандын тарыхы боюнча окуу куралы катары жазылган төмөнкү авторлордун: А. Асанканов, О. Осмонов, В. Плоских, В. Мокрынин, Ж. Бактыгулов, Ж. Момбекова, Ү. Чотонов, Т. Чоротегин, Т. Өмүрбеков, А. Акунов ж.б. эмгектеринде белгилүү инсандар жөнүндө да бир топ иликтөөлөр жүргүзүлгөн [7, 14, 19, 25].

«У истоков кыргызской национальной государственности» аттуу монографияда авторлор жамааты кыргыз совет мамлекеттүүлүгүн түптөгөн инсандарды (А. Сыдыков, И. Айдарбеков, А. Орозбеков, Ж. Абрахманов, Б. Исакеев, М. Аммосов, Т. Кулатов, И. Раззаков) терең иликтөөгө алышкан. Эмгекте жогоруда аталган саясий ишмерлердин кыргыз совет республикасын түзүүдөгү ролуна, өз элин бактылуу турмушка жеткирүү үчүн жасаган күжүрмөн эмгектерине жана алардын инсандык сыпаттарына баа берилген.

1920–1930-жж. кыргыз мамлекеттик көрүнүктүү ишмерлери жөнүндө алгачкы изилдөөлөр 1991-ж. жарык көргөн [1].

Кыргыз совет мамлекеттүүлүгүн түптөөгө зор салым кошкон А. Сыдыковдун ишмердүүлүгү көп убакытка чейин унутта калып келген. Сталиндик мезгилде анын ишмердүүлүгү буржуазиялык жана улутчул

катары баалыанып, расмий тарыхый-партиялык илим аны «эл душманы» катары көрсөткөн. Эгемендүүлүк мезгилинде гана бул инсанга карата тарыхый адилеттүүлүктү калыбына келтирүү боюнча алгачкы кадамдар жасалган. Бул учурда анын өмүрүн жана ишмердүүлүгүн чагылдырган бир нече эмгектер жарыкка чыккан. Алардын ичинен З.К. Курмановдун изилдөөсүн өзгөчө белгилөөгө болот. Анда А. Сыдыковдун саясий ишмердүүлүгү, улуттук теңчилик идеясын ишке ашыруудагы ролу, совет мамлекетин куруудагы күрөшү чагылдырылган. Автор бир катар тарыхый булактардын негизинде А. Сыдыковдун 1922-жылы Тоолуу Кыргыз автономиялуу областын түзүүгө болгон аракетин жогору баалап, аны «кыргыз мамлекетинин негиздөөчүсү» катары эсептөөгө болот деген корутунду пикирге келет.

2002-ж. З. Курманов менен Э. Сыдыков А. Сыдыковдун ишмердүүлүгү жөнүндө биргелешкен эмгегин жарыялашкан [20].

Б. Исаакев да советтик Кыргызстандын өнүгүшүнө чоң салым кошкон инсандардын катарына кирет. 1930-жж. ал болуштук аткаруу комитетинин жана элдик соттун катчысы, партиянын обкомунун экинчи катчысы, Кыргыз ССРинин Эл Комиссарлар Советинин (Совнарком) төрагалыгы кызматтарын аткарып, өзүн чечкиндүү, күжүрмөн ишмер катары көрсөтө алган. Андан сырткары ал өнөр жайды өнүктүрүү маселелерин чечүүдө, жер-суу реформасын ишке ашырууда көп иштерди жасаган. Б.Исаакев сталиндик репрессиянын курмандыктарынын бири болуп калган. Анын көп кырдуу ишмердүүлүгү Т. Абдыкадыров жана С. Жуманалиевдин эмгегинде кеңири чагылдырылган [3].

XX к. 20–30-жж. партиялык жана мамлекеттик көрүнүктүү ишмер Т. Айтматов жөнүндө жазылган китепте архивдик материалдар, документтер, эскерүүлөр, докладдар, андан сырткары саясий ишмердин өмүрү жана ишмердүүлүгүндөгү маанилүү даталар берилген.

С. Табышалиев жана А. Табышалиевдин эмгегинде Кыргызстандын көрүнүктүү мамлекеттик ишмери И. Раззаковдун ишмердүүлүгү алгачкы

ирет объективдүү түрдө, кенен иликтөөгө алынган [22]. 1996-ж. И. Разаков жөнүндө эскерүүлөр, ал эми 2000-ж. документалдык материалдар жыйнагы жарык көргөн. Жамааттык авторлордун бир катар мемуардык мүнөздөгү булактарынын негизинде жазылган бул эмгектерде И. Разаковдун саясий ишмердүүлүгү кенен иликтенет. Аталган эмгектерде 1940–1960-жж. көрүнүктүү саясий ишмерлердин чыныгы бейнеси ачып берилген жана архивдик, эпистолярдык жаңы маалыматтарды жана документтерди пайдалануу аркылуу Кыргызстандагы социалдык-саясий жана экономикалык өнүгүү процесстерине реалдуу баа берилген.

Т. Кулатов Кыргызстандын соңку жаңы тарыхындагы көрүнүктүү мамлекеттик ишмер катары белгилүү. Анын өмүр жолу жана ишмердүүлүгү, талыкпаган эмгеги менен элдик идеялар үчүн күрөшүүсү Мекенге кызмат кылуунун өзгөчө бир үлгүсүнө айланган. Азыркы өткөөл коомдун руханий жактан деградацияга учурап жаткан мезгилинде бул көрүнүктүү инсандын өмүрүн жана ишмердүүлүгүн изилдөө эң маанилүү маселелерден болуп саналат. Бул проблема Ата Мекен тарыхнаамесинде илимий жактан дээрлик изилдөөгө алынган эмес.

Т. Кулатовдун ишмердүүлүгүн ачып берүүдө бир катар адабий чыгармаларга да токтолуу зарыл. Анткени аларда оозеки мүнөздөгү материалдардын негизинде алгач белгисиз болгон жагдайлар ачып берилген. Э. Эрматовдун «Легендага айланган инсан» аттуу маек-эссе китебинде Т. Кулатовдун өмүрү жана ишмердүүлүгүнүн көптөгөн багыттары замандаштарынын эскерүүлөрүнүн негизинде баяндалат. Мында автор Т. Кулатовдун жердештери, замандаштары, кесиптештери, тууган-уруктарынан алынган маектердин негизинде алгач белгисиз болгон бир катар жаңы маалыматтарды көркөм стиль аркылуу окурмандага жеткирүүгө аракеттенген [27]. Бул эмгектин баалуулугу Т. Кулатовдун кыргыз тилинде жарыяланган эмгектери (1938–1974-жж. аралыгында), анын өмүрүнүн урунттуу учурлары, саясий ишмердүүлүгү жөнүндө бир топ ири маалыматтарды камтыгандыгында турат.

Б. Тагаев өзүнүн «Акылман жетекчи Төрөбай Кулатов» аттуу китебинде замандаштарынын, мамлекеттик кызматкерлерден алынган маектердин негизинде тарыхый чындыкты калыбына келтирүүгө аракет жасаган. Анда Күлүйпа Кондучалова, Апсамат Масалиев, Узак Кулатов, Салима Ташбекова ж.б. менен болгон маектер илимий жактан бир катар кызыгууларды жаратат. Анткени алар өздөрү Т. Кулатов менен бирге бир катар саясий иш чараларга катышкан, ошондуктан андагы материалдар изилденип жаткан проблеманы объективдүү чагылдырууда зор мааниге ээ.

1998-ж. Т. Кулатовдун 90 жылдыгына арналган китепчеде архивдик документтердин негизинде саясий ишмердин өмүр баяны, мамлекеттик кызматтарды ээлеп турган учурдагы негизги иш аракеттери баяндалат [2].

Акыркы учурда Т. Кулатовдун өмүрү, ишмердүүлүгү боюнча чакан макалалар мезгилдүү басма сөз беттеринде жарыялана баштаган.

Аталган илимий изилдөө XX к. 30–70-жж. Кыргызстандын социалдык-экономикалык, саясий жана маданий өнүгүшү, кыргыз совет мамлекеттүүлүгүнүн калыптанышы ж.б. процесстерди өз ичине камтыган. Анткени Т. Кулатов саясий ишмер катары так ушул мезгилде калыптанган эле. Ошол учурдагы саясий абалдын өнүгүүсүнө анализ бербей туруп, аталган инсандын ишмердүүлүгүн иликтөө дээрлик мүмкүн эмес.

Изилдөөдө тарыхтагы инсандандын ролуна тиешелүү болгон проблемаларды изилдеген окумуштуулардын эмгектери пайдаланылды [11, 13, 16, 23, 26].

Кыргызстандын тарыхнаамесинде инсантаануу проблемасы псотсоветтик мезгилде кеңири өнүгүүгө ээ болду. Анткени буга чейин инсандардын тарыхтагы ролуна совет мезгилинде көп көңүл бурулбай келинген.

Ж. Бактыгулов, Ж. Малабаев, Т. Абдрахманов, С. Аттокуров, З. Эралиев ж.б. эмгектеринде республиканын айыл чарба, өнөр жайы, курулуш системасы, маданий ж.б. багыттагы өнүгүүсү иликтенген.

Ж. Бактыгулов Кыргызстандын социалдык-экономикалык жана маданий өнүгүүсүнүн кээ бир маселелери боюнча, андан сырткары саясий өнүгүүсү жөнүндө кеңири иликтөөлөрдү жүргүзгөн.

Жогоруда айтылгандардан улам төмөнкүдөй жыйынтык чыгарууга болот, көз карандысыздык мезгилинде бир катар изилдөөчүлөрдүн ири аракеттеринен улам Т. Кулатовдун мамлекеттик жогорку кызматтарды ээлеп турган учурдагы ишмердүүлүгүнүн негизги багыттары аныкталган. Бирок анын мамлекеттик ишмердүүлүгү объективдүүлүк, тарыхыйлуулук принциптеринин негизинде толук, ара тараптуу жана системалык түрдө иликтөөгө алына элек.

Колдонулган адабияттардын тизмеси:

1. *Абдрахманов Ю.* 1916. Дневник. Письма к Сталину. Бишкек, 1991.
2. *Абдыкадыров Т.* Төрөбай Кулатов. Бишкек, 1998.
3. *Абдыкадыров Т., Жуманалиев С.* Китептин аталышы. Бишкек, 2002.
4. *Аттокуров С.* Из истории промышленности Киргизии. Фрунзе: Мектеп, 1971.
5. *Асанканов А.А.* Социально-культурное развитие современного киргизского сельского населения. Фрунзе, 1984.
6. *Арзыматова А.А.* Развитие промышленности Киргизии в 70-е годы. Фрунзе, 1990.
7. *Бактыгулов Ж., Момбекова Ж.* Кыргызстан тарыхы. Бишкек, 2001.
8. *Волгогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989.
9. *Зевелев А.И.* Из истории утверждения единовластия Сталина. М., 1989.
10. *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика сов. власти в деревне 1928–1933 гг. М., 2000.
11. *Крутова О.Н.* Человек и история. М., 1982.
12. *Курманов З.* Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. Бишкек: Илим, 1997.
13. *Малышев И.В.* Роль личности и народных масс в истории. М., 2009. 289 с.
14. *Осмонов О.* Кыргызстан тарыхы. Бишкек. 2014.
15. *Опенкин Л.А.* Оттепель. Как это было. М., 1991.
16. *Плеханов Г.В.* К вопросу о роли личности в истории // История России. 2009. № 12. С. 25–36.
17. *Попов В.П.* Экономическая политика Сов. государства. 1946–1953. М.-Тамбов, 2000.
18. *Попов В.П.* Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3.
19. *Плоских В., Мокрынин В.* История Кыргызстана. Бишкек, 1992.
20. *Садыков Э.* Абдыкерим Сыдыков: Личность и история. Бишкек, 2000.
21. *Самиева Дж.* Руководство Компартии Киргизии развитием промышленности в десятой пятилетке. Фрунзе, 1988.
22. *Табышалиев С., Табышалиева А.* Исхак Раззаков: штрихи к портрету. Бишкек: Кыргызстан, 1995.
23. *Федосеев П.Н.* Роль народных масс и личности в истории. М., 2007. 275 с.
24. *Хлевнюк О.В.* Советская экономическая политика на рубеже 1940–1950-х годов и «Дело Госплана» // Отечественная история. 2001. № 3.
25. *Чотонов У., Чоротегин Т., Омурбеков Т., Акунов А.* Кыргызстан тарыхы. Бишкек, 1996.
26. *Шалеева В.М.* Личность и ее роль в обществе // Государство и право. 2001. № 4. С. 10–16.
27. *Эрматов Э.* Легендага айланган инсан. Бишкек, 2008.

ДУНГАН ЖАНА КЫТАЙ ТААНУУ МАСЕЛЕЛЕРИ ВОПРОСЫ ДУНГАНОВЕДЕНИЯ И КИТАИСТИКИ

Имазов М.Х.

Теория и норма в лингвистике (на примере дунганского и китайского языков)

Ключевые слова: теория, норма, звук, фонема, слог, морфема, слово, словосочетание, предложение.

Аннотация. Статья посвящена соотношению теории и норм в лингвистике на примере дунганского и китайского языков. Просматривается также процесс перехода речевых явлений в языковые. Взаимодействие теории и нормы на разных языковых уровнях – это закономерность развития любого литературного языка. И поскольку язык постоянно развивается, то теория, следуя за его изменениями, пытается создать нечто постоянное, т.е. норму, которая облегчила бы написание и понимание, а также обеспечила бы единообразие чтения и произношения любого текста.

Лингвистиканын теориясы жана нормасы (дунган жана кытай тилдеринин мисалында)

Негизги сөздөр: теория, норма, тыбыш, фонема, муун, морфема, сөз, сөз айкашы, сүйлөм.

Аннотация. Макала дунган жана кытай тилдериндеги лингвистика илиминин теориясы менен нормасынын **катышы** жөнүндөгү маселеге арналат. Ошондой эле сүйлөөнүн тилдик кубулушка өтүү процесси каралат. Тилдин ар түрдүү деңгээлиндеги теория менен норманын өз ара катышы – бул ар бир адабий тилдин өнүгүү мыйзам ченемдүүлүгү болуп саналат. Тил дайыма өнүгүп тургандыгына байланыштуу, теория дагы тилдин өзгөрүшүн ээрчүү менен кандайдыр бир туруктуулуктун пайда болушун, тактап айтканда, туура жазуу менен түшүнүүнү жеңилдеткен бир норманы, ошону менен бирге ар кандай тексттин айтылышы менен окулушунда бир түрдүүлүктү камсыз кылаачкы.

Theory and norm in linguistics (on the example of Dungan and Chinese languages)

Keywords: theory, norm, sound, phoneme, syllable, morpheme, word, phrase, sentence.

Abstract. The article is devoted to the correlation of theory and norms in linguistics on the example of Dungan and Chinese languages. The process of transition of speech phenomena into language phenomena is also viewed. The interaction of theory and norms at different language levels is a pattern of development of any literary language. And as the language is constantly evolving, the theory, following its changes, tries to create something permanent, that is, a rule that would facilitate the writing and understanding, as well as ensure uniformity of reading and pronunciation of any text.

Литературный дунганский язык начал постепенно складываться с момента создания письменности для дунган, т.е. с начала 30-х годов XX века. В 1928 г. студенты, обучавшиеся в г. Ташкенте – Ясыр Шиваза, Юсуп Яшансин и др., основываясь на арабской графике, создали свою национальную письменность, которая по ряду объективных причин не была принята. Тогда эти же авторы к 1932 г. представили на рассмотрение

общественности алфавит на основе латинской графики и даже составили таблицу сочетаемости букв, а точнее звуков. Чуть позже их поддержал А. Драгунов, который в начале 30-х годов XX века преподавал родной язык дунганской молодёжи, обучавшейся в г. Ленинграде в Институте народов Севера. Эта письменность просуществовала недолго. В 1939 г. народы СССР стали переходить на письменность, основанную на русской графике. Дунгане тоже перешли на эту письменность, но гораздо позже, в 1954 г. [Имазов М.Х., 1975]. С этого времени сложилась норма письма, которой должны придерживаться все пишущие по-дунгански.

Процесс создания письменности и образования литературного языка – явление весьма длительное. И происходил он не без споров и дискуссий. Так, например, при создании дунганского письма на основе кириллицы, когда речь зашла о том, нужна ли специальная буква для передачи мягкого звука /щ/, одни считали, что нужна, другие – нет. Противники создания специальной буквы для этого звука полагали, что мягкость его следует передавать так же, как мягкость других согласных, т.е. последующими гласными буквами: е, ё, и, у, ю, я. Те, кто настаивал на создании специальной буквы для этого мягкого согласного, считали, что он существенно отличается от других мягких согласных. Сторонники второй точки зрения, видимо, желали унифицировать правило обозначения мягких согласных. Автор данной статьи, исследуя дискуссии по этому вопросу, поддерживает первую точку зрения, поскольку она ближе к истине. Мягкий согласный /щ/ существенно отличается от других мягких согласных еще и длительностью. Хотя сторонники этой точки зрения не аргументировали как-то свою позицию, но чувствовали, вероятно, интуитивно свою правоту и настояли на своём. С тех пор употребление буквы /щ/, а не /ш/ перед всеми упомянутыми гласными стало нормой, вопреки теории.

Создание звукового письма для любого языка начинают с установления состава фонем этого языка. При этом столкновение различных точек зрения просто неизбежно. Однако, в конце концов, побеждает одна какая-нибудь, и

она становится нормой. Хотя, конечно, в принципе, теоретически, могла бы быть и другая, прямо противоположная. То есть, из теоретически возможных двух или нескольких вариантов лишь один становится нормой. Так случилось, например, при установлении состава фонем в дунганском языке. Два великих ученых, Е.Д. Поливанов и Н. Трубецкой, находясь в разных концах света, почти в одно и то же время высказали две разные точки зрения о составе дунганских фонем.

Е.Д. Поливанов ратовал за наличие дифтонгов в дунганском языке, а Н.Трубецкой – за существование огубленных согласных. К примеру, слово «цеплять», по-Поливанову, выглядело бы как гуа, а по-Трубецкому как гва. Разбирая обе точки зрения, автор отмечает, что у Евгения Дмитриевича согласных гораздо меньше, чем у Н.Трубецкого, а гласных больше. Общее количество фонем у Е.Д. Поливанова также меньше, чем у Н.Трубецкого. И в целом, его подход выглядит стройнее и рациональнее. К тому же Н.Трубецкой лишь предложил возможный подход и вовсе не собирался подробно рассматривать его или не успел это сделать. Поэтому его подход также и остался неосуществленным вариантом, т.е. теорией, а нормой стал подход Е.Д. Поливанова.

Так, в общем, обстоит дело с теорией и нормой в дунганском языке на уровне фонетики и фонологии.

На уровне грамматики и дунганского, и китайского языков нормой считается отсутствие склонения существительных в обычном понимании, т.е., как в русском и других индо-европейских языках. Хотя теоретически можно предположить, что дунганские существительные имеют формы четырёх падежей: именительного, родительного (принадлежности), творительного и предложного (местного). Приведем примеры: дезы «тарелка» – дезыди «тарелки» (дезыди дизы «дно тарелки») – дезышюн на тарелке (на чём?) – дезыни «в тарелке» (в чём?). Однако всё это не принято считать нормой, хотя в речи употребляется регулярно. Поэтому наши

рассуждения можно принять как один из подходов по данной проблеме, т.е. как теорию.

Специальную форму множественного числа и в дунганском, и в китайском языках имеют только существительные, обозначающие лица, например: дунг. жын «человек» – жынму «люди»; кит. жэнь «человек» – жэньмэнь «люди». Это, пожалуй, является тем случаем, когда теория и норма полностью совпадают. Хотя, нужно отметить, что в дунганском языке наблюдаются отступления от нормы при употреблении грамматических терминов, например: дуарди эрцы йуан «второстепенный член предложения» – дуарди эрцы йуанму «второстепенные члены предложения» и др.

На уровне словообразования и лексики дунганского языка, употребление слов *дачуй* «драться», *мажон* «ссориться» является нормой. Первое образовано путём сложения двух корневых морфем *да* «бить» и *чуй* «кулак», а второе – из двух корневых морфем *ма* «ругать» и *жон* «война». Эта форма слов *дачуй* «драться» и *мажон* «ссориться», а также других слов аналогичного образования считается словарной формой. Во всех словарях и справочниках используется именно такая общепринятая форма.

Однако в речи и тексте эти слова (глаголы) могут принять форму прошедшего времени и при этом стать словосочетанием, например: *дачуй* «драться» – *дали чуйли* «бились кулаками»; *мажон* «ссориться» – *мали жонли* «ругались войной» и др. Употребление такой формы в этом случае также является нормой.

Основным способом словообразования в дунганском и китайском языке является словосложение. При этом нередко возникает проблема неразличения сложного слова и словосочетания, например: *бийцэ* «капуста» (дунг.) – *бий цэ* «белый овощ»; *байцай* «капуста» (кит.) – *бай цай* «белый овощ» и др. Такая ситуация в обоих рассматриваемых языках случается весьма часто, поскольку состав сложного слова и словосочетания нередко материально совпадают.

В таких случаях еще Е.Д. Поливанов предлагал переставить их составные части, при этом сложное слово теряет всякое значение, а словосочетание сохраняет прежнее значение или становится предложением, например: *быйте* «алюминий» – *бый те* «белое железо»: *тебый* ничего не значит, а *те бый* означает «железо белое».

Известно, что словообразование в иерархии языковых уровней занимает место между лексикой и грамматикой и, естественно, связано с последними. Так, словосложение, играющее заметную роль в процессе обогащения лексики, производится по законам грамматики. В речи по существующим моделям постоянно создаются комплексы (словосочетания), компоненты которых находятся между собой в тех или иных грамматических отношениях. Словосочетание при определенных условиях (потеря лексического значения одним из компонентов, потеря этимологического тона или ударения одним из них и т.д.) становится сложным словом, т.е. будучи элементом производимым, становится элементом воспроизводимым. В дунганском языке этот процесс был и остается одним из самых динамичных. И в прошлом слова типа *хуончун* «саранча» (*хуон* «желтый», *чун* «червь») в нем образовывали заметный пласт лексики, и в настоящее время слова типа *быйте* «алюминий» (*бый* «белый», *те* «железо») составляют значительную часть словарного состава.

Таким образом, процесс образования сложных слов находится на границе между речью и языком. Поэтому наличие каких-то неустоявшихся элементов – явление вполне естественное. Однако именно ими вызваны некоторые сложности, связанные с разграничением сложного слова и словосочетания, сложного слова и части слова, сложного слова и предложения. В дунганском языке все это усугубляется еще и тем, что порядок следования компонентов сложных слов в нем совпадает с порядком следования компонентов словосочетаний и предложений, т. е. сложные слова в нем строятся по тем же правилам, что и словосочетания и предложения.

При отсутствии в данном случае надежных способов разграничения единицы речи и единицы языка проблема может показаться неразрешимой.

Однако наличие в дунганском языке сложного слова, образованного путем редупликации и соответствующего словосочетания (*бобо* «узлы» и *бо бо* «связывать узел с пожитками»), а также сложного слова, образованного из целого предложения типа *жўчылё* «жёлудь» (*жў* «свинья», *чы* «есть», *лё* «корм») позволяет, как кажется, нащупать некоторые пути разграничения рассматриваемых единиц.

Проблема разграничения сложного слова и предложения существует только в силу наличия небольшого количества сложных слов, образованных из предложений с предикативно-объектными отношениями между составными компонентами, например: *ёнфынжёщүэ* «метель» (*ён* «веять», *фын* «ветер», *жё* «вертеть», *щүэ* «снег», *тохуартомыйхуар* «звездочка» (бот.) – вид цветка (*тохуар* «цветок персика», *то* «вдевать», *мыйхуар* «ромашка») и др. И о ней следует говорить, вероятно, лишь в теоретическом плане и лишь потому, что такие сложные слова есть, и они могут быть моделью образования новых слов. Последнее подтверждается неологизмами типа *хўдўнонжёнзы* «тупица» (*хўдў* «глупость», *нон* «жрать», *жёнзы* «клейстер») и др. Практически же их не смешивают с предложениями, и воспринимаются они только как сложные слова, поскольку на современном этапе развития языка слова в предложении в отличие от компонентов сложного слова (по крайней мере, глагол) так или иначе оформлены. Например, предложение, от которого образовано сложное слово *жўчылё* «жёлудь» (*жў* «свинья», *чы* «есть», *лё* «корм») сегодня должно выглядеть как *жў чы лёдини* «свинья ест корм». Иными словами, на каком-то этапе развития языка, когда слова в предложении не были оформленными (а такой период, очевидно, был, о чем свидетельствуют материалы фольклора, запечатлевшего и сохранившего язык давно минувших дней, например: *зый ту зый – бу гэ сый* «вор крадет у вора – никто никому не должен», букв. «вор красть вор не должен кто») проблема эта, вероятно, существовала. В

настоящее же время, когда слова в предложении имеют те или иные формальные показатели, а у соответствующих компонентов сложного слова они отсутствуют, проблема разграничения сложного слова и предложения практически снимается.

Проблема же разграничения сложного слова и словосочетания действительно существует и существует во многом из-за того, что компоненты отдельных словосочетаний, как и компоненты сложных слов, не оформлены. Но как уже отмечалось, наличие, с одной стороны, слов типа *бобо* «узлы», которые по составу являются сложными существительными и содержат в себе значение множественности, и сходных с ними по структуре словосочетаний типа *бо бо* «связывать узел с пожитками» из глагола и существительного – с другой, поможет, по крайней мере, наметить возможные пути её разрешения. Каждая такая пара, т. е. сложное слово (редуплицированный однослог-существительное) и соответствующее сочетание (однослог-глагол + однослог-существительное), к примеру: *луэлуэ* «стога» – *луэ луэ* «складывать стог», *дуйдуй* «кучи» – *дуй дуй* «сваливать кучу» и др., происходят от одного и того же односложного корня. Следовательно, этимологический тон составных компонентов сложного слова и соответствующего словосочетания также один и тот же. Однако в словосочетании он остается неизменным, а в слове меняется тон одного из компонентов.

Примерно так же обстоит дело и с ударением: словосочетание сохранило двуударность, а слово становится одноударным. При этом распределение ударения здесь происходит в строгом соответствии с закономерностями, отмеченными нами ранее. Двусложное слово всегда имеет ударение на втором слоге, если оно образовано в результате редупликации односложного слова первого тона* [*здесь и далее римскими цифрами I, II, III обозначаются дунганские тоны] (*бо I* – *бобó* «узлы»); и двусложное слово всегда имеет ударение на первом слоге, если оно образовано в результате редупликации односложного слова II (второго) или

III (третьего) тона (*бян II бяньбян луэ III – лу́луэ* «стога») [Имазов М.Х., 1991]. При попытке произнести оба компонента с одинаковой силой рушится целостность слова, а именно: возникает слишком большая пауза между компонентами и создается акустическое впечатление, свойственное для двух односложных слов, т. е. для словосочетания.

Все это полезно учесть также при разграничении сложного слова и словосочетания иной структуры и иных отношений между составными компонентами. Говоря о порядке следования компонентов сложных слов и словосочетаний, следует отметить трехсложные комплексы, оканчивающиеся на морфему **-жын**. Они образованы от глагольно-объектного сочетания и морфемы **-жын**, например: *фон ню* «пасти коров» – *фоннюжын* «пастух», *ба мын* «охранять дверь» – *бамынжын* «швейцар», *ё фынчуан* «гнать самолет» – *ёфынчуанжын* «летчик» и др. Интересно, что без морфемы **-жын** рассматриваемые сложные слова возвращаются к своему исходному положению, т.е. вновь становятся словосочетаниями: *фон ню* «пасти коров», *ба мын* «охранять дверь», *ё фынчуан* «гнать самолет» и др. Последнее свидетельствует о том, что морфема **-жын**, означавшая жын «человек», является здесь средством словообразования. То, что она стала обычным словообразовательным элементом, подтверждается тем, что её легко замещает такой формальный элемент, как суффикс **-ди**: *фоннюжын* «пастух» – *фоннюди* «пастух», *бамынжын* «швейцар» – *бамынди* «швейцар» и др. Кстати, данная модель словообразования в дунганском языке является одной из самых продуктивных.

Размытость границ слова в языках, в том числе и дунганском, явилась, как уже отмечалось, следствием существования неустоявшихся явлений, переходных между словом и словосочетанием, между словом и частью слова. Отсюда и трудности, связанные с определением слова. А они порождены, как представляется, помимо всего, и дефицитом необходимых данных о языках, до сих пор не изученных или малоизученных. Попытки дать всеобъемлющее определение слова [см., например, Аничков И.Е., 1963] основаны, вероятно,

на том, что «существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу» [Вандриес Ж. 1937], а стремление ограничить определение слова рамками отдельных или даже отдельного языка [Иванова И.П., 1963] базируется, очевидно, на том, что «невозможно объять необъятное», что языки все же значительно отличаются друг от друга. Однако отсутствие такого определения вовсе не означает отсутствие понятия «слово» у говорящих на различных языках. А понятию этому, думается, в большой мере соответствует следующее определение слова: «Слово есть кратчайшая единица языка, самостоятельная по своему значению и форме» [Жирмунский В.М., 1963]. Такого понимания слова мы здесь и придерживаемся.

В дунганском языке нелегко отличить от сложного слова атрибутивное сочетание из двух существительных, атрибутивное сочетание из прилагательного и существительного, глагольное сочетание из глагола и существительного. Имеются также трудности, связанные с разграничением счетного слова и счетного суффикса. Рассмотрим наиболее сложные случаи и попытаемся с учетом сказанного выше предложить некоторые критерии и способы разграничения слова и словосочетания, слова и части слова.

Атрибутивное сочетание из двух существительных трудно отличить от сложного слова атрибутивно-именного образования, например: *мо* I и *щян* III 'шерстяная нить' (букв, шерсть, нить) – *мощян* I, II 'невзрачный' (букв, 'шерсть, нить'). Только внимательное их рассмотрение позволяет заметить, что в первом случае мы имеем расчлененное понятие, а во втором – единое, что в немалой степени определяется двуударностью словосочетания и одноударностью слова, устойчивостью этимологического тона составных компонентов, с одной стороны, и нередко его изменением – с другой. Этому же способствует, вероятно, и разница во времени звучания составных компонентов, в длительности пауз между ними, что легко улавливается на слух и подтверждается экспериментальными данными китайского языка (Румянцева М.В., 1968], типологически близкого, а вернее – родственного

дунганскому. Практически разграничение слова и словосочетания данного типа производится путем инверсии и вставки между составными компонентами связки **-сы** и суффикса **-ди** в конце. Слово при этом разрушается (*мощян* I, II) ‘невзрачный’ – *щянсы моди* (теряется значение невзрачный), а словосочетание становится предложением (*мо* I *щян* III) ‘шерстяная нить’ – *щянсы моди* ‘нить есть шерстяная’.

Атрибутивное сочетание из прилагательного и существительного также нелегко отличить от сложного слова атрибутивно-именного образования, например: *хан* I *фи* II ‘соленая вода’ и *ханфи* I, II ‘слюна’, *тян* I *гуа* I ‘сладкий арбуз’ и *тянгуа* I, II ‘дыня’. В плане семантическом и в плане фонетическом разница между ними такая же, что и между только то рассмотренными выше словосочетанием и сложным словом, а именно: расчлененное понятие и единое, двуударность и одноударность, устойчивость этимологического тона составных компонентов и его изменение. В дунганском языке есть такие предложения, в которых в роли подлежащего выступает только существительное, в роли сказуемого – только прилагательное. При этом на первом месте всегда стоит подлежащее. Рассматриваемые сложные образования при инверсии становятся предложениями именно такого типа или разрушаются. В первом случае это словосочетание, во втором – слово: *хан* I *фи* II ‘соленая вода’ – *фи* II *хан* I ‘вода соленая’, *ханфи* I, II ‘слюна’ – *фихан* (бессмысленный набор звуков).

Определенные трудности существуют и при разграничении глагольного сочетания из глагола и существительного и сложного слова предикативно-объектного образования, например: *кан цэ* ‘рубить дрова’ – *дачуй* ‘драться’ (букв. ‘бить, кулак’). При этом допускается инверсия, а также введение между ними грамматизованного элемента: *цэ кандини* (*канни*, *канли*) ‘дрова рубят (будут рубить, рубили)’, *канли цэли* ‘рубили дрова’; *чуй дадини* (*дани*, *дали*) ‘дерутся (будут драться, дрались)’. Нельзя, однако, не заметить, что определенное семантическое содержание имеет лишь объектная основа первого сложного образования. Налицо здесь также и

другие различия семантического и фонетического плана. Сложные слова, образовавшиеся из сочетания глагола и существительного, появились, вероятно, сравнительно недавно, и поэтому в них еще обнаруживаются как признаки слова, так и признаки словосочетания. С одной стороны, каждый такой глагол выражает одно понятие, имеет одно ударение и морфологическую форму, в предложении является одним членом предложения. Все это сближает его со словом. С другой стороны, при определенных условиях (например, при образовании формы прошедшего времени) целостность этого глагола легко разрушается, и он как бы вновь возвращается к своей исходной форме – становится словосочетанием: *дачуй* ‘драться’ – *дали чуйли* ‘дрались’.

Имеются трудности, связанные с разграничением счетного слова и счетного суффикса. Оба они употребляются только при числительных, и поэтому могут быть отнесены как к счетным словам, так и к суффиксам числительных, например: *сан фон* ‘три пары’ – *санха* ‘три раза’. Разница между ними заключается в том, что слово имеет определенное семантическое содержание и может путем редупликации или с помощью суффикса образовывать новые слова, а суффикс лишён смыслового значения и способности редуплицироваться или присоединять какой-либо другой суффикс: *фон* ‘пара’ – *фонфон* ‘двойной’, *фонфор* ‘двойня’; *-ха* – суффикс. Имеющиеся здесь трудности усугубляются тем, что отдельные счетные слова (как, например, *ган* I ‘шест’, палка’, *жон* I лист и ба II ‘горсть’, ‘ладонь’) могут выступать и в роли счетных суффиксов: *йи ган чон* ‘длиною в один шест’ – *йиган чён* ‘одно ружье’; *сан жон зы* ‘три листа бумаги’ – *санжон тезы* ‘три рубля’, *лён ба мян* ‘две горсти муки’ – *лёнба дозы* ‘два ножа’.

Практически разграничение счетного слова и счетного суффикса производится заменой их весьма универсальным суффиксом *-гэ*. Если такая замена происходит, то это счетный суффикс, если же она невозможна, то это счетное слово: *санжон тезы* ‘три рубля’ – *сангэ тезы*, *сан жон зы* ‘три листа бумаги’ – *сангэ зы* (невозможно). Данный способ разграничения счетного

слова и счетного суффикса основан на том, что слово и морфема относятся к разным уровням и, следовательно, могут быть заменены только себе подобными единицами.

Таким образом, вопрос о разграничении слова и словосочетания, слова и части слова в дунганском языке, несмотря на всю сложность, не кажется уж столь неразрешимым. Практическое решение данного вопроса во многом нашло свое отражение на письме. И теперь уже в свою очередь отдельное, дефисное и слитное написание слов графически отражает одну из сторон языка, характеризующих его развитие, а именно: отдельное написание – наличие в нем отдельных слов и словосочетаний; дефисное – переходные случаи, когда сложные слова все еще сохраняют некоторые свойства словосочетаний; слитное – появление лексикализованных словосочетаний, т.е. сложных слов, образованных из словосочетаний.

В свете сказанного выше может показаться, что проще всего в этом отношении обстоит дело с простыми односложными словами. Однако при ближайшем рассмотрении последних оказывается, что и здесь имеются некоторые трудности.

Односложные слова, или первичные лексемы, как в китайском, так и в дунганском (и, вероятно, во всех слоговых) языках составляют их основной словарный фонд. Каждое из этих слов произносится в том или ином тоне. Изначально одни из них обозначают действие, другие – предметы, третьи – признаки и т.д. Лишь очень немногие могут обозначать сразу и действие, и предмет. Так, китайское слово *цзюй* означает и ‘пилить’, и ‘пила’, а дунганское *бо* – и ‘свернуть’, и ‘свёрток’. И уж совсем единичные из них могут обозначать и действие, и предмет, и признак. В китайском и дунганском языках слово *сю* означает ‘ржаветь’, ‘ржавчина’ и ‘ржавый’ (Существование таких слов для некоторых ученых в своё время послужило основанием для отрицания наличия частей речи в этих языках.)

Редуцированный вариант некоторых из них (не все они способны редуцироваться), как правило, является существительным.

Редуплицироваться могут только те из этих многозначных первичных лексем, которые означают действие и предмет. Вот тут-то опять возникает необходимость отличать такую редуплицированную лексему от двух совершенно одинаковых самостоятельных лексем, оказавшихся рядом, например, *цоцо* ‘канавы’ (от *цо* ‘копать’), *цо цо* ‘копать канаву’ (от *цо* ‘копать’ и *цо* ‘канавы’), *бобо* ‘свертки’ (от *бо* ‘свернуть’ и *бо бо* ‘свернуть’ сверток’) и др. Составные компоненты слова (редуплицированного) и словосочетания на письме (и на китайском иероглифическом, и на дунганском фонетическом) выглядят абсолютно одинаково, т.е. имеют одинаковый графический облик. В отличие от редуплицированного существительного составные компоненты словосочетания сохранили этимологический тон и дистанцировались друг от друга заметной паузой. На письме в китайском языке пауза не нашла отражения, а в дунганской орфографии она означена в виде пробела между составными компонентами.

Таким образом, язык постоянно развивается, а теория, следуя за его развитием, пытается создать нечто постоянное – норму, которая облегчила бы написание и понимание.

ХРОНИКА

К ЮБИЛЕЮ КАНДИДАТА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК СТАРУСЕВОЙ ТАМАРЫ ИГОРЕВНЫ

Тамара Игоревна Старусева (20.04.1940), кандидат исторических наук (1992), ведущий научный сотрудник трудится в Институте истории уже свыше 50 лет. Родилась в трудный предвоенный год, с отличием окончила и школу, и исторический факультет Киргосуниверситета.

Проработав 8 лет в республиканском архиве, с 1968 года посвятила всю оставшуюся жизнь академической науке. Ее путь в историческую науку был вполне закономерен, так как история увлекала со школьных лет. Работа в Музее изобразительных искусств и Историческом также заложили основу ее будущих научных интересов, а именно – культурно-духовные процессы и историю Великой Отечественной войны.

В так называемый «советский период» вышли 4 тома «Истории Киргизской ССР», в которой кроме инновационной библиографии 3–4-го томов (1986 и 1990 гг.), Т.И. Старусева занималась и непосредственной их редакцией вместе с официальными редакторами. Подготовленный 5-й том не смог выйти в свет из-за развала СССР, а его материалы «благополучно исчезли».

Творческий взлет Тамары Игоревны пришелся на 2000-е годы. Наряду с работой в журнале «Вопросы истории Кыргызстана» (зам. главного редактора), которая отнимала много сил и времени, она занимается (в соавторстве) разработкой авторской программы и учебно-методического пособия по курсу «Манасоведение», подготовленного в соответствии с требованиями «Образовательного стандарта» Министерства образования и науки КР. Пособие давало студентам сумму определенных знаний по истории эпоса «Манас», его форме и содержанию, исполнителям и

исследователях, значении и месте в системе культурных ценностей мирового сообщества. Другое совместное учебное пособие для студентов очного и заочного обучения «История мировой и отечественной культуры» предлагало темы и планы обзорных лекций, определенный лекционный материал, рекомендуемую литературу, вопросы для самопроверки и семинарских занятий, термины и определения. Одобренное Министерством образования и науки КР, оно состояло из двух разделов: философского, включавшего изучение исходных структурных категорий, динамику культурного процесса, детерминанты культуры и внутренние закономерности ее развития. Исторический раздел содержал краткую характеристику основных культурно-исторических типов: первобытного общества, древнего Востока, античности, средневековой Европы, эпохи возрождения, а также культуры Кыргызстана и ее места в процессе общественно-исторического развития.

Далее последовал первый проект – исследование истории прокуратуры к 85-летию ее образования, завершившийся изданием монографии⁴. На обширном архивном материале, в хронологической последовательности в ней прослежены этапы развития прокуратуры, полные сложных, зачастую драматических событий. Особое внимание автор уделил формированию органов прокуратуры, кадровой политике, борьбе с преступностью, соблюдению законности, прав граждан, а также международному сотрудничеству.

Следующая монография Т.И. Старусевой⁵ освещает творческие связи между двумя союзными республиками в период так называемой «оттепели» – процесса демократизации общественно-политической жизни советского государства. Она охватывает не только художественную культуру, но также науку и образование. Подчеркивается, что взаимосвязи носили характер сотрудничества и способствовали дальнейшему развитию, как этих сфер, так

⁴ *Старусева Т.И.* История прокуратуры суверенного Кыргызстана (1991–2009 гг.). Бишкек, 2012. 19,9 п.л.

⁵ *Старусева Т.И.* Культурные взаимосвязи Киргизстана и России в 50-е годы XX века. Бишкек, 2013. 11 п.л.

и подъему духовности кыргызского народа. В монографии «Культурные процессы в Кыргызстане (1917–2010 гг.). Проблемы культуры и общества», написанной на основе обширного фактологического материала, в том числе и архивного, характеризуется деятельность культурно-просветительных учреждений на разных этапах кыргызской советской государственности; исследуются процессы формирования и развития профессиональной художественной культуры, а также актуальные проблемы духовности общества⁶.

В трехтомной монографии «Великая Отечественная война (1941–1945 гг.). Уроки истории» Т.И. Старусева последовательно осветила историю войны советского народа с нацистской Германией – от событий накануне ее до закономерностей победы⁷. В первом томе прослеживаются мобилизационные процессы в политической, военно-экономической, научной и культурной сферах, направленных на отпор врагу. Подчеркивается, что важнейшими факторами отражения фашистской агрессии стали массовый героизм советских воинов, всенародный характер борьбы с ней, единство фронта и тыла, а также внешнеполитическая деятельность советского государства, сумевшего организовать международную изоляцию фашизма. Во втором томе характеризуется вклад Кыргызстана в Великую Победу. Констатируется, что республика поставила на службу фронту свои материальные, людские ресурсы и создала необходимые условия для эвакуированных промышленных предприятий, научных и культурных учреждений. Достоинно прошли свои фронтовые дороги воины-кыргызстанцы, проявляя подлинный героизм в борьбе с врагом. Отмечается, что в Кыргызстане культивируется уважение к участникам Великой Отечественной войны; отдается должное и памяти тех, кто погиб, защищая Отечество, навсегда вошедшее в мировую историю как

⁶ *Старусева Т.И.* Культурные процессы в Кыргызстане (1917–2010 гг.): Проблемы культуры и общества. Бишкек, 2014. 16,9 п.л.

⁷ *Старусева Т.И.* Великая Отечественная война (1941–1945 гг.): Уроки истории. – В 3-х томах. Бишкек, 2016.

Советский Союз. В третьем томе в качестве уроков истории раскрываются планы и цели нацистской Германии, источники победы СССР и ее всемирно-историческое значение, а также влияние послевоенного развития мирового сообщества на современные процессы. Констатируется необходимость формирования исторической памяти постсоветского общества, а также борьбы с фальсификацией истории Второй мировой и Отечественной войн. Эта монография заслужила поощрение Президента Кыргызской Республики и сертификат Волгоградской международной научно-практической конференции, а также Почетную грамоту от Республиканского совета ветеранов войны, вооруженных сил, правоохранительных органов и тружеников тыла. Эта проблема тем более актуальна, что на постсоветском пространстве вновь поднимают голову нацисты и снова маршируют по некогда освобожденным от фашистов городам потомки тех, кто заливал их кровью в годы Великой Отечественной войны.

Т.И. Старусева участвовала в создании коллективной монографии «Кыргызы», изданной в Москве в издательстве «Наука». Приняла активное участие в написании третьего тома Истории Кыргызстана на кыргызском языке. В двух главах она охарактеризовала роль культурно-просветительных учреждений в культурном строительстве советского периода, а также в духовной составляющей социалистического общества. Она также осветила трансформацию их деятельности на этапе демократических преобразований. В разделе Великой Отечественной войны проследила фронтовые дороги воинов-кыргызстанцев, принявших участие практически во всех ее сражениях. Кроме этого исследуется процесс формирования профессиональной культуры кыргызского народа, подчеркиваются ее несомненные достижения, получившие известность не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Раскрывается и сложность трансформации духовных приоритетов, адаптации к реалиям транзитного периода и несомненность новых достижений в условиях суверенитета.

В целом творческий актив Т.И. Старусевой составляет около 150 научных трудов, включая учебные пособия и монографии. В свой юбилейный год она издала очередную монографию⁸, которая, несомненно, внесет очередной вклад в отечественную историографию, тем более что ее актуальность совершенно очевидна. Эпиграфом к данной книге стали мудрые слова Василия Ключевского «История ничему не учит, но сурово наказывает за незнание уроков...». Автор, проследившая историю становления и развития фашизма, отмечает опасность фальсификации событий и итогов Второй мировой войны в угоду политической конъюнктуры, осуждает попытки реабилитации нацистской идеологии как крайне опасного феномена, угрожающего международной безопасности.

Т.И. Старусева – активный участник конгрессов, симпозиумов, международных и республиканских научно-практических конференций и семинаров, круглых столов, видеоконференций и в качестве лектора летних школ молодых ученых СНГ. Занимаясь непосредственно научной работой, она, тем не менее, отдает свои знания и молодежи, являясь председателем или заместителем председателя государственных экзаменационных комиссий, вносит необходимые коррективы в дипломные работы студентов вузов республики. Кстати, ее учебно-методические, учебные пособия и монографические работы фигурируют в учебных процессах республиканских вузов.

Освещая творческую научную биографию нашего юбиляра, нельзя не остановиться и на ее человеческих качествах. Личность Тамары Игоревны многогранна. Она – удивительно доброжелательный, коммуникативный человек, способный откликнуться и помочь при различных жизненных обстоятельствах. Есть и еще одна грань: обладая превосходным голосом, она щедро делится им во время неслужебных, но столь необходимых коллективных встреч, что душевно разнообразит институтские будни...

⁸ *Старусева Т.И.* От фашизма до противостояния: реалии и вызовы времени (К 80-летию Второй мировой войны и 75-летию Великой Победы). Бишкек, 2020.

За долголетнюю и плодотворную научную работу Т.И. Старусева награждена рядом Почетных грамот и благодарностей, в 2004 году удостоена почетного звания «Заслуженный работник Национальной академии наук Кыргызской Республики». В ноябре 2018 года за особые заслуги перед Отечеством награждена Почетной грамотой Правительства Кыргызской Республики. Творческий путь ведущего научного сотрудника, кандидата исторических наук, доцента Т.И. Старусевой продолжается в отделе истории Кыргызстана XX–XXI вв.

Коллеги и друзья поздравляют Тамару Игоревну с юбилеем, желают ей долгих лет жизни, крепкого здоровья, неистощимой энергии и дальнейших творческих успехов.

С.М. Скрипкина

К юбилею кандидата исторических наук Жолдошова Рыскула

Жолдошов Рыскул Жолдошович, историк, специалист по средневековой и этнической истории кыргызов. Родился 10 октября 1960 г. в селе Кара-Саз Кочкорского района Нарынской области. В 1984–1989 гг. учился на факультете истории Кыргызского государственного университета им. 50-летия СССР.

С 1990 г. стал работать в Академии наук Кыргызской ССР в должности младшего научного сотрудника в отделе рукописей и публикаций Института языка и литературы, затем в отделе Восточных рукописей литературы и искусства. С 1994 г. работает в отделе истории Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века Института истории. В 2000 г. аттестован на должность научного сотрудника, а затем в 2005 г. – старшего научного сотрудника. С 2016 г. возглавляет этот отдел.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук защитил на тему «Значение генеалогических преданий в изучении этнической истории кыргызского народа» в 2000 г. Научным руководителем был доктор исторических наук, профессор Омуркул Караев. Его кандидатская работа посвящена изучению этнической истории кыргызского народа на основе генеалогических преданий. Он проанализировал предания о происхождении кыргызов, раскрыл их значение как историко-этнографического источника в изучении этногенеза кыргызского народа. Посредством сведений, содержащихся в генеалогических преданиях, Рыскул Жолдошов исследовал этногенетические связи древних кыргызских племен с тюрками-кочевниками, обитавшими в Центральной Азии в средние века⁹.

Рыскул Жолдошов продолжает успешно заниматься изучением средневековой и этнической истории кыргызского народа, используя различные источники, в том числе материалы этногонии. Биографические исследования Р. Жолдошова жизни и деятельности исторических личностей средних веков, доколониального и колониального периодов позволяют с новых позиций углублять изучение истории Кыргызстана¹⁰.

Рыскул Жолдошов активно принимает участие в работе многих республиканских и международных конференций и симпозиумов, выступая с докладами и сообщениями. Им опубликовано более 70 научных работ по проблемам этнической истории и этнического состава кыргызов¹¹. В годы

⁹ Жолдошов Рыскул. Значение генеалогических преданий в изучении этнической истории кыргызского народа: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. исторических наук (07.00.02) / Институт истории НАН КР. Бишкек, 2000. 18 с.

¹⁰ Осмон датка – орус оторчулугуна каршы күрөшүүчү // Кыйын кезендин арстандары: Тайлак баатыр жана анын уулу Осмон датка/түз. Б.Сатыбалдиева. Бишкек, 2013; Абдрахмановдун «Казак-кыргыз окуясы» / (түзгөн жана илимий комментарий жазган Р. Жолдошов) // Кыргыздар: 14 томдук. Т. 4. Бишкек, 2011; Балбай баатырдын туулган жылына тактоо // Кыргыздар: 14 томдук. Т. 7. Бишкек, 2011; Төрөгелди баатыр // Кыргыздар: 14 томдук. Т. 8. Бишкек, 2011; Шабдан баатырдын саясий көз карашынын эволюциялык өнүгүүсү / Шабдан баатыр: доор жана инсан. Бишкек, 2009; Ормон хан баяны / Кыргызстандын тарыхы боюнча методикалык көрсөтмөлөр жана программалык окуу куралы. Бишкек, 1994; Мухамед-кыргыз // Кыргыздар: 14 томдук. Т. 8. Бишкек, 2011.

¹¹ Могулстан доору кыргыз уламыштарында / Кыргызстан – наше отечество: история... Бишкек, 1997; Уруулук тузүлүш жана этногенетикалык уламыштар / Фольклордун жанрдык табиятындагы салттуулук жана жекечилик өзгөчүлүктөрү. Бишкек, 1998; Угуз-

независимости одной из важных задач для института была подготовка академического издания «Истории Кыргызстана». В этом направлении сотрудники отдела «Истории Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века» под руководством Рыскула Жолдошова вместе с коллегами из других отделов Института работали плодотворно и завершили академическую редакцию в 2016 г.¹². В данное время отдел «Истории Кыргызстана с древнейших времен до конца XIX века» продолжает свою деятельность под руководством кандидата исторических наук Р.Ж. Жолдошова. Сотрудники отдела и другие коллеги глубоко его уважают за принципиальность, объективность и глубокое знание своей проблематики.

Коллектив Института поздравляет Рыскула Жолдошовича с юбилейной датой, желает ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Алагозов А.

хан этногенетикалык уламышында кыргыздардын орто кылымдардагы тарыхынын чагылышы / Изучение древнего и средневекового Кыргызстана. Бишкек, 1998; Оң канат жана сол канат этнодуалдык уруулук уюму / Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Вып. 2. Бишкек, 1999; Байыркы кыргыздар жөнүндөгү Гардизинин уламышындагы фольклордук мотивдер (XI к.) / Байыркы кыргыз тарыхынын актуалдуу проблемалары. Бишкек, 2001; «Кырк кыз» уламышы боюнча кыргыз элинин этногенетикалык байланыштары / Коомдук илимдер журналы. Бишкек, 2001; Фу-йу кыргыздарынын түпкү теги / Коомдук илимдер журналы. Бишкек, 2003.

¹² Кыргызстандын тарыхы. Байыркы мезгилден азыркы мезгилге чейин. 3 томдук. I т.: Байыркы мезгилден XVI к. аягына чейин. Бишкек, 2016.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунки к статье Э. Султанова

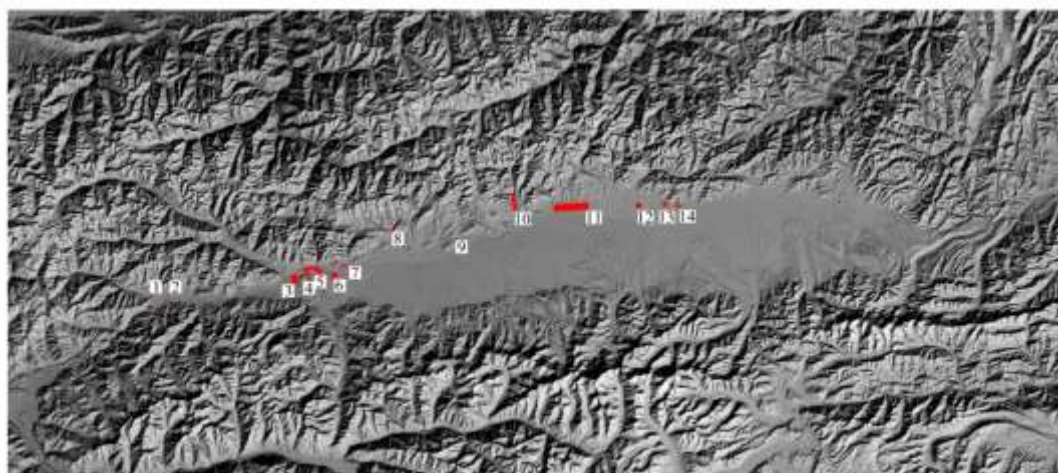

Рис. 1.

0 50 км

Рис. 2.

Рис. 3.

0 100 м

Рис.4.

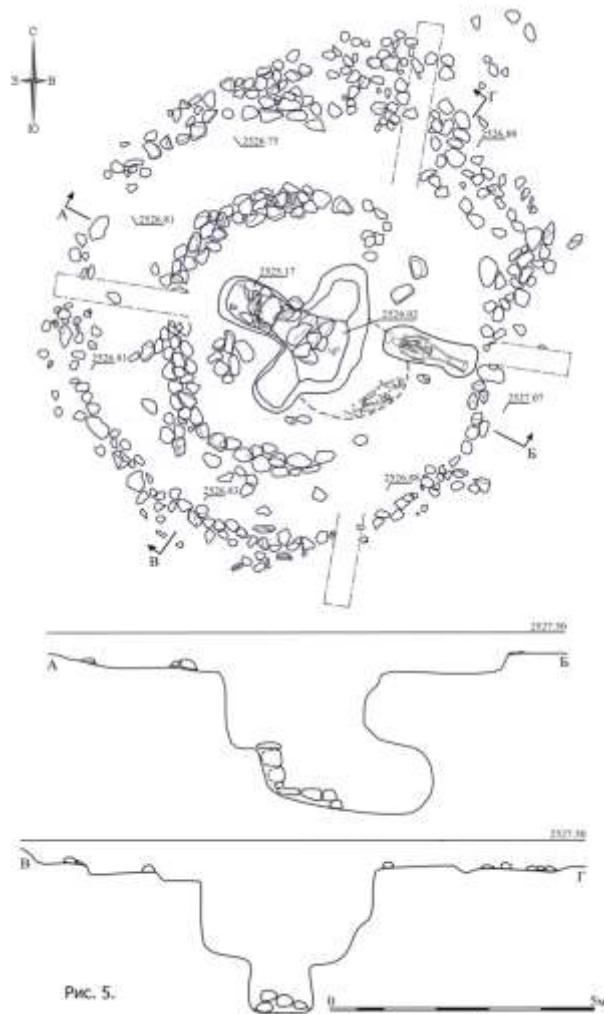

Рис. 5.

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

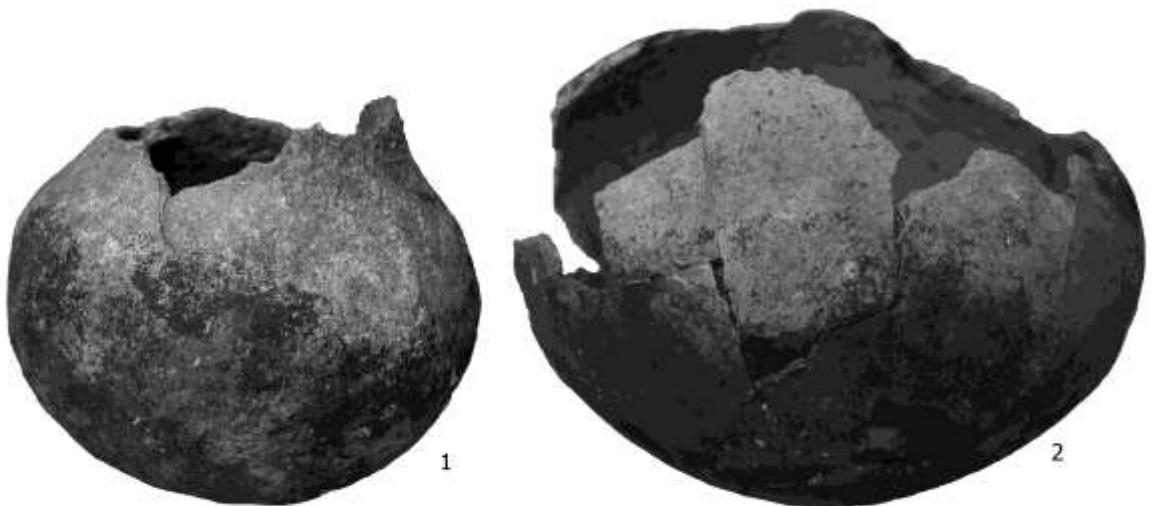

Рис. 11.

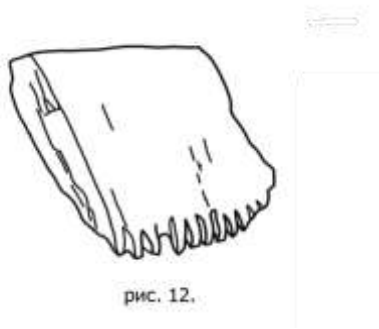

рис. 12.

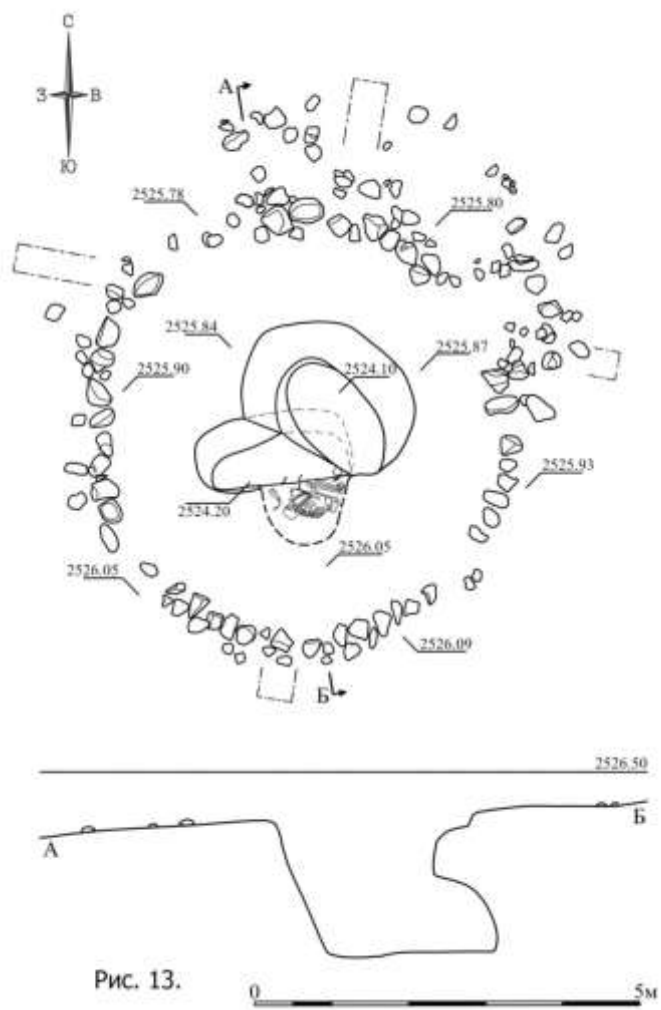

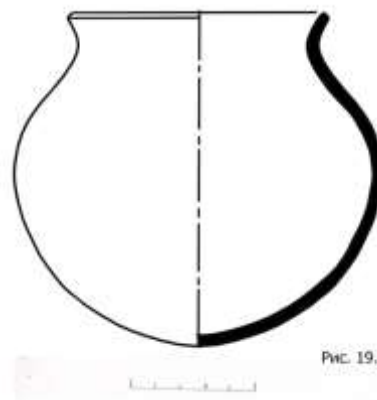
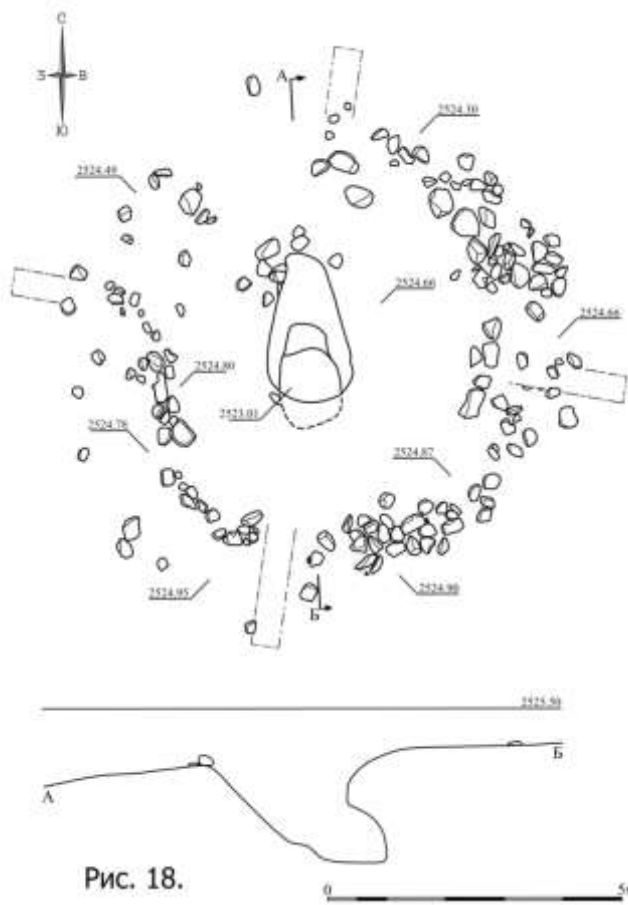
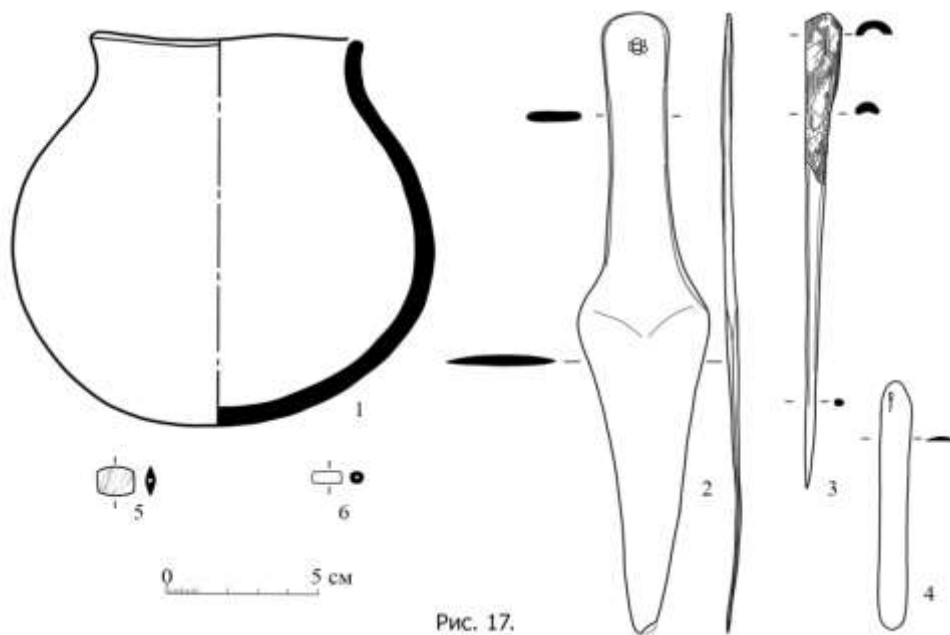
Рис.14.

Рис.15.

Рис. 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Асанканов Абылабек Асанканович**, академик НАН КР, доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова НАН КР
2. **Алагозов Азамат**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
3. **Бексултанова Чинара Дамировна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнологии Института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова НАН КР
4. **Борсунбаев Марсбек Келдибекович**, младший научный сотрудник Отдела археологии ИИАиЭ им. Б. Джамгерчинова НАН КР
5. **Дюшенбиев Саламат Усупович**, и.о. зав. Отделом этнологии Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
6. **Жеенкулова Лира**, ученый секретарь Института истории, археологии и этнологии им. Б.Джамгерчинова НАН КР
7. **Жумабаев Аскат Тойчубекович**, соискатель Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
8. **Имазов Мухаме Хусезович**, член-корреспондент НАН КР, доктор филологических наук, профессор, зав. Центром дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
9. **Маджун Джамиля Сулеймановна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра дунгановедения и китаистики Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
10. **Мусаев Омурбек Мамаюсупович**, старший преподаватель Баткенского государственного университета
11. **Скрипкина Светлана Михайловна**, научный сотрудник Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
12. **Султанов Эмиль Кыязович**, младший научный сотрудник Отдела археологии Института истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР
13. **Тагаев Бекзат Аралбекович**, старший преподаватель Ошского технологического университета им. М. Адышева
14. **Ташбаева Кадича Искандеровна**, кандидат исторических наук, зав. Отделом археологии Института истории, археологии и этнологии им.Б.Джамгерчинова НАН КР

Правила оформления статей

Автору необходимо указать место работы, ученую степень и должность (на кыргызском, русском и английском языках), номер телефона и адрес электронной почты.

К направляемой в редакцию статье прилагаются **списки ключевых слов** (от 5 до 15) и **аннотации** на кыргызском, русском и английском языках (до 200 слов, включая служебные). Название статьи (на кыргызском, русском и английском языках) должно строго соответствовать содержанию. Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором.

Статья должна подаваться в виде файла в формате WinWord. Распечатка компьютерного набора приветствуется.

Размер кегля 14 для Times New Roman с полуторным межстрочным интервалом. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- делать принудительные переносы;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сносок на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.).

Библиографические ссылки:

- в тексте (при прямом цитировании или недословном воспроизведении какого-либо текста и указании дат) ссылки приводятся в квадратных скобках с порядкового номера автора из списка литературы и после двоеточия номера страницы: [9: 136];
- в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором она опубликована (для статей), город, название издательства, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц – для монографии, первая и последняя страницы – для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. Фрунзе: Изд-во АН Кирг.ССР, 1962. 288 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Исторические этапы кыргызской государственности / Дж. Джунушалиев, А. Какеев, В.Плоских. Бишкек: Архи, 2003. 280 с.

раздел в монографии

Абдрахманов Т., Скрипкина С. Народное образование суверенного Кыргызстана. 1991–2015 гг. // Кыргызстандын тарыхы (3 томдук). Бишкек: Архи, 2017. III т. С. 614–632.

статья в сборнике

Айдаркулов К. Ранние рукописи эпоса “Семетей” // Сб. Советский Киргизстан: страницы истории и современность. Фрунзе: Илим, 1984. С. 203–210.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Яншансин Ю. Китайские элементы в киргизской лексике // Тр. Ин-та языка, литературы и истории Кирг. филиала АН СССР. 1949. Вып. 3. С. 66–73.

статья в журнале

Мокеев А.М. Этапы этнической истории и социальной организации кыргызского народа на Тянь-Шане в XVI – сер. XVIII вв. // Изв. АН РК. 1991. № 4. С. 43–44.

автореферат

Омурбеков Ч.К. Развитие материальной культуры киргизского сельского населения. 1920–1980 гг. (этнографическое исследование): автореф. дис. ...канд. ист. наук. М. 1990. 22 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. № 3. С. 30–31. Рец. на кн.:
Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1986. 222 с.

Для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Архив НАН КР. Ф. 5. Оп. 3. Д. 1. Л. 8, 11.

Информация из Интернета

Шварц В. Летопись: Туркестан 1916 год // Режим доступа: [www.http: daniyarov.kg](http://www.daniyarov.kg) – Загл. с экрана.

При наличии примечаний – кратких пояснений к основному тексту и дополнений к нему делаются постраничные ссылки.

Таблицы должны быть представлены в формате WinWord шириной не более 270 мм, без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Диаграммы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть озаглавлены, даны в черно-белом варианте.

**ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ЖАНА ЭТНОЛОГИЯ
ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ**

Илимий журнал
Научный журнал

Технический редактор: *С.М. Скрипкина*

Корректор: *А.С. Закирова*

Компьютерная верстка: *У.Э. Иманкулов*

Формат издания 60x84/16

Печать на офисной бумаге

Объем 16,6 п.л.

Тираж 100 экз.

Издательство «Гулчынар»

г. Бишкек, ул. Т.Фрунзе, 91/1, т. 0779 507 031